

[Polaris]

ВИКТОР ГОНЧАРОВ

МЕЖПЛАНЕТНЫЙ
ПУТЕШЕСТВЕННИК

Полное собрание сочинений

Том II

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Salamandra P.V.V.

ВИКТОР ГОНЧАРОВ
ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ШЕСТИ ТОМАХ

Том II

**Виктор
ГОНЧАРОВ**

МЕЖПЛАНЕТНЫЙ ПУТЕШЕСТВЕННИК

(Фантастический роман)

Salamandra P.V.V.

Гончаров В. А.

Межпланетный путешественник: (Фантастический роман). Продолжение и окончание «Психо-машина». Подг. текста и прим. А. Шермана. – (Полное собрание сочинений в шести томах, т. II). – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2016. – 187 с. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика).

Головокружительные путешествия во времени и пространстве, чудовища Венеры, бесполое человечество будущего, схватки с негуманоидами и изворотливыми агентами капитала... В романе «Межпланетный путешественник» (1924), составившем второй том полного собрания сочинений, безудержная фантазия загадочного Виктора Гончарова, одного из пионеров советской фантастики, достигает новых высот.

МЕЖПЛАНЕТНЫЙ ПУТЕШЕСТВЕННИК

(Фантастический роман)

Продолжение и окончание
«Психо-машина»

В. ГОНЧАРОВ.

МЕЖПЛАНЕТНЫЙ ПУТЕШЕСТВЕННИК

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

ЧАСТЬ I

КОМБИНАЦИИ ВСЕЛЕННОЙ

Глава I

ТАЙНА ВЕЗА АЙРАНИ

1.

Помещениями небезы были богаты. Квартирный кризис они переживали только один раз — 500.000 лет назад, во время контр-социалистического переворота, когда победители-везы, отчаянно уплотнив побежденных, сами разместились более чем с комфортом: каждый вез занимал по дворцу. По мере вымирания узурпаторов, искусственно — посредством чудовищных мер — разряжалась плотность остального на-селения. В результате — через 20-30 лунных лет, острота квартирного кризиса «благополучно миновала», — как выразился везовский официоз, и с тех пор на этой планете не знали, что значит не иметь помещений для жилья.

Последняя революция, снова поставив у власти народ, дала ему возможность еще просторней расположиться в многочисленных «небоскребах» и дворцах. Но и теперь еще пустовали целые кварталы на заселенном полушарии Луны, не считая давно покинутых жилых строений внутри планеты. Андрею и Никодиму, как они ни протестовали, отвели в знак особого расположения к ним громадный трех-этажный особняк, стоявший наверху 60-этажного «небоскреба».

— Ну, что ты будем делать с ним? — растерянно вопрошали приятели, привыкшие на Земле жить в одной скромной комнатке, вполне достаточной для помещения их небольшого имущества и их самих. А тут, лишь для того, чтобы более или менее подробно ознакомиться с новой своей квартирой, потребовалось несколько дней...

Весь первый этаж занимала библиотека. Шкапы от пола до потолка были заполнены книгами — сокровищницами везовских знаний. Лунные книги совсем не походили на земные. Они скорее напоминали собой граммофонные пла-

стинки, исчерченные с обеих сторон микроскопическими концентрическими кругами. Кайя — женщина-небез, постоянный спутник приятелей — объяснила, как пишутся эти книги и как их можно читать.

Сходство в изготовлении земных граммофонных пластинок и лунных книг, так же, как и в пользовании ими, было полное.

Как на Земле записывают звуковые волны, в частности человеческий голос, на особой мастике, так на Луне записывают психо-волны посредством аналогичного же аппарата и такой же мастики.

И звук и мысль — явление чисто материальное; и то и другое в первом случае — волнообразное колебание воздуха, во втором — колебание более тонкой материи-эфира.

Лунный ученый, задумавши написать книгу и продумавши ее основательно, становится перед психо-фиксатором и излучает в него свои мысли. Последние фиксируются в виде линий разной глубины на пластинках.

— Таким образом, ваши книжные листы соответствуют нашим пластинкам, а несколько таких пластинок, соединенных вместе, составляют лунную книгу. Чтобы прочитать ее, достаточно взять этот прибор, — Кайя показала небольшой аппаратик с рупорной трубой, — если перевести его название на земной язык, оно будет «психофон», и вкладывать на вертящийся круг его последовательно листы — пластинки. Тогда психофон начнет излучать мысли автора книги.

— Ваши книги занимают очень много места, — сказал Никодим, оглядывая шкапы, заставленные толстыми пластинками в металлических футлярах.

— Вы ошибаетесь, — возразила Кайя, доставая с полки один футляр, имевший в толщину 2 вершка.

— Вот в этой книге, например, изложена вся история лунной жизни, начиная с эпохи зарождения первой живой клетки и почти до настоящего времени.

Она открыла футляр, и приятели вскрикнули изумленные: то, что они принимали за несколько — самое большее десяток — пластинок, заключало в себе до 3-х тысяч круг-

лых листов. Каждый лист был тоньше папиросной бумаги и при этом отличался удивительной плотностью и крепостью.

— Они приготовлены из особого сплава, в который входит наш универсальный металл «базит», — объяснила Кайя.

2.

Второй этаж служил для жилья. В нем было шестнадцать комнат, каждая с своим особым назначением.

Спальня бывшего домохозяина занимала $\frac{1}{4}$ всего этажа и отличалась крайней простотой обстановки и полной неуютностью. Посреди громадной комнаты с 10-аршинными стенами стояла миниатюрная кровать без всякого балдахина; около кровати — столик и два стула. Высоко в потолке — искусственное солнце из матового стекла; в стенах — четыре бесшумных вентилятора, постоянно работающих, и вдоль стен, до половины их высоты — декоративно переплетенные и искусно маскированные трубы отопления. И... ни одного окна!

— Нечего сказать, уютненько! — рассмеялся Андрей, узнав о назначении странной комнаты.

Кайя не поняла смеха. Тогда ей растолковали, что на земле спальные помещения, тем более когда они представляют собой единственную комнату жильца, всегда имеют окна с гардинами или занавесками, мебель, вообще обстановку, безделушки, ковры и пр., т. е. все то, что придает уют.

— Но это же страшно вредно! — воскликнула Кайя (подобно женскому полу на земле, она также любила усилить выразительность фразы словечками, хотя и мысленными, вроде: страшно, ужасно, прелесть и пр.).

— Гардины, мебель, ковры и всякая лишняя обстановка ужасно много задерживают пыли!... Вы затрачиваете на сон только 8 часов из своих суток, т. е. проводите во сне $\frac{1}{3}$ своей жизни, мы же спим в сутки 352 часа, т. е. половину

своего века... А наш век, как вы знаете, продолжается 1.000 — 1.500 лет, а теперь, когда мы сбросили с плеч везов с их губительными машинами, наш век, наверное, удлинится до 3.000 лет, каким он и был раньше... Следовательно, в течение половины своей жизни — 1.500 лет — мы вдыхали бы в себя пыль, если бы следовали земному обычаю украшать свои спальни, придавать им уют, как вы выражаетесь... На что бы походили тогда наши легкие?!..

Андрей уже чувствовал себя посрамленным, а Кайя по инерции катилась дальше:

— Вы говорите: в наших спальнях нет окон!.. На что они нам? Только лишние пути для проникновения пыли!.. Солнце? У нас оно искусственное... и все-таки обладает всеми свойственными ему оздоравливающими качествами, включая сюда и микробоубивающее действие, которое, кстати сказать, у вас теперь является совсем лишним. Мы перебили всех микробов еще во время 1-ой республики...

Над чем же вы смеялись? Наоборот, мне нужно смеяться над вами; ваши комнатные украшения, препятствуя доступу солнечного света, кроме того, служат прекрасным убежищем для болезнетворных микробов, которые на земле кишмя кишат: и в воздухе, и в воде, и в пище, и в почве...

Разбитый по всем пунктам, Андрей, чтобы перевести психо-разговор на более лояльную тему, вставил:

— Как давно вы покончили с миром невидимых врагов, с микробами?

Кайя легко поддалась на удочку:

— О!.. это еще на заре нашей Коммунистической республики... Наше времяисчисление — вы знаете — идет от рождения великого небеза, которого одно время считали богом, от Хри 10-го... что? Вы удивляетесь сходству с вашим Христом? Так вам придется еще более поразиться, когда я скажу, что наша первая революция произошла в 1915 году после рождества Хри 10-го, т.е. лишь немного не совпала с вашей Октябрьской...

Ну, так вот: с микробами мы покончили уже в 2011 году, после чего продолжительность нашей жизни стала быстро возрастать...

Андрей спросил:

— Чем же объясняется такой внезапный и гигантский прогресс вашей науки? Случайностью?

— Что вы?! Что вы?! — возразила несколько шокированная Кайя. — Вы не знаете самых элементарных вещей! Ведь до коммунистического строя науке у нас могли посвящать себя только избранные из класса имущих, поэтому наука двигалась очень, очень медленно... С момента же Великого переворота наука, как и все, сделалась достоянием всего народа. Ей отдавались не единицы, не сотни, а тысячи и миллионы небезов, почему уже через 100 лет после Переворота у нас сказался такой громадный прогресс: было сделано великое открытие, была побеждена преждевременная смерть.

— Сколько же лет на наше исчисление мог жить после открытия лунный житель? — спросил Андрей задумчиво.

— Сколько лет? Да больше 200, кажется, не помню точно...

— А до этого?

— До этого наш век равнялся земному...

— Ах, черт! — воскликнул Андрей с загоревшимися глазами, — если бы у нас теперь сделали такое открытие!.. Больно не хочется умирать, прожив только 60-70 лет.

Никодим, до сих пор не проронивший ни слова, весело рассмеялся, хлопнув друга по плечу:

— Нам не нужно ждать этого открытия!.. Мы его товарищески заимствуем у небезов... А что касается тебя и меня, так мы уже лишены всяких микробов...

— Почему же это? — удивился Андрей, в смущении ожидая опять какого-нибудь до смешного простого ответа.

— Ты где-то потерял свою наблюдательность, — засмеялся Никодим. — Лунная пища, которую мы теперь вкушаем, действует губительно на всех микробов...

— Значит, все дело в пище? — обрадовался Андрей.

— Поскольку это касается присутствия микробов в организме человека, то — в пище. В воздухе же, воде и почве микробы уничтожаются искусственным солнечным светом... Так, кажется? — спросил Никодим Кайю.

— Да. Так. Вы — хороший ученик... Быстро все запоминаете...

— Ну, да!.. Конечно!.. Еще бы!.. — играя глазами, произнес Андрей уже не мысленно, а словами, предназначенными только для друга.

Тот зарделся пионом; рассердился, опять сконфузился и заикаясь возразил:

— И... и... ничего подобного...

Между тем, они вышли из спальни и попали в еще более оригинальную комнату. Здесь были расставлены на длинных кривых штативах вогнутые и выпуклые зеркала, хрустальные шары, цилиндры и призмы.

Кайя немедленно приступила к объяснению на практике, снабдив друзей черными очками и оседлав ими свой хоботок.

— Разденьтесь, — предложила она.

— То есть, как это?

Никодим, вспыхнув, отказался под предлогом, что давно не был в бане.

Андрей мялся в нерешительности.

Кайя, не понимая их замешательства, — небезы не носили одежды, — сказала:

— Я сделаю вам солнечную ванну...

Никодим занялся рассматриванием какого-то «весьма интересного» снаряда.

Андрей поколебался, а потом решил:

— Ну, если у них так принято, возьму и разденусь... Черта ли, в самом деле, стесняться! Что я урод, что ли, какой?..

Он с удовольствием осмотрел свои, как налитые свинцом, мышцы, потянулся и престал перед Кайей уже без следов смущения:

— Ну-ка, есть у ваших небезов такие бицепсы?

К досаде его, Кайя, потрогав стальной комок, равнодушно отвечала:

— Да. Есть. На базитолитейных заводах почти все рабочие имеют ваше телосложение...

Она предложила ему влезть на двухметровую стеклянную подставку и продеть плечи в висячую лямку. Андрей

очутился в фокусе четырех вогнутых зеркал.

По системе хрустальных геометрических фигур Кайя пустила яркий белый свет, который, распавшись на четыре потока, ударился в зеркала и отразился от них расходящимися пучками. Вокруг Андрея, зарековавшего от удовольствия, образовалось шарообразное солнечное сияние.

Андрею казалось, что лучи насквозь пронизали его тело, что он сам светится и парит, смешавшись с золотистыми пылинками — атомами света... Он внезапно потерял чувство всякой весомости и поджал ноги, предполагая, что теперь уже не нужна никакая подставка. Действительно, его тело повисло в воздухе, но только благодаря лямке, о которой он забыл.

Истомно-чарующая нега растворила в себе всякое желание двигаться и говорить.

В таком состоянии хотелось висеть вечно... Но сильная рука через десять минут задержала его за ногу:

— Эй, ты, неженка, слезай-ка,пусти меня!..

Нехотя открыл глаза. Под ним стоял голый Никодим. Кайя заливалась беззвучным смехом.

Пришлось вылезть из солнечной ванны. Как только он коснулся пола — истомы как не бывало!.. Бодрость, жизнерадостность и необыкновенный прилив сил сменили ее.

Никодим, изведав то же наслаждение, в свою очередь не пожелал расставаться с ним, пока Андрей не снял его с подставки.

Когда приятели вспомнили об одежде, то с отвращением отшвырнули ее ногой...

Кайя смеялась:

— Как вы до сих пор могли терпеть эти тряпки: у нас так тепло и солнечно?..

Остальные комнаты второго этажа включали в себя: купальню, гимнастический и, отдельно, фехтовальные залы, кабинет для занятий, гостиную, столовую и помещения для многочисленной у везов прислуги.

Верхний этаж состоял всего из шести комнат. Одна из них — центральная, самая большая — представляла собой обширную мастерскую. Тут находились психо- и электроустановки, слесарные и токарные, тигеля весом от одного пуда и до 20-и слишком, котлы для варки металла, солнечные горны, пневматические меха и другие инструменты и орудия, назначение которых оставалось неизвестным даже для Кайи.

Мастерская соединялась отдельными дверями с четырьмя кабинетами. В первом, судя по обстановке, производились всякого рода химические изыскания. Андрей и Никодим здесь констатировали присутствие таких приборов, какие они видали в рабочем кабинете Вепрева на Земле. Так как им было известно, что Вепрев одно время гостил у везов, обнаруженный факт не показался странным.

Второй кабинет был физическим, т. е. в нем изучались физические свойства природы и ее составных частей. Третий — был просто кабинетом для умственных занятий. Здесь стоял стол с письменными и чертежными принадлежностями, несколько шкапов с книгами и психо-фиксатор, около которого на отдельном столике просушивались пластинки-листы, очевидно, новой и незаконченной книги.

Совсем на отлете в виде пристройки находился последний кабинет. Собственно, это была астрономическая вышка с колоссальным телескопом, выходившим из стеклянного купола под прямым углом и пробуравливающим Луну насквозь, до противоположной ее поверхности.

Понятно, приятели в тот же миг устремились к нему. Но без Кайи не знали даже, с какой стороны подступить к гигантскому сооружению.

— Вас, наверно, очень интересует Земля? — улыбнулась Кайя. — Я вам могу ее показать...

Она потрогала один-другой винтик, несколько штепселей, и труба стала медленно двигаться, поскрипывая в штативе.

— Смотрите, — сказала Кайя, поймав Землю в поле зрения.

Андрей вскочил в кресло, припал глазом к отверстию телескопа и замер, очарованный родной картиной: над ним расстилалась часть земной поверхности, залитая солнцем... Точно он видел ее с расстояния одной версты!

Кайя подтвердила, что телескоп приближает Землю к глазам, действительно, до расстояния одного километра.

Андрей долго не мог оторваться от вида, дорогого его сердцу... Земля казалась такой близкой, хотя от Луны ее отделяло 360.000 верст.

Были видны не только крыши домов, деревья, реки и пр., но и движущиеся фигурки людей...

Андрей знал, что самый сильный земной телескоп приближает Луну только на 60 верст, значит, настоящий — был своего рода чудом науки и техники.

— Ну, довольно, довольно! — бубнил Никодим, теребя друга за рукав. — Небось, сыт по горло...

— Подожди, — эгоистически отмахивался тот, — я еще не установил, что это за страна...

Кайя, терпеливо ожидавшая, наконец, не выдержала:

— Неужели своей родины не узнаете?

Тогда Андрей разобрал, что крыши домов в большинстве своем были покрыты соломой, а сбоку их желтели подсолнечники.

— Украина! — воскликнул он, в порыве внезапной нежности обнимая холодную трубу...

Приятели больше трех часов пробыли в обсерватории и добились того, что, поворачивая телескоп, стали свободно узнавать каждую губернию, город и даже улицы...

— Не приходится удивляться, — в заключение сказал Никодим, — что лунные жители лучше нас знают нашу землю...

Долго не могли приятели проникнуть в одну комнату, ход в которую был тщательно замурован и замаскирован. Никакие отмычки, ключи, инструменты не брали металлических крепов ее двери.

Только когда было применено крайнее средство, — жидкое солнце, — комната выдала свою тайну.

Посреди лежала на подставках оригинальная машина — «сигара», имевшая в длину верных три сажени, а в поперечнике — всего два с половиной аршина.

Никодим, специализировавшийся в последнее время на психо-машинах, изучая их во всех деталях для постройки на земле, с удовольствием потирал руки:

— На Луне я не видывал еще таких аппаратов!..

Но знакомство с «сигарой» несколько расхолодило его: ничего нового в ней не было, кроме весьма мощных аккумуляторов. Из последнего можно было вывести одно, что машина предназначалась для длинных путешествий.

Никодим, пошарив вокруг и не найдя ничего интересного для себя, разочаровано покинул комнату.

Андрей остался один, в твердой уверенности, что странная машина построена неспроста: иначе зачем было замуровывать дверь комнаты.

Еще раз осмотрел вдумчиво «сигару» снаружи и внутри, окинул глазами помещение, занимаемое ею, и через взломанную дверь остановился взглядом в соседней комнате на психо-фиксаторе с разбросанными вокруг него пластинками.

«Нет ли связи между “сигарой” и неоконченной книгой?» — машинально подумал он.

До сих пор эта книга не интересовала его, так как особенно был богат более занимательными и диковинными предметами.

Собрав уже вполне просохшие пластинки, он спустился с ними во второй этаж, в кабинет с психофоном.

Жадно ловил Андрей изучаемые аппаратом мысли. Прослушал все пластинки, но понял очень мало. Понял, что связь между «сигарой» и книгой имеется. Нужно было разыскать Кайю, чтобы она перевела трудный книжный язык на обыкновенный разговорный.

Взволнованная Кайя, внимательно прочитав всю книгу, передала только заключительные пластинки ее — выводы из обоснованного математически сочинения.

Вот эти выводы:

— В необъятности Вселенной существуют миллиарды миллиардов планет, существует бесконечно громадное количество миров...

Но жизнь Вселенной протекает по строго определенным законам, начиная от зарождения из хаоса и кончая смертью планет и новым зарождением благодаря столкновению между собою. Нет ничего случайного, нет ничего непредвиденного законами развития, законами жизни и смерти...

В необъятности Вселенной возможны поразительные сходства в условиях зарождения отдельных планет и даже отдельных солнечных систем, возможны детальнейшие совпадения вследствие этого в течение их жизней; такие совпадения, когда на отдаленных друг от друга на миллиарды верст планетах одновременно появляются два разумных существа, возникшие от тождественных семей, тождественных народа и государства, говорящих на одинаковых языках и носящих одинаковые имена.

Возможны такие совпадения, когда на двух планетах жизнь: поступки и деятельность отдельных личностей, целых обществ, народов и государств с момента их возникновения и до последней минуты не разнятся ни в чем: ни на одно слово, ни на одну мысль, ни на одно движение и событие.

И такие совпадения, когда целые планеты и солнечные системы, одновременно зарождаясь и развиваясь в идентичных условиях, несут на себе тождественные жизни, как растительную, так и животную, и являются таким образом в продолжение своего многомиллионного существования точ-

ными копиями друг друга, точными взаимными отображениями.

Возможно, что, когда я фиксирую эти последние свои мысли, в беспредельности Вселенной, на второй такой же планете с таким же населением и в таких же условиях сидит другой такой же мудрый вез, которому имя, как и мне, Айрани, и он делает такие же выводы из многолетнего труда, какие делаю я в настоящий момент...

Вселенная беспредельна, безгранична, но комбинации ее ограничены законами развития. Творческие силы Вселенной неистощимы и громадны и стремятся не повторяться в своих проявлениях, но железные законы, управляющие мирозданием, сводят эти проявления к узким рамкам логического единообразия и замыкают их часто повторяющимися комбинациями...

Единственное допустимое разнообразие в творчестве Вселенной заключается, быть может, в нескольких жизненных вариациях, какова жизнь на Луне, Земле, Марсе и десятке других планет, и в неодинаковом течении жизненных событий.

И еще одно разнообразие — это неодновременное возникновение одинаковых планет, несовпадемость в периодах их жизней. Так что одна какая-нибудь планета в одной солнечной системе служит прошедшим или будущим для другой такой же планеты в другой солнечной системе.

Возможно, что где-нибудь в безбрежном океане эфира носится вокруг более старой земли и солнца, возникшего ранее нашего, такая же Луна, как настоящая, только опередившая эту в своем развитии на некоторое время.

В другом месте Вселенной, может быть, на расстоянии совершенно немыслимом, находится другая, тождественная нашей, Солнечная система, но еще более старая, а в ней — и более древняя Луна и т. д. ... и т. д. ...

Но может быть и наоборот: в какой-нибудь точке Вселенной, живут более молодые миры, следовательно, и более молодые планеты, носящие такие же названия, как наши, и с идентичным населением, но отличающиеся от нас только более ранним периодом развития, на котором они

находятся, — эти будут представлять собой наше прошлое.

Таким образом, имея соответствующие технические средства, можно было бы узнавать прошедшее и будущее не только отдельных планет, как Луна, Земля и др., но и каждого существа, живущего на них в настоящем времени...

Психо-машина, построенная мною, предназначена...

На этом пластинка обрывалась.

Глава II НА ПОРОГЕ НЕИЗВЕСТНОГО

1.

Долгий был разговор между друзьями по поводу книги веза Айрани. Никодим не особенно был расположен верить повествованию чудесной книги. Андрей горячился, доказывал, как мог, полную приемлемость везовской истины.

Для усиления аргументации он сделал даже экскурсию в область земной истории:

— Древние астрологи, составлявшие гороскопы по звездам, чтобы открыть своим властелинам их судьбу, не были ли первыми, дерзновенно проникшими в тайны Вселенной? — вопрошал он. — Не руководствовались ли они теми же соображениями, что изложены в книге мудрого веза?...

— Ну, брат, заткнись! — безапелляционно отвечал Никодим, — тогда еще не было никаких телескопов, и слишком мудрено с одними только глазами — пускай они были острее наших — лазить по звездному небу, чтобы отыскивать на нем планету, тождественную земле... а на ней человека — двойника того, судьбой которого интересуется астролог... Темна, брат, вода в облацах... Твоя аргументация выеденного яйца не стоит!

— Но можно ли эти «комбинации „Вселенной“ доказать математически? — не отставал Андрей от друга.

— Я не математик, не знаю.

— Нет! Ты — ученый... Ты должен знать, не увиливай! А то я и без математики полечу отыскивать будущее Земли!..

— Знаешь что? — испугался Никодим при виде горячности друга, — давай-ка отыщем этого Айрани и спросим его самого... Наверное, он все знает...

— А где его искать?

— Если он не убит во время переворота, то — в тюрьме...

Андрей стремглав полетел в Совет, долго там спорил и доказывал крайнюю необходимость в освобождении их бывшего домохозяина; наконец, уговорил и под конвоем небезов дряхлый вез с огромной головой был привезен в базитированном ящике на свою бывшую квартиру.

Андрей удалил небезов в соседнюю комнату, открыл ящик, который внутри имел вид жилой комнатки, и предложил везу:

— Вы свободны — выходите...

Айрани не считал нужным спешить: под громадным морщинистым лбом подозрительно бегали глазки.

— Выходите же, — повторял Андрей.

— А кто вы? — излучил недоверчиво вез.

— Андрей, земной житель...

— А где я?

— Вы на Луне, к своему особняке...

— А почему вы на Луне? — оробел вез.

Андрей рассмеялся:

— Разве вы не знаете, что я и мой товарищ — тоже земной житель — принимали участие в здешней революции?..

— В какой такой революции? — прищурился вез.

Тогда стал задавать вопросы Андрей:

— Почему вы сидели в тюрьме?

— Не знаю...

— Что же вы знаете?

Айрани ничего не знал, кроме своих научных изысканий. Прожив 3.025 лет, половину из них он провел в кабинете вдали от жизни и ее событий.

— Ну выходите же! — нетерпеливо повторил Андрей.

— Вы меня не убьете?

— Конечно, нет! — рассмеялся Андрей. — Что я, зверь, что ли, какой...

— Честное слово? — спросил вез. — Скажите «честное слово», как принято у вас на Земле...

Пришлось Андрею не только дать «честное слово», но и... побожиться перед боязливым везом.

Тогда он вылетел из ящика. Андрей нарочно поместил ящик в комнату, соседнюю с потайной, а эту широко раскрыл, чтобы была видна «сигара».

Айрани метнулся туда, осмотрел машину и остался доволен.

— А кто дверь взломал? — спросил он.

— Я.

— А кто вас об этом просил?

— Революция, — последовал ответ.

Вез засопел носом и пожелал осмотреть остальные комнаты своего особняка. Тогда Андрей объяснил ему его щекотливое положение.

— Зачем же меня сюда привезли? — нахмурился вез.

— Я просил.

— Для чего?

— Чтобы иметь с вами разговор по поводу вашего открытия о комбинациях Вселенной...

Айрани возмутился:

— Кто вам разрешил читать мою книгу?

— Она лежала открытой...

— Да. Потому что я не успел ее спрятать, когда меня схватили... Нечестно читать чужие и неопубликованные произведения!..

Андрей холодно ответил:

— Ваше произведение — теперь собственность всего народа.

— Отвезите меня обратно в тюрьму... — вез снова залез в ящик.

Но старикашка притворялся: ему очень не хотелось возвращаться в тюрьму. Это Андрей чувствовал, поэтому, поймав его за ногу, бесцеремонно вытащил из ящика, дружелюбно смеясь.

Вез расплакался старческими слезами, и на том размолвка ликвидировалась. Он с увлечением начал передавать подробности своего открытия.

— Вы мне скажите, — вставил Андрей в его длинный монолог, — ваши повторяющиеся комбинации Вселенной действительно существуют, или все это гадательно?

— Я верю в них, — отвечал вез, — и могу доказать математически... Но если вы сомневаетесь, пожалуйста, воспользуйтесь моей машиной и проверьте... Вы ничем не будете рисковать при условии, если не станете искать своих двойников на планетах, носящих одинаковые названия с Землей и Луной...

— А чем бы я рисковал в противном случае?

— Если вы очень впечатлительны, то можете сойти с ума.

— Я мало впечатлителен, — сказал Андрей, хотя сам не знал, как определяют везы границы нормальной впечатлительности.

— Тогда вы ничем не рискуете...

Андрей глубоко задумался. С одной стороны, его сильно прельщало пуститься в оригинальное путешествие, чтобы узнать будущее Земли и, кстати, свое собственное; с другой — могло случиться, что все эти «комбинации» окажутся... комбинацией из трех пальцев, т. е., что старикашка выжил из ума и никаких планет-двойников не существует. Также возможно, что его психо-машина совсем не приспособлена для умопомрачительных по длине межпланетных расстояний. Тогда... тогда, как только аккумуляторы разрядятся не вовремя, Андрей станет вечно носиться по океану эфира, пока какая-нибудь планета или солнце не притянет к себе его насквозь промерзший труп¹.

— Как же я буду искать планеты-двойники? — вдруг сообразил он.

Айрани, с лукавой усмешкой следивший за течением его мыслей, живо откликнулся:

¹ В межпланетном пространстве царит холод в -220 С. Z.

— О... очень просто! Я дам вам карту, на которой все высчитано и размечено...

— Покажите...

Старик полетел в потайную комнату, открыл там хитро заделанный в стене шкаф и вытащил из него двухаршинную квадратную карту неба, состоящую из двух полушарий. Карта была густо усеяна звездами. В разных местах ее, но приблизительно по одному направлению, стояли отметки крестиками.

Айрани, указав на ближайший к центру крестик и светлую точку около него, сказал:

— Это первая Земля-двойник вашей, но опередившая ее на пять лет в своей жизни. Она довольно хорошо видна в мой телескоп, хотя отстоит от нас на 30 миллиардов верст... Дальше идут отметки уже над планетами, невидимыми от нас, но местоположение их я точно определил. Вот этот крестик указывает местонахождение Земли, ушедшей вперед от вашей на сто лет. Этот — на 500.000 лет, и последний, самый дальний — на целые 3.000.000 лет.

Андрей получил детальнейшие указания, как брать верное направление, как лавировать между небесными телами, могущими попадаться на длинном пути, где заряжать психо-машину и пр. ... и пр. ... И еще одно строгое предупреждение: ни в коем случае не вмешиваться в жизнь планет-двойников.

Старик-вез был твердо убежден, что его открытие будет проверено молодым и отважным существом с соседней планеты, поэтому он горячо и долго растолковывал ему самые мельчайшие подробности путешествия.

— А вы со мной поедете? — спросил Андрей.

— Боюсь, что не выдержу, — огорченно ответил старик, — мой жизненный путь кончается...

.

Перед тем, как отправиться спать, Айрани указал Андрею рычаг, открывающий потолок комнаты и соответствующее место в матовом своде над луной.

— Отсюда вы начнете свое путешествие... — закончил он.

Андрей опять призадумался.

2.

Погасло солнце. Уже не из искусственных, а самое настоящее, — то, что дает жизнь всему. Наступила длинная лунная ночь. Все живое замерло в глубоком сне, кроме наших приятелей, продолжавших вести земной образ жизни.

Андрей еще ничего не решил, хотя прошло двое земных суток. Когда он предложил Никодиму следовать с ним, тот в самых решительных выражениях не только отказался, но и выругал друга вместе с везом:

— Ты с ума сошел! Доверяться бредням выжившего из ума старика?!..

— Значит, не поедешь?

— Нет.

— Ну и черт с тобой! Я один поеду...

Никодим уговаривал, доказывал, ругался, выходил из себя, наконец, охрип и махнул рукой:

— У тебя, братишка, не все дома!..

Долго бродил Андрей по безлюдным улицам гигантского города, резал на атомо-аппарате безмолвное пространство под матовым сводом и все с одним вопросом:

— Ехать или не ехать?

«Предположим, я полечу, — рассуждал он. — Неужели заряда психо-энергии не хватит даже до первого двойника планеты? Должно хватить. Сам Никодим поражался необыкновенной мощности аккумуляторов... Тогда — чего я медлю? Пускай никакой жизни, похожей на нашу, на первой, отмеченной везом Земле не окажется... Вернусь обратно и выругаю старика!»

— А если на обратный полет не останется запаса психо-энергии? — закрался новый вопрос, от которого похолодело внутри.

С этим вопросом он снова обратился к Никодиму.

— Знаешь, друг, — вместо ответа выпалил тот, — ты стал маньяком!..

— Это что за птица? — удивился Андрей, оглядывая себя в зеркале.

— Человек, до болезненности одержимый одной идеей...

— Значит, я маньяк и есть, — охотно согласился Андрей, — а ты все-таки ответь мне на мой вопрос.

Никодим не мог сказать ничего определенного.

— А как бы моем месте поступил бы маньяк? — поинтересовался Андрей.

— Он, брат, поступил бы... в сумасшедший дом... — обозлился приятель.

— Дурак! — кинул Андрей и, не сказав больше ни слова, решил ехать.

Прокравшись через спальню веза в потайную комнату, быстро приготовился к грандиозному путешествию: осмотрел внимательно «сигару», проверил аккумуляторы, пустил аппараты, согревающие машину, и приборы, вырабатывающие воздух, и дернул за рычаг, скрытый в стенном шкафу... Заскрипел в петлях потолок комнаты.

Сердце отважного путешественника слегка замирало.

— Трусишь? — спросил он себя и откровенно признался:

— Жутковато, брат, ничего не поделаешь...

На всякий случай захватил с собой два небезовских ружья — палочки с парализующими фиолетовыми лучами; потом зажег внутри сигары лампочку — стеклянное солнце, наполнил машину сжатым воздухом, как учил вез, чтобы подготовить легкие к более густой атмосфере первой планеты-двойника, и сел в кресло под рупор.

Машина, строго послушная мысли, легко нырнула в отверстие потолка.

Одна штора в своде искусственного неба тоже оказалась поднятой.

Вспомнив еще раз указания старика Айрани, в особенности его странные предупреждения: не отыскивать своих двойников и не вмешиваться в жизнь планет, Андрей, ус-

мехнувшись, взял по космическому компасу¹ направление и смело ринулся в черную звездную бездну навстречу будущему.

Глава III НА ЗЕМЛЕ № 2

1.

Весь нос сигары состоял из базитированного, прозрачного стекла, и Андрей мог свободно наблюдать за дорогой.

Тьма, окутывающая полушарие Луны, через две минуты осталась позади, и «сигара» уже мчалась в потоках ярко блиставшего солнца. С каждой секундой последнее становилось все меньше и меньше.

Три раза «сигара» проносилась в тени встречных планет. Мельком видел Андрей кольца Сатурна и вспомнил, что эта планета от Солнца на расстоянии 1½ миллиарда верст.

Наконец, впереди показался облачный покров какой-то новой планеты. «Сигара» неслась прямо на нее. Андрей взглянул на аппарат, отмечающий в километрах пройденный путь, увидел цифру 4-х миллиардов и решил, что это — Нептун, самая дальняя планета родной Солнечной системы.

Изменив направление полета, скользнул над Нептуном и кроме густых сплошных туч ничего на нем не разобрал.

— Дальше! Четыре миллиарда километров пройдено в пять минут!

Быстро высчитал время, потребное на весь перелет в тридцать миллиардов километров: сорок минут.

— Порядочно, черт возьми!

Но, кинув взгляд на психометр, сразу успокоился: расход психо-энергии был ничтожен.

¹ Очевидно, компас, указывающий север и юг Вселенной.

Невольно проникся к старику-везу большим расположением...

Солнце далеко. Исчезло в бездне звезд. Снова мрак.

Но вот все более и более впереди начинает блистать одна звезда, постепенно принимая вид нового Солнца.

Вспомнив пунктирную линию на карте, Андрей устремился на него.

Царство мрака — позади.

Льются живительные волны солнечного света. Снова две-три планеты на мгновение бросили свои тени на «сигару».

— Что это? Опять Сатурн! — Андрей впился расширенными зрачками в небесное тело, окруженное кольцами.

— Да. Сатурн и есть!

Бурно и тревожно заколотилось сердце.

— Неужели это вторая такая же солнечная система?

— Тише! Тише! — успокаивал себя Андрей, борясь с волнением.

Солнце становилось ярче и больше.

— Довольно. Будем отыскивать предсказанный везом двойник родной планеты.

Несколько раз приближалась «сигара» к той или другой планете, и всякий раз Андрей убеждался в своей ошибке: Земли не было.

Боязливо поглядывал на психометр: хватит ли энергии. И каждый раз успокаивался.

Отчаявшись найти двойник, отмеченный на карте веза крестиком, остановил машину и, вооружившись подзорной трубой, стал шарить во всех направлениях по звездному морю.

«Но что это так ярко полыхает Солнце?»

Андрей повернул «сигару» и вскрикнул в ужасе: громадная раскаленная масса стояла перед глазами, — «сигара» стремительно падала на Солнце.

«Нельзя было останавливаться!.. Нельзя!.. Нельзя!..» — В парализованном ужасом мозгу ярко встала фраза старика-веза:

— Если машина остановится, на нее начнет действовать притяжение Солнца или ближайшей планеты...

Вскочил в кресло и, поблуднев от невероятного напряжения, стал концентрировать внимание на мысли противостоять роковому притяжению.

Не сразу это удалось, и уже холод отчаяния закрался в душу...

Но вот почувствовал резкую перемену: обычная легкость мышления вернулась. Понял, что Солнце побеждено.

Скоро «сигара» приобрела свою инерцию и удалилась от громадного светила на безопасное расстояние.

Осторожно взглянул направо и чуть не заплясал от восторга: увидел планету с хорошо знакомыми ему по географическим картам — очертаниями морей и суши.

То была Земля.

— Земля № 1 или Земля № 2? — спросил себя Андрей и направился к ней.

— Думаю, что № 2... Ведь я во время бегства от слишком любезного светила не пролетал мрака, отделяющего солнечные системы... Следовательно, не мог попасть обратно в родную систему...

— А ну-ка, подзовем ее да расспросим...

Европа и Советская Россия были покрыты ночной пеленой, но Андрей видел, что это предутренний сумрак, так как земной шар ворочался вокруг невидимой оси навстречу Солнцу.

Хорошо ознакомившись с видом Земли еще в лунный телескоп, он без труда нашел Ленинградскую губернию, а затем и Ленинград.

— Хорошо, что я не забыл одеться и захватил с собой кожаную куртку, — с удовольствием подумал он, когда снижался на занесенные снегом окрестности Ленинграда.

Около пригородной деревушки, хорошо знакомой ему, он нашел большой стог соломы и с размаху врезался в него с машиной.

Надел куртку, открыл дверку и сквозь промерзшую солому выбрался наружу.

Осмотрел тщательно стог и, убедившись, что «сигара» не видна, отправился по морозному, легкому воздуху в деревню.

2.

Встречу устроили деревенские собаки, сопровождавшие его с оглушительным лаем вплоть до церковной площади, где находился Совет и где он надеялся застать кого-нибудь.

Проходя мимо церкви, Андрей с большим удовлетворением отметил, что с нее снят крест — символ рабства и невежества — и заменен красным флагом, гордо развевающимся под звездным небом.

На воротах церкви аршинными — красными по зеленому фону — буквами значилось:

Крестьянский университет.

— Здорово! — ахнул умиленный Андрей, и ему захотелось снять шапку перед новой крестьянской «церковью».

Еще одно нововведение: на перекрестках улиц сверкали электрические лампочки, а перед Советом горел целый фонарь на высоком столбе.

— Черт возьми! Пожалуй, и в самом деле я на Земле № 2... Электрифицируемая, значит!..

В Совете нашел дежурного, заспанного парня лет двадцати, и попросил его дать лошадей до Ленинграда.

— Ваша трудовая карточка, товарищ? — спросил тот.

Андрей смутился:

— У меня есть удостоверение личности, комсомольский билет и... больше ничего...

— Как же это так? — задумался парень. — А где же трудовая карточка?

— У меня ее нет... — и подумал: «Вот попал в переplet!..»

— Ну, давайте, что у вас есть...

Парень посмотрел удостоверение и билет, сделал большие глаза и подозрительно спросил:

— Вы не из Америки? Ваши документы просрочены ровно на пять лет...

Андрей едва удержался от крика изумления.

«Придется, должно быть, под конвоем вступить в город!» — печально подумал он и сказал:

— Вот по этому-то поводу мне и нужно экстренно быть в Ленинградском Комсомоле...

Парень покачал головой.

— А вы откуда же прибыли?

— Не хочу вас обманывать, товарищ, — чистосердечно признался Андрей, — я не могу вам сейчас сказать, откуда я... (он чуть было не проговорился «прилетел») прибыл... Вы узнаете это сегодня, если поинтересуетесь, в Комсомоле.

— Вот штука! — сокрушался парень. — Ну, ин, ладно, будут вам зараз лошади... Только вы дадите слово, что вы не из Америки?

Андрею сильно захотелось расспросить о положении Советских республик, но он удержался, не желая еще более смущать простодушного администратора.

Слово он дал и через пять минут, получив лошадей, ехал по дороге в город.

Возница оказался весьма разговорчивым. Спросив пассажира, откуда он следует, и получив вынужденный этим ложный ответ: «из соседней деревни», он хитро подмигнул и без всякой связи перешел к «политическому» разговору, как он сам его назвал.

— А Америке-то скоро, должно, капут?

— Капут!.. — немедленно согласился Андрей и тут же совсем невинно спросил:

— А что?

— Да как же! Будто не знаешь?... Передрались ведь там все между собой... Н-но, чалый!..

Пока Андрей доехал до Красноармейской улицы, где находилась его квартира на Земле № 1, по дороге отмечая колоссальное возрождение города, он сумел путем ловко поставленных вопросов ознакомиться с общим положением на

Земле № 2.

Все государства в течение пяти лет были советизированы, кроме одной Америки, где скопилась вся мерзость капиталистической своры, согнанная сюда со всех концов земного шара. Но она уже обнаруживала явную тенденцию к разложению благодаря хроническому несогласию между собой и нарастающему раздражению рабочих. Советские республики оставили Америку в покое до поры до времени и только зорко охраняли свои границы от могущей быть интервенции с ее стороны.

Рассветало. Был уже восьмой час утра.

Вот и дом, в котором жил Андрей и где остались его вещи, когда он уходил и отпуск.

Никак не мог отделаться Андрей от чувства, что он после долгой отлучки возвращается на старую квартиру.

Распрощался с возницей и бегом, как бывало раньше, влетел по лестнице на третий этаж. Та же дощечка на дверях квартиры, та же (его) фамилия, только под ней значилась новая должность.

— Черт возьми! Я получил большое повышение! — смеялся, но в душе было не до смеха.

— Может быть, и в самом деле последовать наказу мудрого веза? — родилась боязливая мысль.

— Эх, была не была! — он решительно нажал кнопку звонка.

До самой последней секунды теплилась искорка надежды, что он просто возвратился к себе из отпуска.

Раздались шаги. Открыла дверь незнакомая старушка.

— Дома? — назвал Андрей свою фамилию. Было немного не по себе, будто он творил жуткое озорство.

— Андрей Петрович, вас здесь спрашивают! — обернулась женщина назад к двери комнаты, из которой пробивался свет.

— Кто там? Пускай зайдет!.. — услышал Андрей свой собственный голос.

Секунда колебания: идти или удрать?

Все-таки вошел в коридор и постучал в дверь комнаты, в которой он провел без малого семь лет.

— Войдите... — последовало приглашение.

Его комната!.. Очень мало изменилась — только некоторая перестановка.

— Садитесь, товарищ, я сейчас... — и оборвался голос у приглашавшего.

Андрей увидел поразительное сходство между собой и другим Андреем, побледнел и безмолвно опустился на стул.

— Что с вами, товарищ? Вам дурно? — засуетился Андрей II, разыскивая воду.

— Не надо... — Андрей I пришел в себя и отстранил стакан.

— Кто вы? — спросил Андрей II. — Мы так похожи друг на друга... словно близнецы...

Оба Андрея с болезненным любопытством установились друг на друга и одинаково ерошили волосы.

Андрея I осенила счастливая мысль: если это, действительно, двойник его, то он также пять лет тому назад должен был быть на Украине, встретиться с Вепревым и пр. ... и пр. ... вплоть до настоящего момента. Он должен был, если события развивались одинаково, посетить Луну и в конце концов побывать на двойниках-планетах и встретиться там с своим двойником, точно так же, как сейчас Андрей I встретил Андрея II. Если все это было, объяснения будут короткими. Он спросил:

— Который теперь год?

— 1927, — ответил, глядя во все глаза, двойник.

— Вы были пять лет тому назад на Украине в отпуску?

— Был.. — еще более поразился тот.

— Встретились ли вы там с Вепревым?

— Как же! То была интересная история!..

— Вы преследовали его на Луне?

— Н...нет, — покачал головой Андрей II. — Я его настиг после ночного посещения меня Никодимом — если вы такого знаете — на хуторе... И там у нас произошла короткая развязка, в результате которой Вепрев и Шариков были убиты, а Никодим получил тяжелую рану и вскоре умер...

— Значит, другая комбинация, — подумал Андрей и рассказал другую версию истории с Вепревым: рассказал о

лунных психо-магнитах, о революции на Луне, о старике — везе и его «комбинациях Вселенной», о своем полете на Землю №2.

— Вы мне верите? — наконец кончил он, с тревогой вглядываясь в задумавшегося двойника.

— Сложно. Очень сложно, — отвечал тот, — но так как я хорошо знаю себя и так как вы мое почти точное зеркальное изображение, или я — ваше, как хотите, только вы кажетесь моложе меня лет на пять, — я вам верю... Вы не станете мистифицировать никого так же, как и я не любитель этого...

Андрей I с благодарностью пожал руку II и переспросил:

— Так ваш Никодим умер?

— Да, бедняга. Пуля прострелила ему левое легкое и задела отходившие от сердца сосуды...

Поговорили об общих знакомых. Для Андрея I они все еще были комсомольцами, для II-го — видными партийными работниками.

— Снимайте-ка вы свою куртку — спохватился Андрей II, — сегодня воскресенье, я могу с вами поболтать до полудня... Напьемся чаю...

Андрей I тянуло побродить по городу и по знакомым учреждениям, но было слишком рано и сумрачно. Он скинул куртку, и двойники принялись за чаепитие, обнаруживая одинаковые до мелочей вкусы, привычки, движения и манеру разговаривать.

Во время чая Андрей II поведал своему двойнику по его просьбе всю историю революционной борьбы на Земле № 2.

— Прежде всего, — начал он, — мы имеем теперь не РСФСР, и не СССР, как было пять лет тому назад, а союз советских федеративных республик Европы, Азии, Африки и Австралии, или сокращенно — Ф. Р. Е. А., где «Ф» значит «федерация». Как видите, для полноты этой советской формулы не хватает одной Америки. Как и почему она еще держится особняком, расскажу потом.

В начале 1925 года в Италии, Индии и среди чернокожих Африки вспыхнуло революционное движение. Италия в тот же день отозвала свои войска, которые немедленно

перешли на сторону народа и переформированные присоединились к советским войскам. Восстание в Индии отвлекло большую часть британской воздушной флотилии и те войска, что несли внутреннюю службу на британском острове. Бунтарское движение в колониях, однако, подавлено не было: английская флотилия и войска частью перешли на сторону восставших, частью были разбиты благодаря отчаянному энтузиазму индусов. А рабочие британского континента восстали и свою очередь и вошли в Союз Сов. Республик. Чернокожие Африки, жестоко расправившись с поработителями, провозгласили у себя Коммунистическую Республику.

Америка, до сих пор занимавшая «наблюдательное» положение, наконец сообразила, что пора сменить позу, но было поздно.

К концу 1925 года вся Европа горела огнями революций, а оккупация Японией и Америкой Китая, как стратегического пункта против «красного призрака», пробудило в Китае дружеские чувства к Советским Республикам.

Как только китайский порох взорвался, Америка, спасая свои войска, воздушные и морские флотилии, коварно покинула своего союзника — Японию, предоставив его возмущенному четырехсотмиллионному населению Китая...

В середине 1926 года соотношение сил было таково: на одной стороне стояли обе Америки, Австралийский остров и Японские острова — здесь без различия наций сконцентрировались еще довольно мощные империалистические силы; на другой — вся Европа с Россией, Украиной и Закавказьем, Азия и Африка, составившие к тому времени Федерацию Советских Республик — ФРЕА, — до настоящего положения, как видите, не хватало Японии и еще одного «А» — Австралии, которая лишь в конце 26-го года стала советской.

Борьба сосредоточилась с воздухе — Федеративный воздушный флот ожесточенно бился над Японскими островами с громадным флотом Америки. В 1926 году последний был отогнан советскими дальнобойными зенитными орудиями, и Япония присоединилась к Федерации.

Весь настоящий 1927 год прошел в залечивании глубоких ран, которых оказалось особенно много у окраинных государств, за это время мы даже успели наполовину электрофицироваться и поднять свое сельское хозяйство на небывалую доселе высоту. Наши урожаи еще в разгар мировой войны дали возможность снабжать хлебом борющихся против Антанты рабочих и крестьян всех стран, и этим, может быть, объясняется быстрое завершение борьбы.

Теперь по всей Федерации денежные знаки потеряли свое значение, так как введена всеобщая, обязательная трудовая повинность, а пищевые продукты так же, как и все снабжение, распределяются по трудовым карточкам...

Вот, кажется все!.. Трудно сразу охватить все подробности колоссальных перемен по земному шару... Да!.. Америка, значит, еще до сих пор держится, но уже гниет на корню... Скоро мы будем иметь — «ФРЕАМ», то есть, уже Федерацию Республик Мира...

Андрей I вскочил возбужденным и, ероша волосы, стал мерить чуть ли не двухаршинными шагами маленькую комнату.

Андрей II с улыбкой наблюдал за ним, отмечая у него все свои движения и привычки.

— Можно войти? — мелодичный женский голос прозвучал за дверью.

— Входи, входи, Таня! — вскочил Андрей II, открывая дверь.

Вошла девушка необыкновенной красоты — так, по крайней мере, показалось Андрею I, у которого от этой красоты в сердце вдруг зажглась и заняла сверкающая искорка.

Девушка звонко рассмеялась:

— Ах, какие чудачки! На улице — солнце, а они сидят с закрытыми ставнями и при электричестве!..

— Знакомьтесь, — указал Андрей II на двойника и на девушку, а сам бросился открывать ставни. Лучи солнца упали на лицо Андрея I.

Девушка было протянула ему руку, потом опять рассмеялась:

— Я едва не приняла тебя... — начала она, но, обернувшись к Андрею II, бросилась к нему, растерянная и испуганная.

— Он... брат твой?

Оба Андрея стояли и смущенно ерошили волосы.

— Видишь ли, Таня, — заговорил Андрей II, — это длинная история, я потом ее расскажу, а пока знай, что он — тоже Андрей, но не брат мне и не родня...

— Удивительное сходство, поразительное! — повторяла изумленная девушка. — Знаешь, Андрей, если бы я встретила твоего знакомого на улице, я приняла бы его за тебя...

— Я сам подумал бы, что передо мной зеркало, — ответил Андрей II, невольно повторяя все движения своего двойника.

— Но вы даже одинаково одеты и ходите, и волосы ерошите одинаково, — заметила девушка, еще более открывая глаза.

— Да... да.. Я потом тебе все расскажу!..

Андрей I никак не мог прийти в себя: вид девушки вызвал в нем беспокойные, смутные чувства. Ему казалось, что он давно уже знает Таню, что их связывают старые душевные отношения.

— Не встречались ли мы с вами раньше? — спросил он и, сообразив, что сказал глупость, густо покраснел. Одновременно покраснел и двойник.

— Н...нет, — протянула девушка, в противовес Андреям побледнев. — Мне, право, жутко становится... Вы хоть не ходите... а я не сразу разбираю, который из вас настоящий Андрей...

— Мы — оба настоящие! — принужденно засмеялся Андрей II и сел рядом с девушкой. Та робко прижалась к нему.

Андрея I что-то кольнуло. Он продолжал ходить и чувствовал зарождающееся неприязненное отношение к двойнику.

Таня следила на нем широко раскрытыми глазами и порой, вздрагивая, оборачивалась в своего соседа, как бы проверяя, с кем она сидит.

Разговор, доселе оживленный, теперь не клеился.

— Андрей! — сказала Таня и на звук ее голоса обернулись оба Андрея.

— Нет, не вы... Мой Андрей... Знаешь, мне все еще странно и... немного жутко... Вот вы разговариваете, и я забываюсь... И вдруг мне кажется, что настоящий Андрей... мой Андрей, — поправились она, — вот он, что ходит, а я сижу с кем-то другим... Тогда я оборачиваюсь и вижу, что я ошиблась... Нет, я не знаю, как выразиться!..

У Андрея I молниеносно мелькнуло воспоминание: старик-вез сидит в кресле и, грозя двуперстной рукой, говорит:

— Боже вас избави искать своих двойников и вмешиваться в их жизнь!

Он схватил фуражку, куртку и вдруг заторопился...

— Да! Я забыл... мне же надо спешить... — и, не прощаясь, вылетел вон.

Андрей II догнал его на лестнице:

— Постойте, двойник... подождите!.. Вас же арестуют на улице... Нате вот два купона от трудкарточки, вы тогда хоть лошадей достанете и вернетесь к психо-машине.

Андрей I поблагодарил двойника, взглянул на него, и оба вдруг рассмеялись.

— Знаете, — сказал Андрей II, — если вы полетите на другие планеты, не ищите там двойников...

— Я знаю, — отвечал Андрей I, — меня предупреждали, да я не верил.

— Теперь верите? — спросил двойник, смеясь. — Еще бы немного, и мы с вами передрались бы!..

— Когда я кончу свое путешествие и вернусь на землю № 1, — задумчиво сказал Андрей I, — я отыщу там свою Таню...

— Вот что, друг, — понял его двойник и обнял за плечи, — на обратном пути вы все-таки залетайте к нам... Я бы сам с удовольствием полетел с вами, если можно, да у меня на плечах большой ответственности обязанности.... Даете слово, что залетите?..

— Как же так? — удивился Андрей I.

— А вот как,— двойник вынул записную книжку и вырвал из нее листок. — Здесь адрес моего товарища, вы оставайтесь у него, а он вызовет меня... Хорошо?

— Хорошо, — согласился Андрей I.

4.

На извозчике Андрей доехал до окраины деревушки, терзаемый образом звонкоголосой девушки, и здесь слез.

Издали бросилась в глаза около стога соломы большая толпа.

— Неужели нашли мою психо-машину? — похолодел он, слишком живо представляя себе неприятную перспективу остаться на Земле № 2 и жить на ней вместе с двойником.

Сдерживая невольно ускоряющийся шаг, с беспечным видом подошел он к кучке крестьян. Среди них лежала вытащенная из снопа «сигара».

— Ну, что у вас тут, товарищи? — он протискался к самой машине.

На него подозрительно посмотрели. К счастью, не было знакомого парня из Совета и возницы.

— Да вот штуку нашли какую в соломе!.. — раздались голоса.

— А... — равнодушно произнес Андрей, — я думал, что...

Он подошел к дверке, рассеянно потыкал в запор пальцем и полез в карман:

— Не подойдет ли мой ключ?

Толпа теснее сгрудилась.

— Смотри, как раз влез!.. — сказал мужичок разбитного вида, протискивая любопытное лицо под руку Андрея.

Тот повернул ключ. Звякнуло. Дверка отскочила внутрь. А Андрей в притворном ужасе отпрянул назад. Враспынную пустилась толпа.

Это позволило ему выиграть одну минуту, чтобы вскочить в машину, запереть дверь и открыть в носу шторы.

Крестьяне, увидя, что их провели, подтянулись снова, а разбитной мужичок уже висел, обхватив нос машины и заглядывая на Андрея через стекло сердитыми глазами.

Машина взмыла кверху. Мужичок висел, корча злые мины. Андрей подлетел к стогу и стряхнул любопытного в соломку.

— Легко выкрутился, черт возьми! — с облегчением вздохнул он.

Глава IV НА ЗЕМЛЕ № 3

1.

Прежде чем решиться на дальнейший полет — на очереди по плану веза стояла Земле № 3, переживавшая 2022 год, — Андрей без цели промчался несколько раз кругом земного шара, даже не интересуясь его видом.

Он был погружен в глубокие думы.

На Земле № 2, оказалось, события развивались иначе, чем на родной планете. Такие большой важности моменты, как связь с революционной Луной, связь, которую можно было бы установить, если бы судьба Андрея II совпала с его судьбой, — такие моменты в истории Земли № 2 отсутствовали. Следовательно, в вычисления веза или вкралась ошибка, и он неточно указал двойника Земли № 1, или же вообще жизнь Вселенной не повторяет целиком своих комбинаций, а делает многообразные отклонения, рисуя по общей канве неодинаковые узоры.

Тогда то, что он видел и слышал на Земле № 2, в деталях не является обязательным для хода эволюции и революции родной планеты. Здешняя история, ушедшая на 5 лет вперед от истории Земли № 1, может быть, не является даже «будущим» для последней. Необходимо, значит, увидеть жизнь нескольких земель, опередивших родную, и со-

поставить их совпадающие моменты, чтобы вывести более или менее верное заключение о том, что ожидает в будущем Землю № 1.

В частности, он и своего будущего не узнал. Андрей II только до начала отпуска жил одной жизнью с ним, с момента же знакомства с Вепревым события потекли по разным дорогам. Будущее Никодима тоже не соответствует действительности. (Никодим в настоящее время устанавливает сообщение между Луной и Землей.)

Вез слишком мало дал вычислений и недостаточно указал планет, не предвидел всего многообразия комбинаций... Имеет ли смысл продолжать путешествие? Не повернуть ли машину на обратную дорогу? Стоит ли подвергать себя напрасному риску и роковым встречам, вроде встречи с Таней, от которой нарушилось душевное равновесие?

Одну минуту Андрей сильно колебался, но... стремление к неизвестному побороло закрававшуюся в душу робость.

— Летим, брат, что бы там ни было!

Он лишь на четверть часа остановился в песчаной безлюдной пустыне Азии, чтобы зарядить аккумуляторы. Потом, установив по карте направление и высчитав расстояние, — оно равнялось 700 миллиардам верст, — смело устремился в безграничную даль...

Едва выйдя из Солнечной системы № 2, чуть не врезался в хвост гигантской кометы, несшейся с быстротой, которая не уступала психо-машине. Если бы он не изменил вовремя направления, и психо-машина и ее пассажир теперь входили бы в состав раскаленной и распыленной массы кометы...

«Не повернуть ли обратно?» — заворочались мыслишки.

Усмехнулся... И только зорче стал следить за встречными телами и предусмотрительно-вежливо уступать дорогу громадным туманностям, испускавшим ослепительное пламя.

Уже на два часа с лишним затянулся полет. Болели и слезились от напряженного всматривания в поражающую световыми эффектами даль. Тупо ныл затылок и трудно становилось думать.

— Не сбился ли я?

Попадались двойные Солнца, туманности: облаковидные, кольцообразные и спиральные; попадались черные, как бы обугленные планеты, без атмосферы, воды и жизни, и тучеобразная серая пыль, но не было намека на Солнечную систему, где должна находиться Земля № 3...

За машиной осталось 650-миллиардное расстояние. Возвращаться обратно — абсурдно: психометр указывал на весьма скромное наличие энергии.

— А ну, приналяжем!..

Напряг последние силы, все внимание вложил в ускорение полета и почувствовал, что мчаться с большей скоростью даже мысль не может...

.

Ура!.. Нептун!... Солнце!..

Промелькнул опоясанный кольцами Сатурн, вид которого показался бесконечно родным...

Задержал чудовищный бег «сигары» и на лету стал отыскивать Землю.

— Есть!.. С Луной и как полагается ей быть...

Земля! Земля! — бурно плясало сердце. Вряд ли бывают так восхищены моряки, заведя темную полосу на необъятном горизонте, как ликовавший Андрей, обрвав желанный шарик в безбрежном океане эфира...

Хотя глаза его покраснелись, как у трахомотозного, голова трещала и казалась с пивной котел, а дыхание захватывало от спертого воздуха машины, — он не забыл, что перед ним не родная планета, а лишь двойник или, вернее, тройник ее и, кроме того, ушедшая уже на одно столетие вперед.

Выбрав глухое место в лесных дебрях Африки, осторожно снизился на полянку, поросшую папоротниками, чтобы наполнить почти разрядившиеся аккумуляторы.

Раннее утро разгоралось с востока, когда Андрей во второй раз летел над поверхностью Земли № 3, пожирая восхищенными глазами резко изменившуюся природу и обстановку жизни знакомых мест.

Он пролетал над Московской губернией — к Ленинграду сердце что-то не лежало — и здесь хотел спуститься, сам еще не зная, где и как.

Все было покрыто роскошной зеленью и цветами... Исчезли прежние убогие деревушки с их грубосколоченными хатами и соломенными или ржаво-железными крышами. Всюду — посреди моря зелени и ярких красок скверов — бетонизированные двух- и трехэтажные дома, рассчитанные, очевидно, на 3-4 семьи. Сократилась площадь построек, развернулись в ширь и даль поля, сады и парки.

По бокам широких улиц деревень высокие тополя, березы и акации красиво декорировали затейливые орнаменты зданий. Невидимая электрическая проводка (подземная?) — через фонари, рефлекторы и факелы — еще обливала дома, зелень площади и улицы. Но вот лучи солнца скользнули по верхушкам деревьев — электричество заморгло и погасло...

— Не может быть, что прошло только сто лет! — поминутно восклицал Андрей, нетерпеливо выискивая глазами укромное место для спуска.

Но кроме тех же стогов и скирд с соломой и сеном, коварство которых он уже познал, не было ничего подходящего.

При полете через пруд на окраине пригородной деревни у Андрея родилась остроумная идея. Он спустился на берег, вышел из машины и разделся донага, ежась от утренней прохлады. Одежду оставил на берегу, а сам снова прыгнул в машину и накрепко закрыл за собой дверь. Поднялся и сверху камнем бросил машину в пруд. Как только она погрузилась до дна, пустил ее к берегу и въехал в раскидистые лапы-корни прибрежных ив. Рыбы испуганными

стоями брызнули в разные стороны.

Наполнив «сигару» сжатым воздухом, безбоязненно открыл дверь. Снаружи немедленно возник пузырь воздуха, который не мог всплыть кверху, вследствие большого давления воды.

— Вполне безопасно!.. это уже не стог!

Вылез из машины в воду, запер дверь на ключ и вместе с пузырем воздуха, оторвавшимся при его движении, выплыл на поверхность пруда.

— Ай да мы! — довольный своей выдумкой, хохотал Андрей, дрожа от принятой ванны и проворно одеваясь.

— Ну-с, как-то вас примет новый мир? — прыгая через пни и кочки, чтобы согреться, думал он через несколько минут, пробираясь парком к деревне.

Первый двухэтажный домик-игрушка, укромно приютившийся в цветущих акациях. Андрей, вбежав на крылечко, смело стучит в разноцветное стекло окна.

Безо всяких — кто там? — отворяется дверь. Старик внушительной внешности с белой бородой по пояс, в странной тунике, накинутой поверх как бы гимнастического трико, с обнаженными мускулистыми руками и коленями, делает приветственный жест:

— Входи, друг!

Андрей, смущенный неожиданным приемом, боком неловко проскакивает мимо старика.

— Хочешь кушать? — спрашивает радушный старик, предлагая место за столом в комнате, богато убранной и украшенной картинками из времен революционной борьбы.

— Вы не беспокойтесь, — заискиваясь Андрей, чувствуя себя не особенно ловко в новой обстановке.

— Почему ты говоришь «вы», когда я один? — спросил старик, придвигая к гостю тарелку с голубоватой массой.

— Видите ли, у нас так принято, — объяснил Андрей свою вежливость, вооружаясь ложкой. — «Вот и вляпаюсь сейчас!» — мелькнуло у него,

У старика появился на лице вопрос, но вместо него Андрей услышал новое приглашение — закусить.

— Черт поberi! Никогда я себя так скверно не чувствовал! — совсем растерялся гость, зацепив ложкой голубую массу и не зная, что с ней делать.

Старик, видя его неуверенные операции с ложкой, деликатно пришел на помощь, принявшись сам за завтрак.

— Что это? — спросил Андрей, по примеру хозяина намазывая голубоватый хлеб неизвестным ему веществом и отправляя его в рот.

— Сливочное масло...

— Гм... удивиться или не стоит? — колебался Андрей, боясь попасть впросак, и робко спросил:

— Почему оно у вас, как и хлеб, голубое?

Старик изобразил невольно лицом вопросительный знак, но сейчас же его уничтожил и сдержанно объяснил:

— И масло, и хлеб, и все наши продукты, чужестранец...

— Меня зовут Андреем... — вставил гость, расправляясь теперь с маслом, как у себя на Земле.

— Хорошо. А меня Иваном... Итак Андрей, если ты не знаешь, все наши продукты подвергаются, прежде чем попасть на стол, обеспложиванию, т. е. в них уничтожаются все микробы особым химическим препаратом голубого цвета... Поэтому-то все, что ты видишь на столе, и носит голубоватый оттенок...

— А у нас на Луне... — вырвалось у Андрея.

— Что?.. Так ты — лунный житель?

— Нет, дедушка... — засмеялся Андрей и, не желая больше злоупотреблять деликатностью старика, который при виде странного гостя сгорал от естественного любопытства, решил объясниться, предварительно спросив на всякий случай:

— Который теперь год, дедушка?

— 2022-ой... — дед подозрительно скосил на гостя глаза. Андрей прочитал в них выражение страха, какое бывает у здорового человека при встрече с сумасшедшим.

— Я, дед, не сумасшедший, потерпи немного — все расскажу...

— А какая форма правления у вас и кто у власти? — продолжал он.

— У нас социалистическое государство и у власти все трудящиеся...

Андрей радостно вздохнул и коротко поведал деду свою одиссею, не утаив ничего.

В самом начале дед вскочил со стула и во время рассказа возбужденно бегал по комнате, изредка останавливаясь перед гостем и теребя бороду.

— Ваш вез — гениальный человек! — воскликнул он, когда Андрей кончил. — Комбинации Вселенной!.. Комбинации Вселенной!.. До чего додумался!...

Андрей, видя, что его повесть принята безо всяких сомнений и оговорок, предоставил деду свободно изливать свой восторг, а сам занялся «приведением в порядок» хозяйского стола.

Дед побегал еще и обернулся к усердно работающему челюстями гостю:

— Ну, и ты — смелый парень!..

Растроганно-крепко пожал ему руки. Потом, внезапно вспомнив что-то, хлопнул себя по лбу и выбежал из комнаты в соседнюю.

Через минуту вернулся с небольшой, пожелтевшей от времени книгой и, ни слова не говоря, сунул ее Андрею, лукаво наблюдая за его лицом.

— «Зэнэль... Психо-машина...» — прочитал Андрей заглавие.

— Да ведь это — мой дневник! — воскликнул он, пробежав предисловие. — Значит, тот смешной старик на горе, в которого я запустил сапогом, а потом своим дневником, оказался профессором!..

— Это не твой дневник, — посмеиваясь, отвечал дед, — а дневник твоего двойника... Я читал эту книгу 100 лет тому назад, когда был 30-ти летним юношей... Я еще помню, что тогда производилось расследование по поводу пропавшего без вести петроградского комсомольца Андрея и его товарища... Как, бишь, его?

— Никодима?

— Да-да, Никодима... И расследование установило, что действительно здесь имело место загадочное событие на хуторе с двумя учеными контр-революционерами, после чего исчезли и ученые и их преследователи...

— Они не вернулись на Землю? — спросил огорошенный Андрей.

— Да, после того, как им был сброшен на землю дневник, они более не возвращались...

«Что же? И мне с Никодимом предстоит такая же участь?» — печально подумал Андрей. А дед снова бегал по комнате, теребя нещадно бороду.

— Чудесно! Великолепно! Психо-машина, комбинации и все прочее!..

— Знаешь? — остановился он перед гостем, погруженным в раздумье, — я сейчас извещу по радио город о твоём прибытии, и мы устроим тебе банкетик!..

— Не надо! Пожалуйста, не надо! — встрепенулся испуганно Андрей, вспоминая предостережения веза. — У меня совсем нет времени... Я, может быть, сегодня же улечу... Прошу вас, не надо!..

— Вы?! Вам?! Вас?! — недовольно и с недоумением проворчал ста-рик. — Да сколько же «нас», в конце концов?..

— Извини, дедушка, я все забываюсь. По-своему я...

— Ничего не по-своему, — возразил дед. — И у нас 92 года тому назад была привычка называть друг друга на «вы», но она после Великого Торжества Советов была оставлена и забылась... Только... Ну да об этом не стоит...

— Великое Торжество Советов? — заметил Андрей. — Дедушка, расскажи, пожалуйста, когда это было? Ведь ты знаешь, зачем я прилетел к вам?..

Дед любил поговорить, но его смущало, что гость отказывается от банкета.

— Банкетик бы сначала... А? — проронил он. — Устроим великое единение Вселенной? А?..

— Не стоит, дедушка! — уговаривал Андрей общительного хозяина. — Ну какое там единение? Я и не делегат своей Земли!.. По своему почину я к вам прилетел...

— Ну, ин будь по-твоему, — согласился с большой неохотой дед. — Так о чем же тебе рассказать?

3.

На Земле № 3 революционная эпопея развивалась в общем по тому же плану, что и на № 2, только с некоторым запозданием.

Вооруженная борьба, в главных моментах совпадавшая с борьбой на Земле № 2, тянулась в океанах огня, дыма и крови до 1930 года, когда последний оплот контр-революции — Америка — пал от внутреннего взрыва.

Потом потекли долгие годы переустройства и возрождения обновленной семьи, во время которых коллективная воля трудящихся творила поистине чудеса. Машинизирование производства повело к тому, что уже через 20 лет от разрухи и хаоса, порожденных великой войной, не осталось и следа, а рабочий день был сокращен до 4 часов. Все свободное время трудящиеся посвящали умственному и физическому развитию и разумным развлечениям, куда, главным образом, входили научные экскурсии по всему земному шару.

Вот что поведал любитель-историк Иван, бывший во время революционной борьбы простым крестьянином. Его повествованию постоянно мешали нетерпеливые вопросы пылкого слушателя.

— Если бы ты не перебивал меня, — после некоторого раздумья промолвил дед, — я не забыл бы рассказать об одном грандиозном завоевании нашей коллективистической науки...

И он рассказал.

— В 1935 году было сделано великое открытие, и не какими-нибудь профессиональными учеными, а группой молодых рабочих, лишь с 30 года посвятивших свои досуги науке. Найден был универсальный антисептик — средство против невидимых врагов человека. Известно, что поч-

ти все болезни и даже состаривание человеческого организма происходят от вредноносных микробов, пробирающихся в наше тело.

Найденный антисептикum действует губительно на всех микробов без исключения и в то же время не только не вредит клеткам человеческого тела, но и является хорошим активатором этих клеток в их повседневной работе и предохраняет их от быстрого изнашивания.

Таким образом, открытый препарат служит и идеальным антисептикumом, и настоящим «жизненным эликсиром», которого так долго и безуспешно искали средневековые алхимики.

Благодаря регулярному ежедневному приему его внутрь, человечество совершенно стерилизовалось¹; принимаемая же пища, подвергнутая предварительной обработке «униантом», так сокращенно стали называть универсальный антисептикum, — не вводила уже новых микробов в тело человека.

Действие унианта сказалось через несколько лет. Мало того, что исчезли все инфекционные болезни, сама жизнь омолодилась. 70-80-летние старики, глядевшие одним глазом в потусторонний мир, после регулярного приема унианта, через 2-3 года становились способными принимать участие в олимпиадах и жили до 179-180 лет.

В общем, наука вывела такое заключение, что чем раньше начинать прием унианта, тем продолжительней становится жизнь. Те, кто принимал его с младенческого возраста — в 30-годах настоящего столетия — имеют до сих пор вид 25-30-летних юношей. Наука пророчит им жизнь до 300 лет.

— Таким образом, — закончил дед Иван, — почти все участники революционной борьбы живы и посе́йчас.

— Сколько же вы надеетесь прожить? — Андрей улучил момент для вопроса.

— Кто — «мы»? — Деда шокировало почему-то обращение на «вы».

¹ Надо понимать: освободилось от микробов. Z.

— Извиняюсь, — сконфузился Андрей, — я про тебя, дедушка, спрашиваю...

— Я начал прием унианта, когда мне было 45 лет, следовательно, по данным науки, я проживу 300 минус 45 лет, т. е. — 255 лет...

Для Андрея такая долговечность не была ошеломляющей: он знал примеры более долгой жизни на Луне. Но то были небезы — слоноподобные существа, которые, может быть, самым устройством своего тела предрасполагались к долголетию, а здесь человек, освобожденный человек, своим разумом удлинит себе жизнь чуть ли не в четыре раза!...

Было от чего вскочить со стула и забегать вокруг деда волчком!

— Волноваться не надо, — заученно и машинально посоветовал тот, — волнение сокращает жизнь...

— Это — первый подарок коммунистического труда, — продолжал он, мечтательно глядя в окно, через которое уже пробирались на потолок робкие лучи утренней зари и доносился звон заходивших трамваев.

— Поедем, дедушка, в город, — внезапно предложил Андрей. — Только ты не рассказывай никому, кто я и откуда... Больно надоело мне давать одни и те же объяснения!..

— В город, так в город, — согласился дед, вставая. — Только... банкетик бы следовало...

— Тогда я улечу от вас! — возмутился Андрей. — Я хочу быть инкогнито!..

Дед усмехнулся.

— В таком нелепом костюме трудно сохранить инкогнито!.. Ты, как будто, только что из музея убежал!.. Ну, ин, ладно... Идем-ка, я тебя одену по-человечески...

4.

Было еще рано. Кроме Андрея и деда, в трамвае сидела лишь одна молодая девушка. Она имела такую же простую одежду, только более яркую и цветную.

— Сколько ей лет? — поинтересовался Андрей.

— Хе... хе... лет? — старик, к смущению гостя, за ответом обратился непосредственно к соседке.

— 70, — просто ответила та, — а что?

— Ничего, ничего, гражданка... хе-хе... Вот я с юным другом поспорил о вашем возрасте.

«Девушка» посмотрела на залитое кумачом лицо Андрея и больше не интересовалась им.

— Какого черта вы меня смущаете? — прошептал он возмущенно.

— Опять... вы?! — возмутился и дед.

Андрей поставил ультиматум: если дед будет нескромным — он при всех станет называть его на «вы».

Тому ультиматум не понравился, но и намеренная вежливость Андрея его пугала.

— Ну, ин, ладно, не буду...

Трамвай неся по однорельсовой дороге среди широко раскинувшихся по цветущим садам деревень. Уже подъезжали к городу. В воздухе зареяли дирижабли и аэропланы, не производившие, к удивлению Андрея, никакого шума.

— Они все снабжены заглушителями, — пояснил дед, — а кроме того, тут больше простых планеров... Ребятишки учатся летать.

Действительно, большинство воздушных коней не имело моторов; то были планеры, приводимые в движение летчиками при помощи искусных манипуляций с плоскостями. Сами же авиаторы выдавали себя лишь болтающими в воздухе пятками.

Заметней оживала жизнь и внизу. На широких улицах-площадях появились женщины с сумками и кошелками.

— На базар, что ли? — кивнул на них Андрей и, конечно, попал пальцем в небо.

Дед весело рассмеялся, хотел подтрунить, но вспомнил ультиматум:

— Базар?! Эка, брат, хватил! Это уж совсем историческое слово... У нас, милый мой, давным-давно базаров нет... Мы отдаем обществу все, что можем дать по своим силам и способностям, и берем все нужное по своим потребностям...

— Ах, черт! Так у вас, значит, вполне социалистическое общество?

— Нет, друг, пока только социалистическое государство... Свободное социалистическое общество — без признака какой бы то ни было власти — возможно будет тогда, как коллективизм войдет в плоть и кровь всех членов общества, когда элемент государственной власти, элемент принуждения станет излишним...

Этого пока у нас нет... Слишком много живет еще старичков, сохранивших от времен капитализма весь свой эгоизм, индивидуализм, жадность и всякие другие прелести...

Зато, когда Земля от них очистится, молодое поколение даст возможность перейти к свободному социалистическому строю...

Дед задумался и Андрей задумался. Первый мечтал о том времени, когда, наконец, исчезнут гнилые остатки старого строя. Второй начал с того же, но быстро перешел — в силу своей молодости — к наблюдению за прекрасной действительностью.

Его поразили свежесть и яркий румянец на лицах прохожих и соседей по трамваю, гибкость их движений, грация фигур и мускулистость членов.

— Физическая культура, милок, — оторвался дед от своих мечтаний при вопросе Андрея. — Наравне с умственными занятиями, мы не забываем и физических: спорта, гимнастики, игр, прогулок и т. п. ...

Андрей обратил внимание на разговор соседей.

— На каком языке они говорят? Что-то знакомое!..

— Ты эсперанто изучал? — спросил дед.

— Ах, да! Эсперанто!..

— Ну, вот, только мы его обтесали, отшлифовали, и он у нас ходит в качестве международного языка и обязателен для изучения по всему земному шару...

У нас, например, в школах изучают русский язык и эсперанто; причем первый можно заменить каким угодно другим языком, второй же — нет. Благодаря этому, мы можем свободно объясняться и с китайцем, и с негром, и с папуасом... с кем угодно!..

Трамвай мягко и бесшумно неся и неся вперед по улицам, которые Андрею стали казаться несоразмерно широкими. Уже оживление царило повсюду. Яркими красками развевались плащи и туники. Жизнерадостный говор слышался кругом; на лицах не было никакого уныния, тревоги и озабоченности. Особенно усердствовали ребяташки на планерах, то взмывая кверху в струях ветра, то снижаясь совсем к земле и наполняя воздух веселым щебетанием, криками, песнями...

Андрей с возрастающим удивлением следил за пробуждением почти сказочной жизни окрестностей и, не видя конца двух- и трехэтажным домам, спросил:

— Где же город?

Старик улыбнулся:

— Мы — в нем...

На Земле № 3 были снесены все здания, построенные когда-то безо всякого плана, снесены все многоэтажные чудовища, а вместо них выросли 2-х и 3-этажные игрушки-домики из железобетона, занимавшие сплошь и рядом площади шириною с полквартала. По мере увеличения населения снималась крыша с такого объемистого по площади дома и на нем укреплялся новый этаж, отлитый целиком из того же бетона.

— У нас земли достаточно, — пояснил дед, — зачем нам без времени загораживать себе солнце небоскребами?

Город можно было узнать по более густому уличному движению, по мелодичному звону более частых трамваев, по автомобилям и мотоциклетам, сновавшим, словно громадные, проворные муравьи, во всех направлениях, и по обилию всякого рода просветительных учреждений: театров, клубов, школ, университетов и т. п. Эти здания строились по иному плану, но по тому же принципу. Высота их значительно превышала два этажа, но почти все они были одноярусными: на мощных толстых колоннах держалась совершенно плоская, ограниченная перилами крыша, по краям уставленная громадными вазами с тропической растительностью.

Андрей заметил, что эти крыши служили местом для подъема и посадки аэропланов, планеров и дирижаблей. Его, однако, удивила непомерная и негармоничная толщина колонн, со всех сторон образующих вокруг зданий род крытой галереи. Негармоничность эта разрешилась просто, когда он увидел в одной части города двухъярусный клуб: на существовавший прежде ярус поставили такой же другой, и верхние колонны служили продолжением нижних; объем их уже несколько сгладился в общей громаде строения.

Дед сказал:

— С простом населения город увеличивается только кверху и уже точно высчитано, что через 100 лет все жилые дома будут пятиэтажными, а просветительные и другие учреждения — 3-ярусными.

Теперь Андрей понял, для чего так широко распланированы улицы.

— До скольких же этажей возможно такое увеличение кверху?

Дед, не задумываясь, ответил:

— Мы рассчитали, — что площадь наших городов не изменится в течение 2-х тысяч лет — тогда дома достигнут 45 этажей... А дальше видно будет! Может, найдем новые способы постройки, чтобы не отнимать у земли, необходимой для запашки, поверхности.

— Насколько я понимаю, — подвел итоги Андрей, — вы осуществили старинную идею о городах-садах. Но ведь с ростом города эта идея, вами воплощенная в жизнь, вами же и уничтожится!.. Растительность возможна будет только на крышах последних этажей!

— О... насчет сохранения городов-садов можно не беспокоиться, — спокойно отпарировал дед, — ты, друг, забываешь нашу науку!.. Имей в виду, что с механизированием производства и с сокращением часов необходимого рабочего дня, миллионы и миллионы умов получили возможность посвятить свои силы науке...

Наша наука каждый день, каждый час дарит государству новые и новые открытия и изобретения... Твой покор-

ный слуга, хотя и простой крестьянин, сто лет тому назад ничего не знавший, кроме своей первобытной сохи, теперь тоже немного причастен к научным изысканиям!.. Я как раз работаю в «солнечной коммуне», где мы заняты вопросами конденсации солнечного света...

— Если бы здесь был Никодим, — мысленно пожалел Андрей, — он смог бы познакомить здешнее человечество с техникой добывания жидкого солнца...

— Наши изыскания, — продолжал дед, — если и не близки еще к плодотворному окончанию, то через 10-20 лет, наверное, увенчаются успехом. Тогда мы заполним улицы светом искусственных солнц.

А когда наши города возрастут до 45-ти и более этажей, мы устроим свои улицы в несколько ярусов — один над другим — и будем освещать их постоянно искусственным солнцем-светом... И на улицах-ярусах города всегда возможна будет растительная жизнь, столь необходимая для здоровья...

— А заводы, фабрики с их дымом куда вы денете при многоярусном городе?

— Ха-ха-ха!.. А ну-ка, оглянись, где у нас дымовые трубы? — дед не мог удержаться от смеха над наблюдательностью своего спутника. И когда тот, как он ни вертелся на скамейке трамвая, не обнаружил и намека на трубы, дед, улыбаясь в бороду, сказал:

— Мы дыма не выпускаем в воздух, как когда-то практиковалось... Дым у нас из каждого дома, с каждой фабрики и завода отводится в подземные поглотители и там осаждается, очищается от газов и прессуется в новое топливо... Надо только поражаться, сколько топлива пропадало раньше из-за неэкономного использования его!..

Трамвай остановился на широкой площади перед двухэтажным зданием — центральной библиотекой города. Дед, проворно соскочив, увлек своего спутника в самую гущу уличного движения.

Поздно вечером вернулись из города. Старик, сияя от довольства, распрощался с гостем, пожелав ему наиспокойнейшего сна, и удалился в соседние апартаменты. Андрей, буркнув на пожелание что-то вроде «Ладно!», тоже расположился ко сну. Он был сильно зол на деда.

Еще бы! Тот не удержал-таки своего языка и раззвонил всем родным и знакомым о чудесном прибытии человека с Земли № 1.

Понятно, по инициативе того же деда, гостю устроили «банкетик», на котором ему еще раз пришлось рассказывать свои приключения. «Банкетик» затянулся до вечера, и осмотр города поневоле был отложен.

Это бы еще ничего! Гостя обязали присутствовать и завтра и послезавтра на митингах, собраниях, вечерах и концертах, устраиваемых в честь его...

Всю обратную дорогу Андрей ворчал по-стариковски, а дед юношески-задорно смеялся.

— Милое дело!.. Единение Земель — праздник Вселенной!..

— Не для этого я прибыл к вам! — с сердцем бурчал в ответ межпланетный путешественник. — Мне пора уже лететь обратно, у меня отпуск кончается, мне нужно еще побывать на Землях № 4 и 5 — дорога туда не ближняя, а вы со своими банкетиками лезете... Черт бы их драл!.. Я — не враг общества и общения, но всему должно быть свое время...

Дед мало уделял внимания ворчаниям юного друга и, не слушая его, жизнерадостно вторил:

— Нет, ты подумай только! Братское общение миров! А? Каково звучит-то?.. Милое дело?..

Андрей не слушал деда и злился на него; дед слушал только самого себя и восхищался перспективами предстоящих праздников.

В таком «приподнятом» — каждый по-своему — настроении они вернулись в деревню.

Понемногу гнев «межпланетного путешественника» — так называли Андрея на банкете — утих. Богатые впечатления дня погасили его...

...Земля № 3 достигла такого развития, когда до социалистического общества оставался только один шаг.

Но не вполне еще царили на ней мир и согласие.

Какое-то тайное беспокойство, как заметил Андрей, изредка омрачало лица приветствующих его. В разгаре торжественных речей у ораторов вдруг рождались тревожные и опасливые взгляды по сторонам, — правда, на одно-два мгновения, но острый глаз Андрея успевал ловить их.

— На Шипке-то не все спокойно? — буркнул он деду сейчас же по окончании банкета.

Тот сначала притворился непонимающим, потом откровенно признался:

— Да, сынок, есть у нас враги... Давно они шевелятся, а недавно убили одного нашего видного общественного деятеля... Старики все эти, старики — бывшие капиталисты!.. До сих пор не могут они примириться с социалистическими порядками! До сих пор плачут о своих потерянных богатствах...

И чего им только надо? Не пойму!.. Кажется, нет у нас нуждающихся и обездоленных... Не должно быть и недовольных — всего вдоволь: бери, что хочешь, и устраивайся, как знаешь, конечно, без вреда обществу...

Да что! Глубоких стариков, если они даже вполне трудоспособны, мы освобождаем от всяких общественных работ!.. И этого им мало?! Какого беса им надо — не пойму!.. Просто, видно, старая закваска бродит, старая идеология...

— Дед, — спросил недоумевающе Андрей. — Чего же с ними церемониться? Переловить да к стенке!..

— Э... сынок! Нечего нас учить: знаем, как нужно было бы поступить — сорную траву из поля вон!.. Да в том-то и беда, что хорошо прячется эта «сорная трава»... Тайное у них общество, — понизил он голос, — где-то в подземельях ютятся... Вот уже 30 лет бьемся, не можем открыть их тайники!..

— Ничего, дед, — успокоил Андрей, — в конце концов попадутся!..

— Когда-то, сынок, попадутся, — горестно вздохнул дед, — а ведь они пользуются всеми нашими научными новинками, и у себя внизу, там, что-нибудь маракают!..

Этот разговор вспомнился Андрею, когда сладкий сон мягко душил его в своих объятиях.

— Непременно полечу дальше, — решил он в дремоте, — нужно до самого конца проследить будущее земли... Борьба-то, видишь еще не закончилась...

Глава V В ПЛЕНУ У БЫВШИХ КАПИТАЛИСТОВ

1.

Устал Андрей — спит крепко; не слышит, как чья-то воровская рука шарит снаружи по окну. Не видит, что стекло уже вырезано и другая рука отщелкнула шпингалет...

Проснулся он лишь тогда, когда в комнате очутились трое бородачей в масках и когда рот его был туго заткнут тряпкой и крепко перевязан жгутом.

Задышавшись, открыл Андрей глаза и судорожным усилием мышц стянул с себя двух незнакомцев... В это мгновение третий спокойно приставил к его виску холодное дуло револьвера.

— Не шумите, — внушительно произнес он, — убьем.

Обращение на «вы» пояснило Андрею, с кем он имеет дело. Длинные бороды лишний раз служили подтверждением его открытию.

— Вот тебе банкетик! — сообразил он. — Не суйся в чужие жизни!..

Его сняли с кровати и, крепко удерживая за руки, поставили на пол. Третья маска с револьвером стояла у двери, прислушиваясь.

В соседней комнате зашаркали по полу туфлями.

Маски насторожились, Андрей оглядел ту и другую, усмехнулся и вдруг потряхнул плечами; бородачи, как щенки от медведя, посыпались на пол, но сейчас же вскочили и снова вцепились в него.

Стоявший у двери сделал прыжок, переняв револьвер в левую руку, а в правой держа поднятый кистень. Но внимание его раздваивалось: шаги приближались...

Андрей улучил момент, вырвал руки из стальных клещей незнакомцев и схватил их за бороды...

Третий бросился к заскрипевшей двери...

— Пропадет дед, — как молния, блеснуло у Андрея, и он так стукнул бородачей лбами, что те без стога сели на пол, потеряв сознание...

В дверях показался дед в ночном колпаке. В тот же миг он рухнул на порог с раскрытым черепом...

Рыча от бешенства и жалости к деду, прыгнул Андрей на убийцу... Револьвер полетел на пол, и они покатались за ним, сцепившись в мощных объятиях...

Старик обладал атлетическим сложением, но и Андрей не уступал ему...

Проклятая затычка во рту мешала дышать!...

Борьба шла из-за обладания револьвером... Несколько раз противники были друг под другом... Сначала Андрею ничего не стоило освобождаться из-под грузного тела убийцы, затем он с большим и большим трудом вырывался наверх, — не хватало воздуха...

Сделав гигантское усилие, он придавил противника к полу и, отыскав глазами револьвер, ногой отшвырнул его под кровать; рук нельзя было отнять...

— Ну, теперь ты, голубчик, вяпался! — радостно вздохнул Андрей, отскакивая от противника и вытаскивая изо рта тряпку... Маска вскочила на ноги...

— Сдавайся, чертов дед! — грозно предложил Андрей.

— Мы еще посмотрим! — зловеще бросил тот.

Андрей не стал терять времени и снова прыгнул к старику. Тот, обманув его правой рукой, левой нанес удар в подреберье. Андрей вовремя напряг мышцы живота и про-

тивопоставил их удару.

Уже слышал Андрей треск грудной клетки противника, уже чувствовал, как сжимаемое в его железных тисках тело теряло способность сопротивления...

Но в азарте не заметил трех новых незнакомцев, вскочивших через окно.

Когда же оглянулся на шум, было поздно: один из бывших хватил его кистенем по голове.

2.

— Что, брат, лежишь?.. Лежи, лежи... Вперед — наука: не вмешивайся в жизнь чуждых тебе планет!..

— Голова-то цела? — Неизвестно. Но, видно, слабо тебя утомили, коли жив еще...

Так беседовал сам с собой Андрей, лежа в одном белье крепко связанным в мрачной и сырой темнице и с любопытством разглядывал потолок, где слабо мерцала электрическая лампочка, затканная паутиной

— Ну, что ж? До каких пор лежать-то будешь? Отдохнул и за дело, — ждать нечего...

Извиваясь по земле, он пополз в одну сторону: убедился, что с этого края темница граничила с широким рвом с глубоко внизу журчащей водой; пополз в другую, третью — всюду ров.

— Ерунда, братишка, — силясь определить по звуку расстояние до воды, проговорил он.

— Надо менять тактику... Надо быть гибким, уметь приспособливаться к обстоятельствам... Так-с!

Стал напрягать мышцы, чтобы разорвать или сбросить путы.

— Жила тонка, брат... Мало каши ел... Ну-ка, еще раз!

В разбитую голову больно ударила кровь...

— Не годится... Отставить! — скомандовал он себе, чувствуя, что глаза начал застилать туман и в ушах загудело.

— А ведь разорвал бы, если бы не голова!..

— Чем бы еще заняться?

Почувствовал, что острый камень больно врезался в спину.

— Идея! Надо перевернуться... Так... Камешек подходящий, главное — совсем неподвижный... Специально для меня созданный...

Приблизил связанные руки к сулящему освобождение камню.

Десять минут невероятных усилий, десять минут вечностью показались ему.

— Трудно, конечно, Андрюша, — бодрился он. — Но... терпение и труд все перетрут... Значит, три смело!..

Хотя в темнице было холодно, он обливался потом... В висках стучали молоты, в ушах — барабанило... Несколько раз сознание грозило покинуть сильно контуженный мозг. Но веревка поддалась, и Андрей сразу обрел в себе такие силы, что готов был отхватить трепака.

— Главное — не падать духом... Теперь и «мы посмотрим», как сказал тот бородач, которого я раздавил в блин...

Затекшими и бесчувственными руками стал сбрасывать с себя веревку.

— Вот я и готов! — проговорил он и тотчас же упал на землю, услышав звяканье ключей.

— Жаль!.. Не совсем я еще оправился...

Открылась дверь. Блеснул яркий свет. С фонарем в руках показалась бородастая маска...

Откуда-то сверху загрохотали цепи и через ров упал мост.

Вошедший без всякой опаски прошел мост и смело направился к тому месту, где пятнадцать минут тому назад лежал пленник.

— Ну-ка, Андрюша, приготовь гостинец... — Андрей очутился сзади бородача.

— Где ж он? — удивился тот, поднимая фонарь кверху и вместе с ним в тот же миг с криком ужаса кувырком полетел в ров от удара невидимой руки по уху.

На крик немедленно вбежали еще пять человек с револьверами в руках.

Андрей не стал ожидать их приближения, а молча прыгнул в ров с другой стороны...

Пролетел с замиранием сердца несколько секунд, окунулся в холодную воду, не достал дна, вынырнул и понесся куда-то в полной тьме, увлекаемый стремительным течением.

— Никогда не мешает освежиться, а тем более, когда голова трещит...

.

Поток вдруг круто повернул. Андрей услышал, что впереди вода с ревом пробивается сквозь узкое отверстие.

На всякий случай вытянул перед собой руки. Потом это показалось недостаточным, перевернулся и поплыл ногами вперед.

Поток мчался с большим уклоном. Рев сделался невозможным, в особенности для раненой готовы.

— Жаль, что я забыл занять у деда ваты, заткнул бы уши, — иронизировал над собой Андрей и с размаху уперся ногами в стенку. Вода под ним завывала, клубилась в пене и рвала вниз.

Убедившись, что ров стал не шире двух аршин, Андрей набрал в грудь воздуху, нырнул, благословив сам себя и немедленно же был захвачен грозным течением...

Ударился плечом о подводную скалу, содрал кожу...

— Подземная река,— через несколько секунд сообразил он, уже не чувствуя ни дна, ни стен.

Запас кислорода в легких подходил к концу.

— Ну-ка, братишка, выше!..

Нащупал бугристый каменный свод, ухватился за него руками... Ноги увлекло вперед и подняло кверху... Глубоко и с наслаждением вздохнул: вода на четверть аршина не доходила до потолка.

— Ну-с, куда мы дальше намерены следовать? Хорошо бы, если поток выходил бы наружу... Тогда бы я оседлал свою машину и айда восвояси!.. Довольно странствовать!..

Подумал и снова погрузился в воду, оттолкнувшись от потолка: плыть на поверхности значило бы окончательно добить голову об острые камни.

Под водой тихо: рев остался далеко сзади.

Через полторы минуты вынырнул. Убедился, что уровень воды не стоит выше прежнего, стал нащупывать удобный для задержки выступ и... нащупал чье-то теплое тело.

— Кто это? — неосторожно спросил и вместо ответа получил скользнувший по лицу удар.

— Вот живучая гадина! — вспомнился вдруг бородач, получивший в свое время добрую затрещину.

Тело с проклятием бросилось на него... Андрей, едва успев набрать в грудь воздуха, почувствовал железные пальцы на своем горле.

— Ну, чертушка, держись! — мысленно погрозил он невидимому врагу, увлекая его в глубину потока.

Уже через две секунды ему удалось оторвать руку от горла и в свою очередь схватить врага за шею.

— Тур-де-бра... — мелькнуло воспоминание о цирке.

Сбившись в упругий комок, два человека, — один 19-летний, другой, насчитывавший за собой более сотни лет, неслись под водой, угощая друг друга тяжелыми тумаками и не обращая внимания на удары о встречные скалы...

Андрей был отличным пловцом и в спокойном состоянии мог больше двух минут держаться под водой, — что не один раз позволяло ему выигрывать пари...

Здесь пари шло на жизнь и на смерть...

Уже через минуту противник замер в мертвой хватке, увлекая Андрея дальше и дальше в чернильную глубь. И тогда же понял Андрей, что они оба проиграли...

Воздуха не хватало... Неудержимо страстно захотелось выдохнуть из себя испорченный и хоть один глоток хватить свежего.

Собрав последние силы — с помутившимся сознанием, — руками и ногами отшвырнул он от себя противника, обхватившего его, как спрут жертву и, освобожденный в движениях, с едва тлеющей искоркой стал подниматься.

— Воздуха!.. Воздуха!..

Сознание держалось только на этом огненном — среди черной мглы — слове, заставляя инстинктивно грести кверху...

Свинцово-зеленая муть стала отливать багрянцем...

Еще один последний взмах, и явился желанный до боли воздух...

Андрей видел, как в нем мелькнула, змеясь, веревка и чувствовал, как она туго захлестнула шею...

Но уже сознание пробудилось после двух-трех добрых глотков живительной струи:

— Очень хорошо... А то бы я захлебнулся и на воде!..

Его так и вытащили на берег за шею.

Когда он, отдышавшись, осознал обстановку, то понял, что попал из огня да в полымя...

Его извлекли из подземного озера. А стоял он теперь, заарканенный веревкой, перекинутой через блок в огромной пещере, освещаемой сверху электрической люстрой. Это она окрашивала багрянцем свинцово-зеленую поверхность озера.

За длинным полукруглым столом, обитым черным бархатом, сидели мрачные старцы в масках... На столе покоилось евангелие в золоченом переплете, а на нем крест и череп...

Дерзкий, язвительный смех резко встряхнул старцев. Андрей пришел в себя:

— Привет вам, почтенные вороны!.. Не впали ли вы случайно в детство?..

Как бы платя за насмешку, аркан натянулся и больно сдавил шею. Тайнственное собрание хранило гробовое молчание.

— Ох, и расшвыряю я их!.. — Во мгновение ока подтянулся одной рукой на веревке, другой скинул петлю с шеи... И бросился ураганом к столу...

Старцы даже не шевельнулись, но в руках их блеснули револьверы из широких рукавов ряс.

Замогильно-скорбный голос среднего, с величавой осанкой и желтой от времени бородой, загнусавил противно:

— Остановись, брат!..

И потом:

— Во имя святого евангелия, скажи нам свое имя...

Андрей, остановившись перед столом, кинул имя, но такое, что бороды затряслись от ярости.

— Не богохульствуй! — прошипел средний. — Ты жестоко поплатишься за это...

— Черта ли вам от меня нужно?..

В результате длинного разговора, во все продолжение которого Андрей ни одной минуты не давал банде покоя то своими дерзко-ядовитыми выпадами, то потрясением кулаков, выяснилась причина его пленения. Старцы, знакомые с изданным сто лет тому назад дневником своего Андрея, захотели убедиться в подлинности настоящего Андрея и в соответствии его приключений с описанными в «Психомашине». В том они скоро убедились: Андрей, не зная целей банды, не считал нужным скрывать ничего из прошлого и даже нарочито подробно задержался на передаче истории с Вепревым.

— Такая участь постигает в конце концов всякую контрреволюционную сволочь... — весьма прозрачно намекнул он.

Мрачное собранно намек пропустило мимо ушей и сделало пленнику предложение, от которого у него вся кровь хлынула к сердцу и от гнева задрожала челюсть.

— Передайте нам тайну психо-магнитов, и вы будете свободны... В случае же отказа вы умрете...

— Ознакомить вас с устройством и действием психо-магнитов, чтобы вы эти знания применили против моих единомышленников?.. Дудки!..

— Тогда вы умрете...

После неожиданного избавления от когтей неминуемой смерти, Андрею не хотелось умирать...

Разразившись крепкими эпитетами по адресу чертей, бандитов, мерзавцев и т. п. и потрясая кулаками перед ду-

лами револьверов, он вдруг... согласился...

— Так-то лучше! — проскрипел главарь банды, вставая.
— Ну а ругательства свои поберегите для других...

Андрей даже и на это согласился, погружаясь в демоническое молчание.

А голова работала лихорадочно, ища выхода. И когда холод безразличия к своей судьбе прояснил душу, Андрей подумал:

— Погодите, черти, устрою я вам штуку.

Темная глухая ночь. Ни одной звезды на небе, ни одного звука на земле. Даже собак не слышно.

Десять черных старцев, десять воронов с длинными белыми носами, окружив револьверами жертву, крадутся в зловещем мраке...

Андрей ведет их к пруду, жадно пронзая тьму зоркими глазами. Выход из жилища бородатых кротов остался где-то между мельницей к водокачке.

— Это нужно запомнить на всякий случай...

Деревня сверкает бликами фонарей направо — далеко. Оттуда помощи ждать нечего.

В уме складывается дерзкий план: опрокинуть трех-четыре бандитов, перестреляют друг друга...

— Скоро ли? — как сосна, скрипнул гнусавый голос главаря, рассекая мертвую тишину.

— Успеешь! — ответил грубо.

Банда по тайному знаку вожака рассыпалась сзади полукругом.

— Догадались, бандиты!

План побоку.

Блеснуло, окруженное молодняком дубом, черное зеркало пруда. Осталось одно: дороже продать свою жизнь.

— Скоро ли? — повторил нетерпеливо главарь. Молнией озарило смятенную душу воспоминание:

— Фиолетовое пламя!.. Ведь в машине две небезовских палочки!..

Сдерживая через край заплескавшийся восторг, восторг утопающего, поймавшего спасительную соломинку, ответил:

— Машина в пруду...

— Машина в пруду?..

Двое из банды вместе с главарем отошли в сторону. Посовещались.

— Дадите ли вы слово,— прошипел главарь,— что имее-те самые честные мысли?

— Чтобы я бандитам давал слово!.. Ха!..— вспыхнул Андрей. — Довольно глумиться!.. Хотите верьте, хотите нет! Мне — плевать!..

— Не переборщил ли? — подумал с опаской. — Кажет-ся, нет.

Два бородача скинули с себя плащи и, обнажив кинжалы, стали рядом с Андреем. На их груди висели электро-фонарики.

— Надо лезть в воду?— спросили они.

Боясь выдать дрожь радостного волнения, Андрей не ответил, а склонился руками и головой к воде.

Бандиты, засветив фонари, нырнули одновременно с ним. Врассыпную шарахнулась рыба от неожиданных гостей.

— Ну, сволота, теперь не уйдете! — оглядывал злорадно Андрей своих подводных спутников.

Впереди загорелся металл зелеными пятнами, — «сигара» в корнях ивы. Подплыли вплотную.

Андрей снял с шеи ключ и открыл дверь. Пузырь воздуха снова выпер из отверстия.

— Значит, все в порядке...

Хищные старцы предупредили его, прыгнув в машину первыми. За ними влез и он, стараясь казаться вполне равнодушным.

— Дверь разрешите захлопнуть?— вопросительно кинул.

— Если это нужно...— приблизились к нему, держа наготове кинжалы.

— Напрасно стараетесь,— беспечно улыбнулся Андрей, а мысленно прибавил:

— Стану я из-за вас руки марать?.. — закрыл дверь и включил электричество.

Так же беспечно, но сопутствуемый зловеще насторожившимися стариками, снял со стены парализующую палочку.

— Не вертитесь под ногами! — сказал строго.

Бандиты в упор следили за каждым его движением.

Подумал:

— Я могу умчать их с собой в межпланетное пространство и там погибнуть вместе с психо-машиной... Но можно попытаться выкинуть и другое коленце...

С полным спокойствием подошел к психо-магниту и засунул в его рупор палочку, хотя этого совершенно не требовалось. Потом дернул рычажок. Магнит зашипел, но машина, конечно, не двинулась.

Озабоченно почесал затылок:

— Засорилась, должно быть!..

И, вынув палочку из рупора, сосредоточенно стал дуть в него.

— Главное, не упустить момента, — соображал, исподтишка наблюдая за неотступными спутниками.

Пришлось еще раз повторить бессмысленную манипуляцию: снова вложить палочку, дернуть туда и обратно рычажок и сокрушенно вздохнуть:

— Вот грех-то! — Засорилось...

Бандиты подозрительно-опасливо переглядывались. Андрей, казалось, с головой ушел в чистку рупора, а сердце уже начало свой нелепый пляс.

Бандиты остро следили, трудно было сделать лишнее движение.

— Слушайте, — сказал старший, — довольно вам дурака валять...

И не кончил...

Андрей кошкой прыгнул с палочкой в руках в другой конец машины и растерявшихся бородачей залил фиолето-

вым пламенем. Как громадные статуи, грохнулись друг на друга, дико вращая глазами.

— Не ушиблись? — спросил Андрей, искрясь от смеха.

Теперь уже никто не помешает ему покинуть негостеприимную Землю. Сбросить тела вниз и айда!

— Каждое дело нужно доводить до конца, — нравоучительно произнес он, обращаясь к парализованным старцам, и сел в кресло под рупор.

Машина вышла из-под корней и вынырнула из воды в воздух.

— Что, отцы-вороны, проворонили?

Открыл шторы. Остальных бандитов и след простыл.

Попрятались...

Спустился ниже, освещая рефлектором кусты. За одним сидели пять бандитов. Как черные тараканы, припали к земле.

Блеснул фиолетовый луч и они остались в скорченных позах под своим прикрытием.

С другой стороны прогремели выстрелы. Пули расплющились о крышку машины. Андрей метнулся на снопы огня: три бандита, подобрав полы черных ряс, пустились наутек, к мельнице.

— Пустяки! Не убежите!...

Нагнал первого, придавил его всей тяжестью машины, потом — второго и третьего.

Для большей верности угостил всех фиолетовыми лучами.

Ставив бандитов в одну кучу, слетал в деревню. Поднял всех на ноги, поведал о событиях ночи, указав, где искать вход в подземный притон, и на глазах изумленных слушателей исчез с машиной в черном небе.

Через 2 минуты уже купался в лучах восходящего солнца где-то в песках Азии. Голова болела и смыкались тяжелые веки.

— Высплюсь, отдохну, а там видно будет... — решил он, опускаясь на лесистую гору около полуразрушенного тибетского монастыря.

Глава VI

ПЕРВЫЕ ШАГИ СРЕДИ «СОСИАЛЕЙ»

1.

То был кошмарный перелет, длившийся бесконечно и мучительно долго.

Временами Андрею казалось, что он сошел с ума, или что абсурдно-нелепый тяжелый сон парализовал волю, сковал мышление, свинцом налил тело. Временами сознание начинало мерцать и вдруг растворялось в гигантской стихийности Вселенной. Тогда не существовало Андрея, был лишь один великий Космос, вечно движущийся, куда-то стремящийся, из миллионолетий повинующийся только своим — из себя выделенным — законам... В эти моменты сознанием своего ничтожества проникался Андрей. Расползались мысли, подавленные громадой Космоса... Машина резала пространство, управляемая только инстинктами человека. В такие моменты легко было погибнуть. Каждый миллиард верст угрожал гибелью

...Как вспышка магния, яркая мысль озарила угасавшее сознание:

— Я — часть Вселенной, но часть обособившаяся, часть материи, рожденная в муках, когда на Земле воды кипели, а небо рвалось молниями, и через страдания в борьбе за существование претворившаяся в материю живую, тонкую и сложную.

— Я — венец организованной материи, — человек.

— Прочь малодушие! Вселенная велика и необъятна, но она — неразум. Она должна подчиниться разуму, такому же необъятному, как Вселенная, но бесконечно мудрее ее...

Стихия — атомы, электроны, ледяной эфир, космическая пыль, раскаленные досиня туманности, пылающие адом солнца — стихия бушевала, создавая миры, творя живое из неживого и в грандиозных катастрофах уничтожая творения свои...

Андрей усмехнулся, поглядывая через стекло:

— Погоди, старая, и до тебя доберемся... Скрутим, скрутим, как дать пить!..

Заработал организм с прежней интенсивностью. Мозг продуцировал довольство жизнью и готовность к новым схваткам хоть с полсотней Вселенных...

.
.

Три раза Андрей приставал к населенным планетам и заряжал аккумуляторы, опускаясь на неприступных горах, в пустынях или безбрежных океанах.

Времени хватало только на то, чтобы отдохнуть в мертвом сне и подкрепиться.

Вперед!.. Вперед!.. — Других желаний и мыслей не было.

Туда, на край Вселенной, где скрывается далекое будущее Земли!..

2.

Инстинкт подсказал, что машина достигла цели. Вычисления веза говорили о том же. Однако вид новой солнечной системы заставлял призадумываться. Солнце как будто сияло по-прежнему — разве немного тусклее: планеты располагались вокруг него в том же порядке, — Андрей с закрытыми глазами смог бы начертать их орбиты. Но... не было Сатурна, этого опознавательного пункта, — на месте его находилась облачная планета без кольца и имевшая вместо 9-и лун штук 12-13 их. Вид остальных планет тоже не отвечал тому, к которому Андрей привык. А самое главное: там, где должна быть — по самому беспристрастному суждению — Земля, искрилось какое-то странное тело, круглое и с длинной черной тенью.

Подлетел ближе — на расстояние, с которого обыкновенно легко было различить характерные очертания материков родной планеты — и, памятуя ту остановку, которая однажды чуть не сделалась для него последней, стал носиться кругом странного шара, внимательно изучая его.

Через пять минут вывел заключение:

— Если это и Земля, то с ней произошла какая-то чертовщина!..

Ни материков, ни морей не было. Ослепительно яркая поверхность облекала звездное тело.

— Не ошибся ли мой старик? — вспомнился вез Айрани. — Не вкралась ли ошибка в его вычисления? Может быть, вместо того, чтобы указать мне Землю, ушедшую вперед на 500.000 лет, он показал обратное? Может быть, Земля находится еще в раскаленном состоянии?

— Нет, не похоже...

Неожиданное наблюдение, заставив Андрея вскрикнуть от удивления, дало новое направление его мыслям.

От обоих полюсов странного тела шли параллельные мосты, далеко протянувшиеся в сторону. До сих пор они были закрыты падающей от планеты тенью, и в первую минуту Андрей их не заметил. Но вот Земля (если это она) приняла новое положение по отношению к Солнцу, и две яркие полосы предстали с полной несомненностью в своем существовании. Полосы тянулись, продолжая сохранять параллелизм, в направлении к другой планете, более близкой к Солнцу, и на ней оканчивались, тоже на полюсах.

Андрей хохотал, начиная разгадывать диковинные явления.

— Вне всякого сомнения, без человека тут не обошлось! Ну и молодчага наш брат, двуногий!.. Это он уже за старуху-Вселенную взялся!.. Соединил мостами Землю с Венерой!..

Сверкающая поверхность с более близкого расстояния превратилась в стекловидную оболочку, напоминавшую такую же на Луне. Мысли перекинулись невольно:

— А где же здесь Луна?..

Луны не было.

— Сломал человек Луну!.. — Новый припадок необузданной веселости, новый взрыв смеха заколебал спертый, пружинящий воздух машины. Однако Андрей тут же остановил себя, почував в смехе что-то не совсем нормальное:

— Эге, друг, — неодобрительно заметил он себе, — не собираешься ли ты последовать везовскому предсказанию?..

Подавил истерическую судорогу лица, стиснул зубы, сурово нахмурившись,

Осторожно спустился еще ниже — версты две осталось до оболочки. Прозрачное стекло выдало тайны, скрытые за ним: редкие облака, плывущие далеко внизу, и сквозь прорывы их — зелень и геометрические фигуры застроенных площадей. Раскаленной массы нет. Опустился на стекло и через окно в полу «сигары» воспаленными от спертого воздуха, недостаточного сна и напряжения глазами стал рассматривать в подзорную трубу новый мир.

Определил приблизительно расстояние до крыш строений: не менее 300 верст. Океанов, морей и каких-либо видных поверхностей, как ни искал, не обнаружил. И ни одного свободного от построек клочка земли!..

Держась близко к оболочке, пролетел над всем освещенным полушарием.

Все застроено... Земля — гигантский город, нигде не прерываемый ни естественными, ни искусственными границами. Вперемежку с черными пятнами-квадратами и кругами, эллипсисами и другими очертаниями строений — пестрели, сохраняя тоже определенную правильность, зеленые пятна.

В воздухе никакого движения: ни птиц, ни воздушных кораблей, ни аэропланов... И вообще, нигде никакого движения: ничто не обнаруживало жизни...

— Вот тебе, бабушка, и Юрьев день?!..

Все-таки, пробраться туда следует...

Конечно, это — Земля, отмеченная везом Айрани под № 4, но неужели жизнь на ней кончена?

Взор невольно задержался на черной махине вблизи полюса, от которого начинался межпланетный, наглухо облицованный металлом, мост. Пришлось еще раз поразить-

ся: громадный рупор, затканый как бы серебряной паутиной, возвышался в этом месте, смотрел роковым отверстием в мировой эфир. Основание рупора уходило под обочку и кончалось в крутом колене моста.

— Не орудие ли это убийства? — растерялся в первое мгновение комсомолец, вспоминая аналогичные гигантские аппараты на Луне.

Долго раздумывать, однако, по этому поводу не пришлось...

Рядом с рупором откинулся вверх на петлях квадратный кусок оболочки, таща за собой стеклянную камеру. В камере вдруг исчезла одна сторона, образовав широкую дверь, как бы приглашая ошеломленного путешественника войти внутрь.

Не сразу отозвался Андрей на это приглашение. Впрочем, скоро решил, что «волков бояться, в лес не ходить» и, сняв со стены спасительную лунную палочку, влетел в стеклянную камеру. Дверка за ним тотчас же захлопнулась.

— Это не страшно, — молвил добровольный пленник: темница не казалась особенно крепкой. Но когда она вместе с машиной стала опускаться, он несколько беспокоился.

...Сильный толчок. Внезапная тьма. Резкое стремление вперед. И свет опять ударил в глаза...

.

С приятностью отметил, что камера куда-то исчезла. Машина покоилась посреди высокого зала с широкими трапезиевидными окнами. Причудливо изогнутые неправильные ромбы, октаэдры, тетраэдры и капризно-смелые изломы — переходы одних фигур в другие — барельефами выделялись со стен. Между выпуклостями барельефов прятались головы фантастических животных, в осязках пастей державшие хрустальные граненые шары.

Вышел, дивясь на обстановку. С удовольствием размял онемевшие члены. Хотел зевнуть... и с открытым ртом

застыл на месте... Как из-под земли нырнуло пять человеческих фигур и окружило его...

— Настоящие люди! — восхитился комсомолец. Но «люди» держали в руках направленные на него револьверы с широкими стволами-раструбами.

— Бросьте, ребятки!... — дружелюбно крикнул им и в порыве искреннего удовольствия хотел обнять самого ближнего. Тот отпрыгнул, сурово погрозив револьвером:

— Олля чужьян!..

— Ни черта не понимаю! — последовал веселый ответ.

Все пятеро о чем-то залопотали, с опаской переглядываясь и возбуждаясь с каждым моментом все больше и больше. Их, видимо, смущала палочка.

— Да бросьте ерундить, товарищи! — заткнул свое оружие за пояс.

— Товарисчи... товарисчи... — лица прояснились, а один незнакомец, опустив револьвер, с обаятельной улыбкой приблизился к Андрею.

Тот не замедлил отметить происшедшую перемену:

— Вам больше идет улыбаться, чем хмуриться! И, видя, что слово «товарищ» им понятно и даже приятно, добавил:

— Я — коммунист... большевик...

— Больчевик?! — подошедший еще радостней заулыбался, многозначительно и с торжеством поглядывая на остальных. Те тоже приблизились, доверчиво и нежно щебеча:

— Больчевик... Больчевик...

Потом отрекомендовались в свою очередь, для ясности тыча себе в грудь:

— Сосиаль... сосиаль...

Андрей воспрянул духом:

— Ну, а я-то кто? Тоже — сосиаль. Только по-нашему это будет — социалист.

Будто света прибавилось в обширной зале, когда все пятеро незнакомцев окружили Андрея плотным кольцом, расплываясь в самых благожелательных улыбках. Комсомолец бурно и горячо принялся обнимать каждого, сопровождая это приветствием ила шуткой. В ответ сыпалось, оче-

видно, то же. Но уже вряд ли кто понимал что-либо из взаимных приветствий. И через минуту новое замешательство нарушило интересную беседу: не хватило общих слов, а при помощи одних только жестов да улыбок трудно стало поддерживать общение. Тогда один из «сосиалей», посоветовавшись с остальными, знаками пригласил гостя следовать за собой.

— Вот машину только запру,— согласился тот, снимая с шеи ключ. На эту выходку «сосиали» укоризненно покачали головой. Андрей смутился и в оправдание произнес:

— А вдруг вы машину поломаете! Как я тогда на свою Землю вернусь? — И запер все-таки дверь, хотя и заалелся в смущении.

«Сосиали» молчали неодобрительно.

— Ну пойдемте, что ли... — нарушил неприятное молчание Андрей. — Показывайте свою республику...

Последнее слово «сосиаль» понял, снова засмеялся, но не согласился:

— Коммюнэ!.. — указал он через окно на расстилавшийся внизу город.

— Коммуна-то коммуной, да вот зачем вы с револьверами ходите? — подумал Андрей, следуя за провожатым по анфиладам странно декорированных комнат. — Раз у вас еще принято стрелять друг в друга, так почему же я не могу запереть машину? Первый-то поступок куда хуже второго... Не будь у вас оружия, встретить вы меня иначе, не позволил бы и я себе ничего некрасивого... Так то, дружок!..

«Сосиаль» смотрел во все глаза на бормотавшего гостя и смеялся...

...Остановились перед зеркальной дверью. «Сосиаль» открыл ее. Небольшая с низким потолком комнатка, обитая красным плюшем и освещаемая из невидимого источника света.

— Лифт? — догадался Андрей.

— Лифти, лифти!.. — радостно закивал провожатый.

Через секунду они неслись — бесшумно и плавно, без толчков, но с большой скоростью куда-то вниз, то по горизонталям, то крутообразно. Не перестававший улыбаться

ся «сосиаль» управлял движением при помощи десятка разноцветных кнопок в стене.

3.

Не успел Андрей вслед за провожатым выйти из лифта, как услышал приятный, немного иронический голос, произносящий слова слишком отчетливо и раздельно:

— Добро пожаловать, товарищ русский!..

Помещение представляло собой, по всей вероятности, научный кабинет: шкапы, полки, книги (последние в виде граммофонных пластинок, как на Луне!); глобусы и измерительные аппараты, а в углу против окна небольшая подзорная труба. У стола, полуобернувшись к лифту, стоял человек почтенных лет в черной широчайшей тунике, с длинными седыми волосами, но без признаков растительности на лице. Он, как и предыдущие «сосиали», отличался необыкновенно правильными и приятными чертами лица: только несколько холодная, ироническая усмешка портила общее впечатление.

За время своего необыкновенного путешествия Андрей привык многое встречать с полным хладнокровием, но встречи с обращением на русском языке никак не ожидал. Однако, поборов в себе естественное недоумение, постарался возможно спокойней ответить:

— Здравствуйте, товарищ, не имею чести знать вашего имени.

Старик, видимо, разочаровался несколько при виде хорошей выдержки комсомольца:

— Почему вы не удивились, дорогой? Прилететь из-за миллионов верст (глубокая ирония) и встретить свою родную речь (язвительная усмешка), разве это так просто?

— Я, уважаемый товарищ, — отвечал Андрей, — не люблю удивляться, когда на это явно рассчитывают, да еще при этом язвят почему-то... О вашей же необычайной проницательности я, как будто, уже догадываюсь... — он кивнул

на подозрную трубу.

— Да-да... Не буду скрывать, — согласился старик, немного сбивый с своего тона, — я уже давно следил за вами через трубу, когда вы ползали по стеклянному своду... Ну а труба соединена с психо-магнитом... Радиация вашего мозга мною была расшифрована: я узнал, что вы русский, или, по крайней мере, хотите казаться им, узнал, что вы прилетели издалека или думаете выдавать себя за чужестранца... Вот, как видите, дело обстояло... Ну, а теперь поговорим серьезно...

— Пожалуйста, — охотно молвил Андрей, садясь по приглашению старика и ожидая обычных вопросов. Но вышло совсем другое: старик вдруг залопотал на незнакомом языке, горячо жестикулируя. Конечно, гость недоуменно помалкивал.

— Вы не хотите отвечать? — наконец перешел «сосиаль» на русский.

— Я вас не понимаю, — отозвался устало Андрей.

Старик досадливо искривился и твердо сказал:

— Хорошо. Я сделаю вам уступку... Я должен вас спросить... Извините, — спохватился он, — что вместо того, чтобы предложить вам отдохнуть и подкрепиться, в чем вы, без сомнения, сильно нуждаетесь, я учиняю этот, некоторым образом, допрос... Но... таковы условия момента...

— Пожалуйста, пожалуйста, не стесняйтесь, — перебил его Андрей, чувствуя себя, в сущности, не совсем плохо в этой светлой и просторной комнате, где — не в пример «сигаре» — воздух так чист, не резал утомленных глаз и не затруднял дыхания.

— Разрешите узнать: откуда вы прибыли? Как далеко лежит ваша планета?

— Около триллиона верст отделяет меня от моей родины, — последовал спокойный ответ.

— Гм... гм... Нет, я вас попрошу не шутить, — обиделся старик. — Вы мне скажите, где вы могли так хорошо познакомиться с русским языком, оставленным 400 тысяч лет тому назад?

— Это мой родной язык... Я родился среди русских...

— Тогда сколько же вам лет, молодой человек? — вспыхнул старик.

— Девятнадцать.

Вздохнул Андрей и вяло, монотонно, как скучный урок, стал передавать собеседнику историю своего путешествия, предупредив:

— Извините, товарищ, мне так тяжело повторять это повествование, что уже не ждите от меня большой увлекательности и оживления в изложении...

Старик слушал терпеливо и внимательно. Выражение предвзятого недоверия скоро покинуло его, но тени сомнения оставались.

Андрей кончил и безучастно стал рассматривать костюм «сосоиала».

Заговорил тот:

— Вы, товарищ, я вижу, сильно устали; сейчас я вас отпущу. Вы называли себя, очередь за мною. Более подробно мы поговорим завтра. Я — историк и языковед. Имя мое Рирэ. Как историку, мне также великолепно известны все те события, которые в вашем рассказе протекали на отдельных землях, иначе, это история настоящей земли. События 1917, 1927, 2022-го годов и таинственное участие в последнем году некоего Андрея, все это мне хорошо известно. Скажу больше: «комбинации вселенной» веза Айрани были в свое время обнародованы у нас, а Никодим — вы называете его своим товарищем — установил-таки сношения с Лунной...

Андрей вскочил, искренне обрадованный, забыв свою разбитость и недомогание.

— Да? Никодим жив?.. Как я рад!..

— То есть, — строго поправил Рирэ, — он был жив, вы хотите сказать?..

— Да-да!.. — тяжело ворочались вялые мысли: Андрей забыл, что он пришел на эту Землю из седого прошлого.

— Так-то, друг!.. — пронзительно глядя в глаза, отчеканил вдруг Рирэ. — Советую вам сказать правду: кто вы и откуда?

— Но послушайте, — возмутился Андрей, — нельзя же быть таким недоверчивым! Всему есть свой предел!.. Я предполагал, что чем дальше человечество идет вперед, тем более благородней и доверчивей становится каждый отдельный член его!..

— Вы правы, — холодно возразил Рирэ, — мы очень доверчивы, мы великодушны и благородны. Мы братья друг другу и отношения наши строятся только на братской любви... Но... мы не любим неправды, и еще более — замаскированной мистицизмом...

— Позвольте!

— Разрешите кончить... Ничего таинственного, ничего мистического у нас нет. Все разумно, естественно и объяснимо. Учение веза Айрани потому и было забыто, что оно не подтвердилось фактами. Оно — сплошная фантастика. Мы исследовали две соседних с нашей солнечных системы, нашли там жизнь, очень многообразную, но ни в одном случае существа, даже издали похожего на человека, нигде не оказалось, а уже совпадений и подавно!.. Мы исколесили во всех направлениях окрестности нашей системы, — правда, на триллионы верст мы не залетали, это пока нам не по силам, — и всюду многообразие жизненных комбинаций поражало нас своей бесконечностью... Впрочем, довольно об этом... Думаю, вы сами хорошо разбираетесь в космологии и биологии... Бросьте мистификацию и расскажите откровенно, что толкнуло вас на нее? Чем руководствовались вы, пытаясь одурачить меня? Почему вы не несете своих обязанностей в столь напряженный и опасный период, когда все силы общества направлены к защите «системы» от вторжения в нее капиталистических банд? По какой причине легкомысленно странствуете вы где-то, когда обществу угрожает разгром и кабала? Ну, я жду вашего откровенного признания...

Старик не шутил. Глаза метали молнии, лицо дышало гневом и негодованием.

— Вот так клюква! — уронил огорошенный комсомолец. Как в мышеловке мышь, забегали испуганные мысли:

«Что сказать? как оправдаться?..»

Задумчиво, печально, через силу начал он спустя минуту:

— Я вижу, что действительно поступил легкомысленно. — Рирэ насторожился. — Мне не следовало так опрометчиво пускаться в далекий путь... Сам я виноват, что не предвидел подобных пертурбаций... Но вообразите на минутку, что вы видите перед собой не злостного дезертира и гнусного мистификатора, а только лишь безрассудного человека... Им руководили одни только благородные стремления — принести посильную пользу революции, приобретя для этого знания на других мирах... Прошу вас на одну минутку отбросить свое недоверие, потому что я должен вам задать несколько вопросов, мало имеющих отношения к моей особе и судьбе...

В конце концов, на свою жизнь мне трижды наплевать!.. Я не собираюсь вас дурачить своими вопросами, о, поверьте!.. Ну, представьте себе, — если вы все еще не верите моей искренности, — что я проспал 100, 200, 1000 лет где-нибудь на отдаленной и безлюдной планете!..

— Спрашивайте, — сказал Рирэ, колеблясь между двумя настроениями.

— Который теперь год?

— То есть?

— Ну, сколько времени прошло, скажем, с Октябрьской революции 1917 года по настоящий момент?

Рирэ ответил, хмурясь недоброжелательно:

— Пятьсот тысяч и пять лет...

Покачал головой Андрей, силясь представить себе грандиозную цифру:

— Жутковато становится, когда подумаешь, куда ты занешся... — и прервал себя, стряхнув усталую дрему:

— Какой на Земле строй?

— Тут уже не о Земле приходится говорить, — недовольно отвечал Рирэ на нелепый, казалось ему, вопрос. — Во всей нашей «системе» царит свободный социалистический строй...

— А вы говорили о каких-то врагах! — вырвалось у Андрея.

Еще более насупился Рирэ и утрюмо проворчал:

— Знаете ли вы или не знаете, но я вам должен, кажется, напомнить, что соседняя с нами Солнечная система до сих пор влачит капиталистическое ярмо... Вот уже 2.000 лет, как мы постоянно находимся начеку... Видите ли, — вдруг оживился он всерьез, забывая недоверие, — им понадобились новые колонии, рынки для сбыта перепроизведенных продуктов! Им мало своих рабов...

С удовольствием отмечал Андрей, что его собеседник становится самим собой...

— ...Мы воздерживаемся от военных действий. Наше оружие пока что — агитация, агитация и агитация!.. Но придется, должно быть, скоро, очень скоро, взяться и за палку... Наши цели ясны, и когда... Впрочем, это не ваше дело!.. Еще что хотели вы спросить?..

— Дайте мне поспать часок-другой...— еще удерживая тяжелую голову на плечах, попросил Андрей и достал из-за пазухи ключ:

— Это от моей машины... Там есть карта... по которой я следовал... и прибыл сюда...— передал ключ Рирэ. Закружилась комната влево-влево. Рирэ что-то говорил тише-тише, таял как призрак и исчез в дымке. Муть застлала глаза, похолодели конечности...

4.

Благодетельный сон, универсальный целитель, знал, сколько нужно выдержать своего пациента в состоянии небытия. Андрей проспал 24 часа. И лишь когда организм ощутил полное здоровье и отдых стал претить, потекли донесения по нервам-проводам о готовности к новой борьбе от каждой клетки. Спинной мозг сконцентрировал их, подвел итоги: все хорошо. Послал мощную жизнерадостную волну в продолговатый мозг к центрам жизни, центрам дыхания и кровообращения. Заработали они интенсивней. Дрожь бодрого самочувствия всколыхнула тело.

Андрей потянулся, зевнул и проснулся. От разбитости и следа не осталось. Осталось смутное воспоминание, что в начале сна было что-то не совсем ладное: чья-то жесткая воля выуживала мысли.

«А может быть, это приснилось? Может быть. Однако, где это я?..»

Слабо светит зеленый фонарик в потолке. Где-то направо мягко жужжит вентилятор. Больше — ни звука. Помещение — совсем незнакомое. Просторное, с высоким потолком, украшенным диковинными лепными фигурами. Кровать — посередине, «как на Луне», мелькнуло соображение. В углу стол и два стула. На столе — что-то темное, квадратной формы с зелеными бликами.

Вскочил. Оказался голым. На стуле рядом нашел платье. По платью — широкой, свободной тунике, — по сандалиям вспомнил:

— Ах да, я на Земле № 4...

И вспомнил стычку с Рирэ...

— Чудной, право, старик!.. Чего ему от меня надо?.. Не верит?.. Но почему он меня не запрятал в тюрьму?..

Руководимый проснувшимся желудком, подошел к столу. Квадратное нечто — стеклянный колпак — скрывало блюда. Фонарик недостаточно светил, чтобы при нем можно было рискнуть на закуску. Над столом нашел штепсель.

Матовый, ровный свет залил комнату и одновременно, звякнув, выросли стены, отгородившие спальню от стола. От неожиданности вздрогнул. Вспомнил Луну и Кайю:

«...Завтрак никогда не должен происходить в спальном помещении...»

— Далеко родная Луна... А здесь луны нет... Клюква!... Однако, займемся колпаком.

За пятьсот тысяч лет вкусы сильно изменились. То, что пришлось вкушать Андрею, не имело привлекательного вида, цвета и запаха... Но от блюд остались одни тарелки.

— Невкусно, зато питательно и действует сильно укрепляюще, — вывел заключение.

— Как же выбраться отсюда? — стены не имели дверей. Открыл в окне ставни — кромешная тьма. Догадался повер-

нуть штепсель: потух свет, стены ушли в пол. При зеленоватом свете фонарика нашел дверь из спальни.

Бродил по коридорам, тоннелям, комнатам — всюду уменьшенный свет. И все мертво.

Вдруг вздрогнул; узнал свою машину. А когда заметил в ней ключ, подумал:

— Ловушка...

Заглянул в машину — все на месте.

— Может быть, не ловушка, а тонкий намек: мол, не желаете ли убраться восвояси?

— Дудки! Считаю преждевременным!..

Выжидая рассвета и пробуждения обитателей дома, уселся в библиотеке... И не заметил, как искусственный свет смешался с естественным: слишком зачитался. Книги были двух родов: одни, написанные странными закорючками, другие — психоволнами. И те, и другие Андрею не были понятны. Зато обильные иллюстрации увлекли его до того, что он не расслышал мягких шагов... И только от громкого, добродушного смеха пришел в себя.

— А я-то его ищу!.. Думал уже, не ретировался ли наш дорогой гость до своей планеты!..

Рирэ стоял на пороге комнаты и сиял...

— Ну, нет, — ответил Андрей, спрыгивая с лестницы около шкапа, — я не из трусливого десятка, это — во-первых, во-вторых — должен я узнать, как выглядит ваш мир!..

— Здравствуйте, здравствуйте, товарищ Андрей, — совсем благодушно, не по-вчерашнему, приветствовал Рирэ комсомольца. Последний сейчас же отметил вслух резкую перемену в отношении к нему ученого.

— Да, да, мы переменили о вас свое мнение, — подтвердил Рирэ. — Вы-таки оказались молодцом, и я беру свои резкие выпады против вас обратно... Мы, пока вы спали, успели убедиться в правдивости вашего рассказа... Учение веза Айрани теперь пересматривается: факт вашего путешествия ляжет в основу его признания... Тысяча изменений!.. Я постараюсь загладить свое поведение... Я буду вашим проводником в нашем мире...

— Как же вы узнали, что я действительно тот, за кого себя выдаю? Ведь, насколько мне помнится, после того катастрофически закончившегося разговора я не имел с вами никакого общения! Не навели же вы справок за время моего сна?!...

— Совершенно верно, совершенно верно, — смеялся Рирэ, — мы навели справочки... Целый консилиум заседал по этому поводу и вынес определенное, в пользу нашу, решение...

Рирэ поведал, что для этой цели были использованы лучшие гипнотизеры и обычные психо-магниты. Чтобы выяснить истинную сущность натуры гостя, потребовался, собственно, только один час. Сначала гипнотизер пробудил сознание погрузившегося в обморок организма и направил это сознание в сторону воспоминаний о минувшем, затем психо-фиксатор сделал остальное...

— Вы не сердитесь на наши мало красивые приемы!... Что делать? На войне, как на войне!...

— Я мог черт знает что сказать!... — бормотал смущенно Андрей.

— Ничего страшного, успокойтесь... Только часто вы нас пугали «чертом»! — засмеялся Рирэ.

Андрей замялся:

— Это моя скверная привычка!.. Никак не могу, чтобы не выругаться!..

.

Все-таки неприятно было: его душу вывернули наизнанку, и целый консилиум копался в ней...

Глава VII

ЖИЗНЬ НА ЗЕМЛЕ ЧЕРЕЗ 500.000 ЛЕТ

1.

Жуткий сон. Волшебный сон. Мир воплотившихся в жизнь химер и необузданной творческой фантазии человека.

Сколько раз незаметно для Рирэ дергал себя комсомолец за нос, дергал до слез, но не просыпался.

— Еще немного и башка моя лопнет! — с сокрушением повторял он, внимая своему гиду, просто, естественно до дикости объяснявшему ему достижения свободного человечества.

Роскошь и красота нового мира достигла невиданных, неслыханных и немыслимых когда-либо форм. Жизнь каждого члена социалистического общества Солнечной системы была обставлена таким комфортом, который вызвал даже некоторое сомнение: и человечество после этого не выродилось?..

Развлечениям и утонченнейшим наслаждениям, казалось, не было конца. И множество из них Андрей — по элементарности своей природы в сравнении с «сосиалами» — совсем не понимал.

Какое, например, удовольствие могла доставить так называемая «хоровая музыка творящего мозга»? Собиралась компания, свободная в данный момент от труда; занимала уютное, отвечающее настроению помещение, обставленное согласно избранной теме. Тема, например, могла быть такой: «Какие формы примет жизнь через 10,000 лет?» и помещение декорировалось так, чтобы расположить и активировать мозг к избранной теме: вуалевый свет, мерцающий всеми красками и оттенками; статуи, гобелены, драпри, живопись в цветах, формах и контурах, полунамеченных, прекрасных до очарования и безобразных чудовищ-

но; невидимая музыка, едва слышная, убаюкивающая все тело, кроме мозга, который ею, именно, взбудораживается; и места для участников — кресла мягкие и удобные — в них можно принять сразу положение, от которого теряешь весомость, теряешь мускульные ощущения, не чувствуешь работы легких и сердца, одним словом, перестаешь чувствовать то, что называется «телом» и чувствуешь лишь работу мысли.

Андрей присутствовал на двух-трех таких распространеннейших среди «сосиалей» играх, или как их назвать? И всегда удивлялся глубокому безмолвию участвующих — они же зрители, они же артисты, — казалось: вот собрались люди поразвлечься и случайно заснули... Но не так было на самом деле. Участники не спали, а отдыхали. Отдыхали в утонченнейшем развлечении, в коллективной работе мозга, излучавшего в импровизации психоволны по разработке избранной темы. И в этом заключалось то наслаждение, к которому чувствовали непреодолимое влечение все «сосиали» без исключения; и Рирэ, случайно попадая вместе с Андреем на такие собрания, заставлял последнего скучать 2-3 часа, сам целиком отдаваясь «хоровой музыке творящего мозга».

«Сосиали», как и обитатели Луны, свободно общались между собой через непосредственную радиацию мыслей, но, овладев законами эволюции, они оставили себе и язык. Андрей здесь уже не понимал первого способа разговора (понятно, и второго); Рирэ объяснил, что виною тому иные, чем на Луне, природные условия.

— На Луне, где вы были, действует меньшая сила притяжения, обусловленная меньшей, по сравнению с Землей, массой планеты. На Луне — у вас, — выросшего на планете большего объема, все жизненные проявления совершались гораздо легче. Психо-энергия, как и всякая энергия, подчиняется всем физическим законам и, между прочим, закону притяжения. Где притяжение слабее, там у вас легче и интенсивней работает мозг, там вы можете радиировать и принимать психо-волны. Как только вы покинули Луну и попали на планету большего объема, приобретенная вами спо-

способность «читать мысли» утратилась, и вы уже не можете понимать нас и наши развлечения, так как «чтение мыслей» нам удалось не сразу, а в течение нескольких десятков тысячелетий...

Одним из понятных Андрею развлечений, в котором также не было делений на зрителей и артистов, был их театр. Играли и «смотрели» одновременно все те, кто был подготовлен к разыгрываемой пьесе. К моменту прибытия Андрея на Земле № 4 находилось всего 1000 человек, необходимый персонал для обслуживания машин, из которых теперь немалая часть падала на орудия защиты планеты от врагов. Эта тысяча человек обслуживала планету во всех отношениях в течение 2-х месяцев, после чего следовала смена. Остальные «сосиали», выражаясь древнерусским языком, — сказал Рирэ, — выехали на дачу, т. е. покинули Землю, чтобы понежиться в мягком климате Венеры и других молодых планет Солнечной системы. Оставшиеся на Земле отнюдь не были обременены общественными обязанностями. Они тоже работали посменно, через день-два, и свободная половина имела полную возможность развлекаться во время отдыха.

Чувство коллективизма в «сосиалах» было развито в степени, препятствующей им пользоваться отдыхом по малым группам или индивидуально. Чтобы объединить возможно большее количество оставшихся на Земле, разучили две пьесы с массовым действием (иных пьес, впрочем, не было). Действие пьес рассчитывалось не на часы, а на недели и месяцы. Каждая смена, покончив с обязательным трудом, сейчас же принималась за игру: таким образом, игра тянулась с продолжениями.

Андрей, в течение целого дня увлеченный одной из таких пьес, жадно следил за развитием ее действия. Играли пьесу из времен неолитического века Земли под заглавием (на языке «сосиалей» оно было в три раза короче) «Первобытный коммунизм, его происхождение и причины его падения».

Игра была в высшей степени жизненна и правдоподобна; артисты обнаруживали великолепное знакомство с эпо-

хой и существами, ее населяющими, исполняли свои роли с удивительно тонким пониманием психологии древнего человека; место действия было обставлено самой настоящей первобытной природой: исполинским лесом, горами, пещерами, живыми «ископаемыми» животными и пр. ... На сцене, занимавшей круг диаметром в 20 километров, участвовали настоящие пещерные медведи, львы, пантеры и даже два мамонта. Жизненные декорации взяли с Венеры, которая как раз была населена животным и растительным миром первичных эпох.

Андрей следил, носясь над зрелищем с искусством птицы и порою забывал, что это не действительность, а тонкая игра. Рирэ, видя, как он временами хватался за оружие в безотчетном стремлении спасти какого-нибудь героя, захваченного диким зверем, смеялся.

— У вас называли бы эту игру метампсихозом, не правда ли?

— Не знаю, как ее называли бы, — оторвался Андрей от притягательного зрелища, — но, к сожалению, я даже не знаю, что такое «метампсихоз»!..

— Шутите!.. — недоверчиво протянул Рирэ. — Метампсихоз — переселение душ — слово, встречающееся в литературе XIX и XX века... Не думаю, что я ошибаюсь... Вы должны его знать...

— Вы забываете, — улыбнулся Андрей, следя за ордой первобытных, загнавших мамонта в ущелье и там закидавших его тучей стрел и копий, — вы забываете, что общество моего времени делилось на классы — одним была доступна наука, другим — очень мало, или совсем нет; к последним принадлежал ваш покорный слуга... Так уж извините его за невежество!..

Рирэ, очень чувствительный к своим знаниям и в то же время к чужому самолюбию, понял, что он за один раз попал дважды впросак: оскорбил гостя и выказал неглубокое знакомство с историей. Так думал он; комсомолец же, конечно, далек был от всяких подозрений и по-прежнему с увлечением наблюдал за пьесой.

— Итак, что вы хотели сказать о метампсихозе? — вполне невинно спросил он и, не получив ответа от «сосиаля», поглощенного решением задачи: оскорблен или не оскорблен гость нетактичным вопросом, — продолжал:

— Действительно, ваши артисты будто перевоплотились. Они не играют, а живут жизнью первобытных. Смотря на их поступки, движения и слыша этот язык в виде междометий, хочется думать, что они родились вместе с пещерными медведями и мамонтами и что вы их также привезли с Венеры...

Рирэ, наконец, очнулся: «Нет, гость не оскорбился» — и уже спокойно отвечал на соображение Андрея:

— Театр XX столетия, как мне представляется на основании изучения вашей эпохи, заставлял небольшую кучку людей разыгрывать слово в слово написанную пьесу, не предоставляя артистам возможности проявлять в игре своих творческих сил, а масса должна была только смотреть и выражать свое одобрение или неодобрение. У нас — иначе: как видите, пьеса не пишется целиком, даются лишь основные вехи, чаще — одна тема; артисты же в творческой импровизации строят коллизию и детали пьесы. Зрителей, как видите, у нас нет, разве только мы с вами; артисты сами играют, сами любят свою игру, и вы правильно отметили: они как бы перевоплощаются в этих первобытных, живут их жизнью. И в этом кроется величайшее наслаждение!.. В коллективном творчестве кроется такое великое удовольствие, которое... Боюсь, вы меня не поймете!.. — оборвал вдруг Рирэ.

Андрей рассмеялся:

— Ну, нет!.. Если я не мог разделять вашего восторга перед «музыкой творящего мозга», то тут-то я вас великолепно понимаю!.. И понимаю, что за наслаждение коллективно творить не по ранее написанному детальному плану!..

Рирэ вытаращил глаза:

— Однако!... Или гость представляет из себя необыкновенную личность, опередившую своих современников в интеллектуальном развитии на пятьсот тысяч лет, или...

— Все-таки, я вижу все прелести вашего театра, — с лукавством продолжал комсомолец, — вижу, потому что мой возраст весьма недалек от того, когда с увлечением играют в индейцев и разбойников, ездят верхом на палочке, не сомневаясь в том, что палочка может ржать и лягаться и пр. ..., и пр. ... Ведь в мы в этих играх не требуем зрителей и творим безо всякого плана; удовольствие однако от этого только увеличивается...

— Ах, вот!... — обрадовался Рирэ. — Вы говорите о детстве!.. Совершенно верно!.. Только благодаря этим воспоминаниям вы можете вполне понять нас и наш театр...

2.

Лишь перед тем, как заснуть, оставалось у Андрея немного свободного времени, чтобы передохнуть, привести в порядок и переварить обильную и невероятно оригинальную пищу, составленную из впечатлений дня; уже трое суток насыщался он ею и, кажется, пресытился.

— Бедная моя голова! — повторял он часто, когда та отказывалась принять в осмысленном виде то или другое явление обихода «сосиалей». И сейчас, в квартире Рирэ, в той, откуда «сосиаль» производил наблюдения за вверенным ему на два месяца сводом полушария и откуда проводился в движение исполинский психо-магнит, комсомолец пережевывал жестокие по своей экстра-фантастичности новые впечатления.

Два-три последних дня Рирэ редко сопровождал его. Урвется откуда-то на час-другой и снова исчезает, озабоченный и нахмурившийся, как только примет какое-то сообщение по психо-телефону. На все вопросы по поводу его встревоженного состояния он только таинственно отмахивается, улыбаясь.

— Ну, чего там! Узнаете в свое время...

И новый проводник, русокудрый молодой Атава с чудными синими глазами и тонкими женственными чертами

открытого привлекательного лица, безбородого и безусого, как у всех «сосиалей», ничего не хочет говорить. Но он всегда спокоен. Всегда полная обаяния улыбка играет на его как нарисованных губах.

Чудится, что новый проводник — женщина, — хотя одежда его не отличается от обычной, и в разговоре Атава произносит «я пошел», «я летел», а не «пошла», «летела».

До сих пор Андрей ничего не знает о положении женщины на земле № 4 и не видал ни одной, за исключением тех, которые участвовали в общественных играх. Но эти женщины были явно переодетыми мужчинами: мышцы, сильные порывистые движения, хотя я не лишённые грации; мужественный голос, — все это, несмотря на грим и костюмы, выдавало в артистах мужской пол. «Сосиали» — все великолепно развиты физически: высокая, стройная фигура почти с атлетической мускулатурой; гордо поставленная на широких плечах — с буйной, волнистой шевелюрой голова; изящные, ловкие, свободные движения. И все необычно, без исключения, красивы, красивы до женственности: и физическим, и духовным обликом. Но все же это не женщины.

Где же они?

Среди дня как-то не приходило в голову спросить и лишь засыпая, в грезах, навеянных красотой нового мира, вспоминал Андрей:

«Да-да, завтра непременно надо узнать, где же у них женщины?»

Но приходило «завтра», являлся Атава, принимался показывать и объяснять неисчерпаемые чудеса своей планеты, — масса неотложных вопросов возникало в связи с этим, и они отодвигали на задний план вопрос о поле.

Вчера, например, осматривали исполинское сооружение, искусственную земную ось, и мост на Венеру. Вот уже, поистине, титаническая постройка!.. Замысел гениален, выполнение — еще более!

Такого массивного, грандиозного и в то же время такого сложного и тонкого механизма, как искусственная ось, проходящая сквозь Землю от полюса к полюсу, Андрей не

видал даже на Луне. От концов этой оси и начинались параллельные друг другу мосты.

— Для чего это? Зачем? — вопрошал придавленный величием виденного комсомолец. — Неужели только для того, чтобы, с одной стороны, убить праздное время, с другой — устроить прямое и легкодоступное сообщение с Венерой, служащей вам дачным местом?

Вспоминает Андрей, как, тряхнув кудрями и залившись звонким, подмывающим смехом, отвечал Атава:

— Ну, нет!... Мы не очень-то большие любители создавать себе, «чтоб убить время», напрасную работу!... А те труды, которые мы положили на ось и на мосты, никак не могут оправдать столь незначительной цели, как сообщение с Венерой ради дачного отдыха!... Не шутка: прорыть насквозь Землю — 12700 километров!... И еще меньше напоминает шутку — перекинуть два моста через пространство в 41.400.000 километров!... Для этого нам понадобилось 1500 лет!...

— Что же, что же толкнуло «сосиалей» на такую титаническую работу?...

— Железная необходимость. Борьба за существование, — был ответ.

Да! 150.000 лет тому назад Земля обнаружила грозную опасность. Опасность, надвигавшуюся одновременно с трех сторон. Метеорологи вдруг заметили, что солнце стало подниматься с опозданием на 2 секунды и одну третьию каждый день. Это свидетельствовало о замедлении вращения Земли вокруг самой себя. В перспективах — правда, далеких — открытие метеорологов сулило земным обитателям удлинение суток и изменение протяженности дня и ночи. Запаздывание в движении солнца через год достигло 3-х секунд. Прогрессия не такая уже страшная!... Если бы так пошло дальше, то через тысячу лет земные сутки удлинились бы только на 17 минут. Но в том-то и дело, что прогрессия росла и росла с каждым годом!... — Опасность стала представляться более близкой и грозной... Полярные дни и ночи угрожали распространиться по всей Земле... А дальше вращение земного шара могло совсем прекратиться, и

Земля уподобилась бы Меркурию, одно полушарие которого вечно смотрит на палящий лик солнца, а другое — в леденящий холод межпланетного пространства... Новость, конечно, не сенсационно свежая, наука давно предсказала ее: такова обычная эволюция планет. Но никто не ожидал столь быстрого наступления катастрофической развязки.

Как бы спохватившись, ученые стали делать открытие за открытием, каждый раз потрясавшим общество не менее первого.

Установили, что содержание кислорода в земной атмосфере стало уменьшаться в той же прогрессии, в какой возрастало запаздывание Солнца. Исчезнет кислород, исчезнет жизнь. Даже если количество кислорода сократится только наполовину, все живущее постигнет мучительная смерть...

...И еще одно грозное открытие: Луна вместо своего обычного, среднего — в 382.000 километров — расстояния от Земли, на четверть километра очутилась ближе... Этак она могла и совсем загреметь на Землю...

Старушка-Земля уподобилась тому человеку, который долгое время считал себя молодым и вдруг в один прекрасный день заметил, что у него волосы седые, ноги ревматические, сердце изношенное, артерии истончившиеся...

Над человечеством простер руку гнусный, костлявый призрак смерти...

Причина катастрофических явлений была скоро найдена. На Землю ежегодно падает из мирового пространства около 20.000 тонн метеорной пыли и камней; объем и вес Земли, ясно, от этого ежегодно увеличивается. В последние два тысячелетия этот непрерывный дождь метеоров в связи с некоторыми космическими явлениями возрос в 20-30 раз по сравнению с нормой. Земля соответственно увеличила свой вес. Увеличение веса отразилось на ее вращении вокруг самой себя: оно замедлилось — удлинились сутки. Возросшая масса Земли стала оказывать более сильное притяжение на Луну: Луна укоротила свое расстояние от пополнившейся соседки...

Обеднение Земли кислородом отчасти стояло в связи с падением метеоров: последние, попадая в земную атмосферу, от трения с ней возгорались и тем уничтожали кислород; отчасти — с грандиозным увеличением населения земного шара, — до 60 миллиардов человек, — отчего расход кислорода стал большим.

Но как бы там ни было, нужно было думать о путях к спасению.

Предлагали: оставить старый мир и переселиться на молодые планеты, — тогда уже межпланетный эфир был завоеван авиационной техникой. Но молодые планеты не были приспособлены для жизни человека. Пробыть там час-другой, — и то в аппаратах, подобных водолазному, — еще можно было, а сверх этого — верная гибель... Куда ни кинь — один конец!...

Потеряло ли человечество голову? — Нет.

Свободная мысль не стала ждать, фаталистически сложив руки, пришествия великой катастрофы и не устраивала «пиров во время чумы».

Свободная мысль дерзнула, как она уже не один раз дерзала, пойти против природы, вопреки мертвым законам Вселенной. Эволюция, конечно, истина, доказанная и неопровержимая, но она, как всякое явление, таит в себе противоречие: она выдвинула над природой человека, а человек стал диктовать свои законы эволюции, стал эволюционировать по своему усмотрению.

И человек дерзнул в порыве, диктуемом неизбежностью. Дерзнул, отстаивая свое существование.

Перед ним стали три задачи: удержать Луну от ее рокового приближения к Земле; обеспечить родной планете нормальный состав воздуха и сохранить земным суткам их обычную протяженность.

Эти три задачи решились одним гениальным ходом.

Решили: прокопать Землю насквозь от полюса к полюсу и в канале установить механическую ось; ту же самую операцию проделать и с Венерой. Затем, концы осей на Венере и на Земле соединить через межпланетное пространство металлическими скобами с заключенными внутри их тру-

бами. Трубы эти стали служить для передачи с Венеры на Землю воздуха. (Атмосферой Венера была в два раза богаче Земли.) Оси обусловили некоторую независимость движения соединенных планет от космического движения; именно, в суточном движении они стали самостоятельны: и на Земле и на Венере в межполюсных осях были поставлены гигантские часовые механизмы, вращавшие с механической точностью обе планеты так, что сутки каждой из них стали равняться 24 часам. Для Венеры это было нововведением, правда, безразличным для ее «первобытных» обитателей; для Земли — возвратом к старому, привычному; торжеством человека над стихией...

Вопрос о нормальном составе земной атмосферы и о нормальной протяженности земных суток, таким образом, был разрешен!.. Мало этого: помимо всего «сосиали» приобрели себе новую планету с ровным теплым климатом, с роскошной растительностью, молодую и не затронутую культурой, — планету, которая раньше, до проведения передающих воздух труб, не могла служить для жизни человека из-за своей высокой атмосферы.

Но несмотря на дальновидность и предусмотрительность творческого гения «сосиалей», при выполнении грандиозного предприятия, конечно, не обошлось без некоторых заминок, неожиданностей и даже катастроф.

Трудности, само собой разумеется, были громадны, препятствия порой казались непреодолимыми, в особенности когда какая-нибудь катастрофа в один миг разрушала все достигнутое столетиями. Но железная необходимость руководила работой человечества, а не каприз, не мимолетное настроение «развлечения ради» или еще чего: и железная необходимость непреклонно заставляла не один раз заново восстанавливать разрушенное...

Главные препятствия при бурении Земли заключались: в намагничивании инструментов, и чем дальше шла работа, тем сильнее сказывалось это намагничивание, так как ядро земли оказалось состоящим почти из чистого (с % никеля) магнитного железняка, и в борьбе с раскаленной и сжатой массой ядра, стремящейся, как только дав-

ление над ней ослабевало, расширяться и излиться в прокладываемый канал. Не один раз эти препятствия уничтожали все достижения невероятно тяжелой работы, и не одна тысяча человеческих жизней оставалась на месте в качестве кровавой жертвы перед лицом разъяренности свирепых стихий.

Но человек все-таки победил.

Над Луной и ее роковым приближением к Земле много думать уже не пришлось. К ней проложили сначала такие же мосты, как и к Венере, затем опутали ее сетью скреб и скоб, и часть за частью перетаскивали всю массу ее на Венеру. Последняя, благодаря этому, почти сравнялась по своему объему с Землей, что имело немалое значение для установления космического равновесия в движении соединенных между собой планет.

— Вот как мы утерли нос бабушке Вселенной с ее «железными» законами!.. — закончил Атава, по обыкновению своему рассыпаясь звонким и заразительным смехом.

.

В сонном тумане промелькнули перед Андреем другие завоевания «сосиалей»: реки, моря и океаны бетонизированы, забронированы сверху кольчуг-металлом. Круговорот воды всецело подчинен человеку. Над всей землей протянута стеклянная оболочка.

.

...Солнечная энергия в универсальном применении используется непосредственно. Другие источники энергии представлены, лишь внутриатомная энергия и психическая соперничают с солнечной, но и они оказались одного порядка: те же колебания эфемерид-частиц еще меньше электронов.

.

Зеленая лампочка в потолке начинает пошаливать: то быстро-быстро унесется куда-то ввысь, чуть мерцая ласково изумрудной звездочкой и таща за собой в черный провал часть потолка; то спустится низко-низко, перед глазами расплываясь в бесформенную зеленую кляксу.

«Шалишь, брат! — пялит Андрей медом намазанные глаза, силясь побороть навязчивую дремоту. — Еще не все переварил...»

Куда там!.. Лисой подкрался лукавый, косящий на оба глаза сон, исподтишка мягкой, пухлой лапой хлопнул по черепу и потушил сознание.

«...Но все же... где женщины?.. не в гаремах же они... спасаются... или в теремах?..»

Чушь!... Завтра... непременно надо узнать...»

3.

Среди ночи вдруг проснулся. Никогда этого не бывало. Всегда спал без сновидений до утра.

Прислушался. Мертвая тишина... Но... что-то в ней кричало. Кричало беззвучно... Кто? Где?

«Может быть, в мозгу это или около сердца? — не разберешь...»

«Не крик, а жуть...» — вдруг понял Андрей. Жуть, как в детстве перед темными углами или на пустыре...

Сначала кажется, что действительно где-то кто-то кричит. Кричит надрывно, в смертельном ужасе. Прислушаешься: нет — не где-то, а внутри... Потом забудешься и опять: смертельный крик в могильной тиши.

Вскочил Андрей, накинул на себя одежду... Холодный пот на лбу, слышны отчетливо замедленные удары сердца. Будто и сердце прислушивается тревожно, напряженно.

Уставился расширенными зрачками в черную нишу двери.

Там?!..

Вдруг спохватился и стало стыдно.

— Эка, ты, брат, рассиропился!. Словно девица истеричная из благородного института...

Но не подействовали увещания. Мозг продолжал жадно ловить что-то. Пытался куда-то проникнуть, разгадать...

Послышалось... Конечно, послышалось: назвали его имя — далеко-далеко, но так отчетливо...

— Чей то голос?.. Знакомый и не безразличный...

— Однако, довольно дурака валять! Ложись-ка, брат, спать. — Сам на себя насупился, рассердился за свое ребячество. Скинул одежду, опустил на постель: спать!.. и похолодел:

— Ведь это Атава кричал!

Вот еще и еще:

— Андрей!.. Андре-эй!..

— Конечно, он. И, конечно, это не голос, а напряженно-отчаянная психо-волна...

— Ну и дурень! Ну и дурень!.. Так долго мешкал!..

Сорвался с кровати, чуть не выломал дверей, забыв, в какую сторону они отворяются. По длинному коридору промчался ураганом, не встретив никого. Вскочил в лифт и понесся, волнообразно ныряя, к психо-магниту, где должен был дежурить Атава, сменив Рирэ.

.

Таких чудовищ и душевнобольной не скоро придумает. Одни — паукообразные, с дюжиной мохнатых, гибких ног и с головой совы; другие — как скорпионы, с клешнями, а на хвосте — собачья голова; третьи — и похожи на муравьев и не похожи: ходят на задних лапах, слоновьи хоботы и один рубиновый глаз во лбу; четвертые... чего-чего только природа не наковыряла!..

Но почему Андрей раньше не видал этих чудовищ? И почему они так свирепо потрясают своими клешнями, хоботами, когтями и прочими конечностями? Почему Атава окружен ими, связан и дрожит мелкой дрожью, кидая в пространство безнадежные, полные великой муки взгляды?

За мраморной вазой сидел Андрей. В зале, наполненном полсотней отвратительных животных, из которых одни чуть ли не в два раза превышали человеческий рост, другие же не доходили до пояса, а третьи были и того меньше. Одного из них, гнусного жабенка ростом с овцу, нечаянно приблизившегося к вазе, Андрей успел уже стукнуть кулаком по башке и отправить к праотцам.

Атава не переставая радиировал психо-вопли, — иначе никак не назовешь его отчаянные, безмолвные призывы, несшиеся к Андрею. Он не видел Андрея, но уже чувствовал его близость и предупреждал, предупреждал, умолял бежать, спастись, не думая о нем...

Андрей стал хорошо понимать эту радиацию: мозг, взбужденный кошмарным обществом, работал интенсивней, и что было невозможным раньше, стало возможным теперь. В то время, как чудища совещались друг с другом посредством знаков, писка, ворчания и рева, Атава излучал, излучал:

— Андрей! Андрей!.. Слушайте! Слушайте!.. Ночью с Земли отозвали всех для защиты границ «системы»... Остался один я и мой помощник... Враги — не знаю, как — прорвались через наши заставы, и часть из них, обманув мое внимание, прошла мимо земных заградителей сюда, к психо-магниту.. Мой помощник убит, я в плену... «Они» хотят заставить меня объяснить им механизм магнита, чтобы, зарядив его мозгом моего помощника, начать истребление «сосиалей» с тыла... Спасайтесь, спасайтесь!.. Бегите к своей «сигаре» и улетайте от нас... Я не думаю, чтобы погибла наша «система»; еще будут бои; может быть, они уже идут, но я-то погиб наверняка... Спасайтесь, Андрей! Спасайтесь, друг!..

«Мне-то спастись — не штука. — подумал Андрей, — а вот как тебя прихватить с собою?» И, понатужившись, сконцентрировал внимание на ответе:

— Я здесь. Вижу вас, Атава, и этих эфиопов. Мужайтесь!

Атава сразу поймал ответ, весь засиял радостный, хотя радоваться как будто бы и нечему было...

Мерзкая компания, очевидно, договорилась: запищали, заверещали, взревели: захлопали лапами, клешнями, клювами... Одним словом, почувствовали себя совсем дома.

Атава умолк. Андрей забеспокоился: вся группа направилась к дверям, около которых притаился он за вазой. Шесть нелепых существ остались лишь около «сосиала». Их Андрей сейчас же окрестил, исходя из сходства, правда, весьма отдаленного, с тем или другим животным: краб, паук, жаба, носорог, а для двух, не напоминающих собой никого из животных, дал название: кикимора и шишига. Что-либо более безобразное, чем эти двое, трудно было и вообразить!.. — «Кикимору» можно было назвать летучей мышью, так как у нее были перепончатые крылья, но она напоминала собой и зонтик, и ведро, и корявый пенёк, и еще добрый десяток предметов... Достаточно сказать, что у нее были три головы и все разные!.. «Шишига» — эта была попроще: она имела такие же крылья-перепонки, штук сорок ножек, но ни одной головы; видом своим — издалека — она походила на дымовую трубу, обросшую глистами...

К счастью, — Андрея не заметили. Шумливая ватага проплелась, проковыляла, пропрыгала мимо него, скрывшись за дверьми.

Но не успел он перевести облегченного вздоха, как около вазы очутился «носорог», который зашел, невидимый, сбоку, держа в лапах какой-то инструмент...

Андрей юркнул в сторону, выдав себя остальным пяти... «Носорог» завертел ручку своего оружия. У Андрея, помимо его воли, задергались в судорогах руки и ноги.

— Не бойтесь, — крикнул Атава, не обнаружив большого удивления при виде комсомольца, — на вас его ружье слабо действует! У вас другая организация нервной системы!..

«Носорог» кончил плохо: Андрей опрокинул на него тяжелую мраморную вазу... В тот же миг Атава, как был связанный, взмыл кверху, совершенно неожиданно для карауливших его врагов. Они растерялись, не зная, на кого обрушиться. Впрочем, тотчас же «кикимора» и «шишига» развернули перепончатые крылья и, подпрыгнув, зигзага-

ми понеслись за Атавой. Остальные бросились к стене и, вооружась, обернулись к Андрею.

Помня слова Атавы о своей иной нервной организации, Андрей смело перебежал широкий зал, хотя и не совсем слушались его конечности.

Над головой завязалась неравная борьба: связанный Атава с большим трудом избегал цепких крючьев преследователей. Зато Андрей быстро расправился со своими, в сущности, беззащитными врагами: несмотря на внушительные размеры, тела их были крайне мягки и податливы. Крабу он в жаркой схватке сразу оторвал обе клешни, пауку переломал все ноги, а жабенка просто расплющил.

«Кикимора» и «шишига» до того увлеклись преследованием, что не видали бесславной гибели своих товарищей. Андрей успел изломать все ружья и крепко припереть единственные в зале двери, когда те одумались. Но уже было поздно. Убедившись, что их оружие испорчено, летуны устремились к дверям... под громкий смех комсомольца... С жалобным пискom повернули обратно. Как гигантские летучие мыши, заматались под высокими сводами зала.

Пока Андрей освобождал «сосиалю» от пут, тот обратился к потолку с речью, — пискom и верещанием, — увещевая врагов сдаться. Не тут-то было! И слушать не хотели!... Тогда комсомолец принялся за увещевание... метко попадая в упрямец обломками вазы. Это подействовало. Цепи, снятые с Атавы, пригодились.

— А дальше что? — спросил Андрей. Атава вместо ответа обнял его крепко, сверкая увлажнившимися чудными глазами, а потом прибавил растроганно:

— Мне с вами и умереть приятно!..

— Умереть?! Благодарю вас, не желаю... — рассмеялся Андрей на неожиданную экспансивность друга. — Смерть в одиночку, вдвоем или втроем — одинаково некрасивая история...

Атава на это ничего не сказал, лишь ближе прижался, лаская любовным взглядом.

— Батюшки! Совсем по-женски! — притворно испугался комсомолец и вспомнил вдруг свои размышления перед

сном и свой вопрос:

— Где же женщины?

Но обстановка опять заставила этот вопрос отложить: шумно приближалась разноголосая ватага. Пленники, встрепенувшиеся, вздумали было запищать навстречу, но, угощенные недвусмысленным жестом Андрея, проглотили язык. Надо было на что-нибудь решиться. Атава безнадежно качал головой. Зал не имел других выходов, кроме того, который был уже забаррикадирован Андреем.

— А через окно?! — предложил комсомолец. Атава качал головой.

— Почему нет? — недоумевал комсомолец. — Разве вы не можете летать по воздуху? Если же вы со мной не подниметесь, летите одни и приводите машину.

— Нет. Ничего не выйдет, — вздохнул Атава. — Вас я подниму. Но... мы находимся на трехсотверстной высоте, не забывайте!.. Здесь состав атмосферы другой... Здесь водород и геокороний, они для дыхания не годятся. Да кроме того, на этой высоте невыносимый холод: вмиг промерзнешь насквозь...

За дверьми — смятение... Шум рос, рос — сам себя перерос. Наконец, забухали в двери. Друзья поспешили увеличить баррикаду, стащив на нее все, что только было возможно.

Однако, и баррикада скоро сдала: двери взломали, — посыпались на осажденных кресла, тумбы, шкапы...

Свист, гик, рев, верещанье, стрекотанье хлесткой волной прорвались сквозь разбитые двери.. Проснулись дикие гнусные рожи... Пара-другая клешней, вертящих ручку ружья...

Атава испуганно взвился к потолку. Андрей, не боявшийся ружей, остался, кроша ножкой от кресла отвратительные черепа, уродливые морды... Бормотал угрюмо:

— Опять вляпался! Не видать мне родной Земли...

Неожиданно правая рука отказалась служить, повисла плетью.

Выругался, как давно не ругался: даже неприятель на секунду опешил. В левую перебросил дубину, но уже ясно стало, что долго не выдержит... А тут еще нужно остро сле-

дять за Атавой, чтобы не спускался низко, в сферу действия ружей... Рывкнул:

— Да сиди ты спокойно!.. Куда лезешь?!.. — и из последних сил заработал дубиной... Деморализующе действовал невыносимый гвалт.

.

Новый взрыв криков врезался в разноголосицу... Кричали те же, но несколько иначе: исчезли буйное возбуждение, угрозы, злорадство... Жалобные вопли покрыли все. Отскочили рожи от дверей. Поспешил Андрей ломом забросать дыря. Хрипло дыша, с недоумением кинул к потолку:

— Что бы это значило?

Атава осторожно снизился, прислушался, засветился бурной радостью:

— Мы спасены!.. Я ловлю радиацию друзей... Вот, подождите: кто-то спрашивает меня... — Он насторожился.

— Это Рирэ!.. Мы спасены!.. Враг опрокинут и разбит на фронтах!.. Вселенная очищена!..

Крики затихли... Атава принялся лихорадочно раскидывать баррикаду, Андрей не отставал...

Отряд вооруженных «сосиалей» проник в зал. Впереди всех — озабоченный Рирэ:

— Вы целы, детки?... О, да они еще пленников имеют?!.. Ну, молодцы, молодцы!...

Через окна брызнуло багрянцем восходящее солнце. Рирэ обернулся к нему. Серебристые волосы засверкали золотом и волшебным ореолом окружили восторженное лицо:

— Друзья! В первый раз Солнце всходит в свободной Вселенной!.. Да здравствует Вселенский Союз Красных Солнц!..

.

— Ну, теперь можно и восвояси...

— Домой?! Чтобы я вас отпустил?! Ну, нет. Подождите!..

— Позвольте! Позвольте! Что это еще за диктатура?! Я сам распоряжаюсь собой!...

Андрей ворчал добродушно, смазывая механизм «сигары». Атава вертелся вокруг, мешал, путал гайки, винты, рычаги: ластился — никак не давал работать! Щебетал безостановочно:

— Я вам должен много-много-много интересного показать... Что вы у нас видели? Пустяки?... Никуда вы не поедете! Правда? Вы еще останетесь, правда?

Мысль осенила Андрея.

— Подождите-ка, — сказал он, отмахиваясь от бесчисленных вопросов, как от роя мошек. — До сих пор я не мог спросить вас о женщинах! Где у вас женщины?

— У нас все так. У нас нет полов... — ответил Атава и почему-то смутился...

— Вот так клюква! — ничего лучшего не мог сказать Андрей, растерявшись. — Как же так?.. Не понимаю... Расскажите... И не понимаю, почему вы смущаетесь, если это у вас нормальное явление?!

— Я вам все объясню... Только не сейчас... потом... Дайте слово, что вы у нас еще останетесь, погостите...

— Конечно, останусь! Как тут не остаться!.. И как я мог такое проворонить?!..

Теперь Атава смеялся: звенел, как трель стеклянного колокольчика.

— Поедьте-ка, — сказал он, — я вам покажу кое-что...

Глава VIII.

1.

Мелькали улицы одна за другой, сверху вниз, этажами. Уже сто двадцать этажей отсчитал Андрей, а вагончик все

спускался и спускался, скользя по кабелю и проваливаясь через отверстие в потолках улиц. Несмотря на абсолютную пустынную великого города, всюду сияли искусственные солнца.

Атава рассказывал о питании «сосиалей» и о способах приготовления пищи.

— ...Уже давно мы оставили синтезирование пищевых элементов из неорганических веществ: из земли, воздуха, воды. Теперь из той же «мертвой» материи мы добываем — действуя на нее различными видами энергии — самую настоящую живую протоплазму, иначе — первобытное живое существо. Оно и идет нам в пищу... Какая разница, спрашиваете вы, между той и другой пищей? — Разница та, что в первом случае у нас получались отдельные пищевые элементы: белок, жиры, углеводы; все они, конечно, были безжизненными веществами, мертвыми, если хотите, телами... Во втором случае получалась жизненная смесь из тех же элементов, смесь организованная, живая, таящая в себе почти неисчерпаемые способности к развитию и совершенствованию; способности, находящиеся в потенции, т. е. еще непочатые, грандиозно великие...

Для нас эта пища имеет то значение, что благодаря ей мы не только не вырождаемся, но совершенствуемся — беспрерывно... Мы вместе с первобытной протоплазмой употребляем и ассимилируем, всасываем ее творческие силы, ее способность к прогрессивному развитию...

— Приехали...

.

Длинный ряд стеклянных клеток; в каждой смело можно поместить двух-трех человек. К клеткам идут провода, трубы, насосы.

Хорошо разбираясь в запутанных узких переходах, Атава с лихорадочно горящими глазами влек комсомольца все дальше. Зорко всматривался, искал.

— Что-то мой паренек слишком возбужден, — посмеивался Андрей. Это возбуждение понемногу начало сказываться и на нем.

— Вот! — выдохнул «сосиаль» и остановился.

— Даже вспотел, бедняга, — отметил Андрей.

— Здесь... подождем...

Одна из клеток стояла открытой. Андрей хотел было заглянуть в нее.

— Не ходите! Не ходите! — умоляющим голосом и нервно вздрагивая, произнес Атава.

— Что с тобой, дружок? — удивился Андрей, кладя ему руку на плечо. Тот затрепетал — лицо побледнело — и приник всем телом к комсомольцу.

— Ты чего-то боишься?

— Нет... Не то... не то...

— Так что же?

— Ах, не спрашивай!..

Издали донесся разговор. Сквозь стекло клеток замаячили две приближающиеся фигуры. Атава совсем прилип к комсомольцу, прерывисто дыша. Комсомолец подозрительно косился. Фигуры, два «сосиала», подошли к открытой клетке; заметили ожидающих, улыбнулись, произнесли приветствие. Один из них был весьма женственен, другой — наоборот, даже грубоват, по крайней мере, для «сосиала». Скинули одежду и вошли в клетку.

— Что они будут делать? — сконфузился комсомолец, но к утешению своему не обнаружил разницы в строения тела «сосиалей», разве только один более напоминал женщину, другой мужчину.

В клетке «сосиали» крепко обнялись, переплелись руками, нежно смотря друг другу в глаза. Дверка захлопнулась.

— Я уйду, — сурово сказал Андрей, но не тронулся с места.

— Ничего! Смотрите, смотрите...

В приводной к клетке трубе зашумело, полилась вода. Скоро «сосиали» стояли в ней по горло. Где-то заработала машина. Вокруг добровольно заключенных заблестали ярко синие молнии, забегали лучи. Вода забурилась, запузы-

рилась; волны стали перекачивать через головы, а затем клетка доверху заполнилась водой.

— Они же задохнутся!..

— Нет, нет... Смотрите... — Атава, как загипнотизированный, не отрывал глаз от клетки,

О, ужас!... «Сосиали» начали пухнуть и оседать ко дну... Их фигуры постепенно потеряли свои очертания, расплылись в бледно-розовые комки. Исчезли глаза, руки, ноги, голова; затянулись все отверстия. Но и комки, плавая в воде, не отрывались друг от друга; наоборот, они соединились еще тесней.

— Черт! Я, кажется, начинаю понимать! — Андрей взъерошил волосы. Атава тихо смеялся.

Два комкообразных тела еще более расплылись и приняли форму студенистых полушарий.

Еще сильней застрекотала машина. Вся клетка наполнилась ровным синим светом. Вода успокоилась. Зато полушария из «сосиалей» затрепетали в судорогах. Затем они слились в один розовый шар, продолжавший желеобразно трепетать.

Атава, как под действием мощного магнита, все ближе и ближе придвигался к клетке, увлекая с собой Андрея. Тот не сопротивлялся: какой-то дурман заволок сознание.

Студенистый шар завибрировал в мелкой-мелкой зыби. Зыбь эта передалась Атаве, а от него Андрею.

Не отрывая глаз от притягательного зрелища, Атава медленно, неуклонно, незаметно стал подталкивать комсомольца куда-то в сторону. Как сквозь сонный туман видел Андрей, что это «куда-то» была соседняя клетка, дверка в которой оказалась открытой.

Ближе..... ближе..... ближе.....

.

Только перед самой дверкой резко встряхнулся Андрей, опомнился, разорвал дурман и все сразу осознал... Даже волосы задыбились...

В ужасе оттолкнул прилипшего Атаву, у которого и глаза и разум блаженно помутились... Отскочил от клетки. Опрометью, в холодном поту, бросился обратно по лабиринту переходов.

— Благодарю покорно! Обратиться в студень?!... Не желаю... не желаю...

2.

Как вор, пробирался Андрей через анфилады комнат к своей «сигаре». Отплеывался, когда навязчивый «студень» лез в воспоминания. Искренне жалел Атаву, бранил себя за недогадливость:

— Ну, как я мог допустить такую историю?... Где у меня были глаза и разум?.. Экая я дубина стоеросовая!..

Больше всего боялся повстречаться с Рирэ. Совсем неслышно — даже дыхание затаивал — крался мимо тех комнат, где мог находиться старик-«сосиаль». И наткнулся на него, когда меньше всего ожидал.

Рирэ сидел в узком полутемном проходе, на пути к лифту, в позе глубокой задумчивости. Стало ясно, что он сидел здесь неспроста.

— Вы хотите лететь? — спросил он, поднимаясь, но не выходя из своей сосредоточенности.

— Да...

Пораженный такой сверхъестественной осведомленностью, Андрей намеревался изложить свои мотивы к отъезду и получил ответ прежде, чем собрался с мыслями.

— Не надо, — сказал «сосиаль», — я все знаю... Пойдемте!

Сели в лифт. Оба молчали.

— Дьявольски неприятное положение! — разбитый нравственно, думал Андрей. — Ведь вот какой я остолоп!..

— Вы не виноваты, — опять на мысли ответил Рирэ. Ответил совершенно машинально, не подозревая, что своей пронизательностью пугает комсомольца.

В лифте Рирэ наконец заговорил, постепенно освобождаясь от оцепенелости.

— Да, вы не виноваты... Атава сильно пострадал, но виновата его легкомысленность и моя непредусмотрительность... Прежде, чем вы оставите нашу планету, я хочу познакомить вас с истинным положением того, что у вас называется «половым вопросом», так как у нас сложилось, видимо, превратное суждение... Та форма размножения, которую с таким печальным исходом демонстрировал перед вами Атава, не является нашей обычной, современной формой. Она — атавистична... Надо вам сказать... Может быть, Атава вам сообщал? Ничего не говорил? Так вот... Мы — существа бесполое... Это явилось в результате сознательного вмешательства человечества в природную эволюцию. Когда химики открыли нам в опытах над животными возможность искусственным путем воссоздать жизнь, исключая роль полов и получая из одной особи — безразлично: самца или самки — под действием на нее токов различных энергий две новые особи, мы перенесли эти опыты на человека, и с тех пор — вот уже 200.000 лет — существование человечества поддерживается только одним этим путем. Благодаря этому, с течением времени, органы, ранее занятые функцией воспроизведения потомства, у обоих полов атрофировались, половые различия сгладились, исчезли, образовался некоторый средний тип человека, тот, который вы теперь видите. Таким образом, наша современная форма размножения и техника его заключается в следующем: организм, достигший определенного возраста, около 5.000 лет, помещается в особые условия (что вы видели) и, подвергаясь действию громадной частоты и напряжения химических токов, приводится в состояние коллоидальной консистенции; затем делится пополам, а из каждой его половины возникает новое существо — человек...

Между этими двумя существами свойства и способности первичного организма (родителя) распределяются поровну... Это наше завоевание громадно по своему значению для человечества: мы, с одной стороны, приобрели самое

подлинное бессмертие, ибо организм, достигший вполне зрелого возраста, не умирает, а распадается на два новых организма, а они сохраняют память о жизни родителя; с другой, — мы колоссальными шагами пошли по пути прогресса, так как приобретенные родителем знания и опыт остаются и во вторичных организмах...

— Да, но...

— Вы хотите сказать, что вы видели нечто другое?.. Вот я и перехожу к этому... Законы наследственности оказались весьма упорными и, несмотря на полное исчезновение внешних различий у разных полов, еще до сих пор наблюдаются случаи, когда народившаяся особь своей психической организацией обнаруживает принадлежность в тому или к другому полу. Это явление атавизма. У вас оно выражается в таких симптомах, как хвостатость или чрезмерная волосатость индивидуумов и другими грубо-физическими ненормальностями; у нас — появлением существ вроде Атавы, которое чувствует себя женщиной, не имея на то никаких физиологических данных... Вот для таких атавистических существ, для удовлетворения их полового влечения, не имеющегося у нормальных особей, и служит вторая форма размножения, та, что вы видели...

— Хорошо, — сказал Андрей, — я уже знаю, что вас спасает от вырождения, неизменного спутника всякого бесполого размножения, это — ваша пища, о которой мне говорил Атава, но что вас спасает от перенаселения Вселенной?

— Ну, это не так страшно!.. Кроме нашей Вселенной, существуют еще миллиарды других, совершенно пустынных...

— Но и они могут быть в конце концов перенаселены!..

— Опять выход есть. В нашей воле изменять не только внешность человека — ведь человеческий образ для нас не обязателен, мы можем менять его на какой угодно другой; только из традиций была оставлена человеку его изначальная, так сказать, историческая внешность, — но и размеры человеческого тела нами могут увеличиваться и уменьшаться. Так вот, в случае опасности в перенаселении всех миров Космоса, мы уменьшим свои размеры, ну, скажем,

до размеров муравья... Много ли тогда потребуется места для человечества?

Рирэ замолчал, не потому, что уже сказал все, а потому, что опять задумался, как бы ловя чью-то радиацию. Так оно в действительности и было.

— Атава просит лифт, — сказал он и увеличил скорость.

Во время его речи Андрей успел вернуть себе свое обычное хладнокровие, однако намерение оставить возможно скорее Землю № 4 его отнюдь не покидало, и во всяком случае, не было никакого желания к новой встрече с Атавой. Но он старался об этом не думать, чтобы не выдавать мыслей.

Лифт остановился. Рирэ выпустил Андрея:

— Подождите меня здесь, я съезжу за Атавой... Мы еще поговорим. Как-нибудь уладим все...

— Как бы не так, стану я вас ждать! — подумал Андрей. И когда верх лифта провалился в канал, рысью пустился по длинному коридору.

— Благодарю покорно!.. Еще уговорите меня превратиться в студень!.. Совсем не хочу!..

Вот и «сигара»... Милая старушка, пережившая с ним столько приключений и выдавшая виды.

Торопливо осмотрел все: продукты есть, машина в исправности... Со стеклянной камерой, предназначенной для выведения наружу, за искусственную оболочку Земли, был знаком хорошо. Ввел в нее «сигару» и, кидая беспокойные взгляды через окошечко, вместе с камерой дернулся кверху, потом вбок, попал в абсолютную темь и вдруг... открылась немая черно-бархатная бездна, мерцающая мириадами звезд. Студено дохнула в лицо «Великая Тайна». Но... у «Тайны» был переконфуженный вид...

Гаркнул ей злорадно в бездонную пасть:

— Дае-ошь родную Землю!!...

.

Снова замелькали в бешеном беге — среди черного эфира межпланетья — огненные тела. Двойные, спиральные и

просто туманности из чуть заметных светящихся пятен вырастали в грандиозно-катастрофические массы не в минуты, не в секунды, а в сотые доли секунд... Вырастали исполлинскими препятствиями, скрывая за собой от межпланетного бродяги цель и перспективы... А он, посмеиваясь в несуществующую бороду, гнал теперь машину, увеличивая и увеличивая чудовищную скорость, не разбирая дороги, гнал сквозь искристо-рассеянную пыль, сквозь огненные шлейфы полыхающих комет, сквозь ад беснующегося космоса, избегая лишь твердых и знойно-жидких тел...

Психо-аккумуляторы на Земле № 4 получили столь мощный заряд энергии, что теперь не требовалось остановок для их наполнения, не требовалось и отдыха для отважного пилота...

— Дае-ошь родную Землю!! — в упоении своей мощью восклицал он, пружиня и без того упругий воздух межпланетной машины.

Временами ему казалось, что он стоит на месте, что он абсолютно неподвижен, а гонит ему навстречу, сверкая длинными хвостами, раскаленными полосами образуя провололочные заграждения и застилая грозными громадами черных потухших светил, гонит навстречу сам Космос, сорвавшийся с орбиты.

Хотелось открыть оконце и гаркнуть ему в самую пасть:
— Дае-ошь родную Землю!!

Но это было бы безумием, и Андрей прекрасно сознавал, что, открой он сейчас окно, не видать ему родной Земли... И он гнал и гнал машину, увеличивая и увеличивая неизмеримую быстроту до пределов, которые уже не вмещались в счетчике; гнал, едва сдерживая нетерпение, буйство, порожденное космической борьбой, и роковое желание выкинуть сумасбродное коленце...

Неожиданно, бросив косой взгляд через боковое окно, он узнал красный облачный покров родного Юпитера... «Не может быть, чтобы я уже был в своей Солнечной системе?! — оторопел Андрей. — Не может быть, чтобы в полчаса я покрыл обратный путь?!» И тем не менее, он стал сдерживать гигантскую инерцию машины.

Машина задрожала, заскрипели подозрительно срединные пазы, а сам пилот, не рассчитав силы задержки, чуть не раздробил базитированное стекло...

Юпитер махнул красным отблеском и остался позади; впереди очертились контуры долгожданной Земли... Андрей, поглаживая ушибленный череп, сосредоточил свое внимание на ней и вдруг заметил, что машина вышла из его повиновения... Она неслась в сторону — в направлении к снежно-облачной Венере...

— Дае-ошь... — выкрикнул Андрей начало своего лозунга и оборвал, в смущении почесывая шишку на лбу: психо-аккумуляторы разрядились вчистую; на задержку инерции машины израсходовалась вся энергия...

На борьбу с роковым притяжением ушли новые полчаса — время, затраченное на весь перелет, — и все-таки машина врезалась сначала в густой облачный покров, затем в воды безбрежного моря новой планеты.

Придя в себя и сосчитав прибыль в шишках на голове и в синяках на теле, Андрей кинулся к окну. Перед ним растянулось бурное море; грозовые тучи, изрыгая молнии, гром и проливные потоки дождя, низко нависли над вспененными волнами; нелепые животные кишели вокруг, колотясь о бок машины.

— Что ж? Это, в конце концов, интересно, — про себя отметил Андрей и, став к управленскому аппарату, с удовольствием узнал, что машина, если и не может плыть в сферах надводных, то свободно передвигается по его воле в самой массе кипящей воды.

Безбрежное море скоро отграничилось с одной стороны темной полосой берега. Андрей туда направил машину и, выбрав хорошо укрытую от ветров бухту, причалил к берегу.

Не без некоторого замешательства открывал он запотевшую дверку, чтобы выйти наружу, а открыв, не без явной радости убедился, что атмосфера новой планеты, хотя и горяча, хотя и напоминает собой пристройку к русской бане, где парятся купцы, все же для жизни человекообразного существа и даже самого человека вполне пригодна.

Берег был покрыт густой темно-зеленой растительностью, напомнившей Андрею каменноугольный лес палеозойской эры развития Земли. Под сводами его — мрачное безмолвие, изредка нарушаемое однообразным стрекотанием невидимого сверчка да глухими порывами влажного ветра. Солнце вообще, видимо, избегало заглядывать на тучно-облачную планету, и в связи с этим первобытный лес ее не знал ни пышного богатства красок, ни дивных ароматов; ни яркого цветка, ни пестрой бабочки, носящейся в поисках за медом, Андрей не встретил в мрачных зарослях. Зато безмолвный мир, населявший болотистую почву, давал себя знать на каждом шагу: прожорливые кузнечики, исполинские паукообразные, отвратительные тараканы — величиной с ладонь, ядовитые скорпионы и многоножки бесшумно скользили под ногами изумленного межпланетного бродяги, заставляя его совершать диковинные прыжки и чертыхаться ежеминутно. А когда из вонючего болота, раскинувшегося вдаль от подошвы лесистых холмов на целые мили, выползали ленивые, неуклюжие четвероногие: ящерицы величиной с крокодилов и быкоподобные лягушки с коротким, но отнюдь не ласковым ревом, которые приветствовали появление двуногого, — его изумление перешло за грани нормального.

В полном соответствии с этим диковинным животным миром находилось и растительное царство. Ни береза, ни дуб, ни клен не раскачивали своих верхушек в наполненном вешними ароматами воздухе. Воздух здесь был пропитан запахом гниющих деревьев и пресмыкающихся, а растительность представляла собой своеобразную, нигде на земном шаре не встречающуюся картину. Мохнатые стофутковые деревья с голым стволом, испещренным параллельными желобками и треугольными рубчиками, высоко вздымали свои пышные короны, напоминавшие щетку для прочистки лампового стекла. Восьмифутовые папоротники благосклонно простирали свои перистые листья над головой озиравшегося во все стороны, невиданного ими странного двуногого. Елкообразные хвощи глухо шуршали сорокафу-

товыми стволами, роняя на его одежду черных тараканов и бесцветных многоножек.

— Фу, черт! — вздохнул Андрей, более чем удовлетворившись всем виденным, и повернул обратно к морю — к оставленной в бухте машине. Его совсем не прельщала перспектива жизни на первобытной планете. Мысль о потерянной родине, о невозможности зарядить аккумуляторы, о вынужденном бездействии вдали от революционных событий, вдали от борющегося пролетариата земли, эта мысль и омрачала, и подхлестывала его энергию.

— Эх, где наша не пропадала! — выкрикнул он с молодым задором в черное месиво грозных туч.

II

КОМ-СА

(Записки профессора Зэнэля)

I.

ДВА НЕОБЫКНОВЕННЫХ ВИЗИТА

Вечер. Что-то не клеится сегодня моя работа. Нет настроения, и надежда на перемену его при мягком свете электрической лампочки не оправдалась.

В досадном раздумьи сижу за столом, механически грызу ручку пера, но ничего не выгрызается.

Жена и дети — в театре. Люблю, грешным делом, это время. Никто не мешает сосредоточиться; отдаться целиком плавному, спокойному течению творческой мысли: ни обычная суэта жены по хозяйству, ни шаловливые крики детей, ни хлопанье дверей, ничто не врывается диссонансом в работу напряженной мысли.

И все-таки — ничего не пишется. Не могу сосредоточиться, что-то мешает.

Бессознательно начинаю искать причину такого необыкновенного состояния.

Здоровье? — Желал бы я, чтобы все обладали моим здоровьем. Мне 45 лет, а я сохранил в полной мере и нормальные функции внутренних органов, и юношескую гибкость мышц, и свежесть ума. Нет, здоровье здесь не при чем.

Мой старый приятель доктор В. в подобных случаях говорит:

— Смотрите в желудочек, мой друг, в желудочек смотрите!..

Он все необъяснимые случаи дурного самочувствия ставит в связь с расстройством пищеварения. И большею частью бывает прав...

Но у меня-то желудок, что называется, подошву переварит и... ничего, ей-ей...

Ловлю себя на смутном ощущении, будто ожидаю чего-то или кого-то.

Нелепость! В этот вечер ко мне никто не заглянет: знают, что я за работой..

Может быть?.. Ерунда!.. Жена и дети — в театре, это два шага отсюда... Ерунда!.. И думать не хочу...

Но, надо сознаться, работе моей мешает какая-то странная напряженность нервной системы, — беспокойство, предчувствие, — сказала бы жена...

Нет, не предчувствие.

Вот что. Аналогичное состояние я испытываю, когда знаю, что про меня много говорят; например, перед лекцией на сенсационную тему, или скорей после нее, когда слушатели, пораженные гигантской картиной мироздания, картиной, нарисованной перед ними мною, расходятся по домам, долго удерживая в своем воображении образ блестящего лектора, т. е. меня. И вот тогда-то невидимые нити психо-энергии тянутся из всех концов города и сходятся в моем мозгу, порождая в нем смутный трепет, мешающий мне сосредоточиться...

Да-да. В этот вечер кто-то, какое-то многочисленное собрание долго и страстно занималось моей личностью; именно занималось, а не занимается... Потому что, пока я обдумывал все это, нелепое мое беспокойство, мешающее работе, исчезло. Ясность мысли и подчиненность ее моей, только моей, воле вернулась.

Следовательно: работать! Работать с удвоенной энергией, чтобы наверстать потерянное время...

Интересно, однако, что это было за собрание?

.

Звонок...

— Профессор Зэнэль дома?

— К вашим услугам, собственной персоной...

Даже сердце заняло в приятной истоме: давненько не приходилось видеть ничего подобного. Входят двое — никак иначе не могу назвать — двое чистой крови джентльменов: в черных фраках, блестящих цилиндрах, в лайковых перчатках... Сразу видно — люди высшей породы!..

Проводил в кабинет.

— Прошу садиться.

— Благодарны. Мы на минутку... Вы, действительно, проф. Зэнэль? — спросил тот, кто имел четырехугольный подбородок и монументальный рост.

— Странное дело! Зачел бы я стал притворяться под проф. Зэнэля?!

Стою у стола. Неприятно, что посетители не сели.

Квадратный подбородок, поколебавшись совсем немного, спрашивает:

— Можем мы просить вас показать свое удостоверение личности?..

Ей-ей, это мне нравится!.. Пришли неизвестные, не назвались; вид имеют, будто только что из Америки; иностранный акцент и... спрашивают удостоверение?!..

Улыбнулся, говорю:

— Разрешите раньше узнать: с кем имею приятность беседовать?

— Для вас это безразлично! — оборвал, как топором рубанул, четырехугольный и, ожидая поддержки, взглянул на своего компаньона, в противность ему рост имевшего низенький, подбородок острый и нос пуговкой.

— Да-да... Совершенно безразлично... — как автомат подтвердила пуговка.

Люблю экстраординарность, но в рамках приличия.

— Позвольте, — начал я, желая показать, с кем они имеют дело.

Четырехугольный (высшая порода?!) опять резко перебил:

— Желаете вы заработать 2.000 фунтов стерлингов?..

Что касается финансового вопроса и астрономических цифр, я всегда быстро с ними справлялся. И теперь безотчетно перевел стерлинги на червонцы. Получилось что-то очень приличное. Но я был оскорблен подходом и холодно ответил:

— Прежде всего, разрешите — ваши фамилии и что за работу вы мне предлагаете?

Первая часть моего вопроса осталась висеть в воздухе, на вторую последовал ответ (лучше бы он и не следовал), ответ, ошеломивший и породивший холодок в душе:

— Мы предлагаем вам сопровождать нас в экспедиции на Луну...

Очевидно, разговор предстоял длинный...

— Прошу присесть. — сказал я.

Пуговка присела, я тоже невольно опустил в кресло; четырехугольный продолжал стоять.

— Ну, так как же? Согласны вы на наши условия?..

Гм! гм! Вид у них будто серьезный и на мистификаторов они не похожи!.. Чертовщина!..

«Не психи ли?» — мелькнуло соображение.

Желая оттянуть время, чтобы прийти в себя, спросил:

— На чем же думаете летать, господа?..

Четырехугольный усмехнулся, усмехнулась и пуговка:

— На психо-машине...

Смеяться над собой я не позволю!

Должно быть, я побагровел, но сдержал гнев и произнес мягко:

— Можете убираться во всем чертям!..

Четырехугольный схватил цилиндр и метнулся к двери, говоря выражением своего лица:

— Дурак, от своего счастья отказывается!..

Признаться, — у меня неприятно захолонуло в душе! Я ведь не прочь был от стерлингов...

Пуговка вдруг обнаружила большую порывистость и энергию, поймала товарища за полу фрака.

— Постой, Джек, не волнуйся, — сказала она на чистом английском, — господин профессор думает, что мы его мистифицируем... Дай, я объясню...

Четырехугольный остановился, мрачно скрестив руки на груди, не глядя на меня.

Тихо начала пуговка, подыскивая слова:

— Совершенно верно, господин профессор, мы летим на психо-машине... И мы далеки от мысли... от мысли... как это по-русски? — обратилась она к четырехугольному.

Я насторожился. Дело принимало другой оборот:

— Пожалуйста, говорите по-английски, я понимаю...

— Ах, очень приятно! — обрадовалась пуговка и быстро зашебетала на своем родном языке. — Мы далеки от мы-

сли, г-н профессор, смеяться над вами... Мы использовали вашу чудную идею, изложенную в вашем чудном романе...

— Роман не мой и идея не моя, — возразил я.

— Знаем, знаем, — засмеялась пуговка, — мы ведь читали и предисловие к вашему роману... Ну, это все равно. Мы построили психо-машину и думаем теперь совершить путешествие на Луну...

— Тэ-экс... — нисколько не убежденный, протянул я.

— Нам необходимо в нашей экспедиции иметь опытного руководителя, знакомого с условиями жизни на Луне...

— Я не был на Луне и ничего не знаю, — ухватился я за хороший повод, чтобы отказаться от фантастического предложения.

— Г-н профессор, — застонала пуговка, — зачем такое недоверие? Неужели мы заслуживаем его?

Я очень мало расчувствовался и холодно отпарировал:

— Почему вы не хотите назвать себя? Кто вы такие?

Четырехугольный передернулся, пуговка жалобно продолжала:

— Г-н профессор, клянусь богом, мы вам откроем со временем наши фамилии, но в настоящий момент, клянусь богом, этого мы не можем сделать по соображениям... по соображениям известного порядка... Но, поверьте, мы так далеки от мысли сделать вам что-либо плохое.... неприятное...

— Цель вашей экспедиции? — крикнул я коротко.

— О, господи! — залебезила, стеная, пуговка. — Цель чисто научная! Научная и исследовательная... потом — экономическая... Мы думаем найти там (он показал на потолок) тяжелые металлы — вы понимаете? — и камни... да, камни.

— Вы храните в тайне вашу поездку? — спросил я с задней мыслью поймать посетителей и поймал.

— Да-да! Конечно, в тайне! Само собой разумеется, в тайне! — встрепенулась пуговка, очень довольная, что я так простодушно пошел им навстречу. — Только я да вот он знаем об экспедиции и обо всем, что связано с ней!

— А мне думается, — начал я, строго и внушительно глядя в глаза обоим посетителям, — что вас было целое соб-

рание, многочисленное собрание, которое час тому назад — скажу точно — в 8 часов вечера заседало и горячо обсуждало проект приглашения меня в экспедицию!..

Я не успел проверить эффекта, вызванного моей смелой информацией. В общем же эффект был таков:

Пуговка свалилась со стула от неловкого прыжка ко мне четырехугольного... Четырехугольный держал новенький, фатально блестящий маузер и тыкал им в мое лицо...

— Вы слишком много знаете и много хотите знать, милостивый государь, — орал он, продолжая слишком неосторожно потрясать револьвером. — Неважно, откуда вы узнали о нашем собрании, имевшем место час тому назад в Нью-Йорке... Предполагаю, что вы не имели никаких фактических данных, кроме какой-нибудь психо-комбинации, и просто намеревались смутить нас!..

Он был почти прав, черт возьми!

— Опустите ваш револьвер, — предложил я, — совсем лишнее тыкать им в нос...

Но четырехугольный не опускал вооруженной руки.

— Подождите. Успеете. Джон (это он к пуговке), дай господину профессору чек на 500 фунтов...

— Вот вам, г-н профессор, 500 фунтов. Это аванс. Остальные вы получите завтра в это же время, перед посадкой в машину. Надеюсь, вы теперь не откажетесь следовать с нами?

Чек я машинально опустил в карман: проклятый револьвер не давал возможности ясно мыслить; ведь он мог и выстрелить!.. ...

— Да-да, я согласен, — насколько можно твердо произнес я. — Но опустите ваш револьвер!..

Ах, какой упрямый этот Джек, он же — четырехугольный!..

— Нет. Вы раньше дайте честное слово джентльмена, что не вздумаете увильнуть от экспедиции, не вздумаете приглашать властей, и завтра, ровно к 9 часам вечера, будете готовы к поездке... Даете в этом слово?..

Милый способ — из-под дула револьвера вырывать согласие, да еще закрепленное словом, но пришлось на все

согласиться: ведь у меня жена, дети, а этот проклятый четырехугольный обрубок способен был на самый скверный поступок...

— Ну, вот и поладили, — миролюбиво закончил Джек, пряча маузер в карман. — Значит, завтра вы получите остальные деньги... Да, кстати, избави вас бог оказать нам какое-нибудь сопротивление! Тогда мы уже не к револьверу прибегнем, а к психо-магниту... Надеюсь, вам знакомо это средство?..

Теперь и Джон-пуговка — ехидно хихикал. «Постойте, бандиты», — озлился я.

— Не согласен! Не согласен! — ошеломил я их внезапным криком.

Те даже рты разинули.

Четырехугольный Джек процедил сквозь зубы: «Год-дэм!» (очень неприличное ругательство) и снова полез за револьвером. Пуговка- Джон тоже опустил руку в карман. Конечно, я поспешил объяснить, в чем заключалось мое несогласие:

— Две тысячи фунтов мало! Вы должны дать больше! Может быть, из этого треклятого путешествия не придется вернуться! У меня — семья...

— Ах, вот! — успокоились сразу милые гости. Джек презрительно уронил:

— Сколько вы хотите?

— Пять тысяч фунтов! И половину — сейчас!..

— Джон, напиши г-ну профессору чек на две тысячи...

И они ушли, заверив мне свое глубокое почтение... О, негодяи!..

.

Едва я успел, заперев дверь, вернуться в кабинет, — новый звонок... Оглянувшись: не забыли ли чего мои визитеры. Будто, нет.

Нехорошо, если это жена с детьми. Увидят меня, взволнованного, начнут расспрашивать, беспокоиться...

Славу богу, не жена. Два безузных юнца и спрашивают, конечно, меня.

Вот денечек выдался! Как нарочно, когда мне надо готовиться к серьезной лекции, прут визитеры да все из сорта самых необыкновенных.

Эти тоже начали оригинально. Я поспешил заверить:

— Профессора нет дома. Профессор ушел с 8 часов на лекцию и вернется только к 12. Зайдите, товарищи, завтра.

— Нет, вам надо его сегодня видеть, дело серьезное, — насупившись пробормотал старший из юнцов — с белокурыми вихрами, а младший — с острыми черными глазенками, ни слова не говоря, влез в переднюю, хладнокровно отгеснив меня дверью в угол, на плевательницу.

— Мы подождем, — решили они, комфортабельно усаживаясь почему-то на подоконнике, когда в передней стояло достаточно стульев.

— Ну и ждите на здоровье! — рассердился я, собираясь идти к себе в кабинет

— Подождите, подождите, товарищ, — соскочил вдруг младший, с черными глазенками. Он через открытую дверь увидел в столовой мой портрет.

— Это чей портрет-то? — подозрительно-недружелюбно спросил глазастый юнец.

— Что вам угодно? — вместо ответа резко спросил я.

Глазастый горячо обратился к вихрастому, совершенно игнорируя мое присутствие:

— Он (— это, значит, я), он врет... Он — сам профессор и есть... Вон под портретом его фамилия... А портрет его...

Ребята взяли меня в работу. Пришлось сознаться. Но, чтобы не затягивать визита, я не пригласил их в кабинет. Так, стоя в передней, мы и объяснились.

— От вас только что вышли два подозрительных субъекта... — начал вихрастый.

— От меня ничего подозрительного не выходило, — отвечал я, заинтригованный и смущенный. — Однако, кто вы сами-то?

— Два «господина» в цилиндрах, — продолжал вихрастый, будто и не слышал моего вопроса. — Они спустились в овраг (дом, в котором я жил, стоял на краю оврага) и оттуда вылетела странная штука, вроде большой сигары; вы-

летела и унеслась в небо...

— Какое отношение имеет это ко мне? — внутренне я оробел от такого сюрприза.

— А ведь цилиндры вышли от вас? — резонно мотивировал глазастый.

— Ну да, от вас, — подтвердил его товарищ.

— Ну так что же? — смешался немного я и рассердился. — Черт вас возьми! Что вам надо? И кто вы такие?

— Мы комсомольцы, — небрежно уронил вихрастый, поглощенный другой мыслью. — Кто эти господа-то? Контр-революцию, небось, затевают?..

Признаться, до сих пор я не думал о возможности таких планов у англичан (или американцев), посетивших меня. К Советской власти я вполне лоялен; с начала революции работаю в рядах советских ученых и совсем не желаю участвовать в каком-либо заговоре против власти, признанной мною. Это я и выразил, обеспокоенный, своим юным - визитерам.

— Вы — буржуа, — произнес старший, с видом знатока оглядывая обстановку моей квартиры.

— Конечно, буржуа, — отозвался и младший, бесцеремонно заглядывая в столовую.

— Вас ничего не стоит купить, — раздумчиво произнес первый, а второй поддакнул:

— Покажи вам стерлинги или доллары, и вы какую угодно власть предадите, не говоря уже о советской...

— Ах, черт вас дери! Сопляки вы этакие!.. Да если на вас наставляют револьвер и дают деньги, что остается делать?!..

Напрасно я погорячился. Не мог сдержаться, слишком меня взвинтили эти два визита. Ребята насторожились.

— Видишь, видишь! — сказал один другому, — так и есть! Эти цилиндры что-то затевают да и без него (кивок на меня) тут не обошлось...

— Слушайте, попадете вы в грязное дело! — тоном видавшего виды заключил вихрастый.

«У меня семья на плечах. Ну их к богу, эти стерлинги!..

Но что делать? Ведь цилиндры могут привести в исполнение свою угрозу?! Вот попал в переплет! Дернул меня черт

напечатать “Психо-машину”!..»

И я чистосердечно поведал ребятам все, взяв с них слово выручить меня из беды.

— Ого! На луну?! — гмыкнули комсомольцы. — Интересно. Мы думали: это только в романах пишется...

— Сколько они вам дали? — спросил более практичный вихрастый.

Я сказал.

— Дайте нам фунтов десять... Мы с вами полетим, завтра утром экипировку купим...

— Это же невозможно! — вскричал я. — Они и меня и вас расстреляют!..

Ребята сморщились презрительно и потрогали себя за карманы:

— Мы сами с усами!..

— Тогда как же вы проберетесь в машину? — сдался я.

— Это наше дело. «Фомку» купим. Они прилетят завтра, а машину, небось, опять оставят в овраге, мы в нее и заде-рем...

— Ну, действуйте, как хотите, — махнул я рукой, все более и более расстраиваясь.

Так как отдельного чека на десять фунтов у меня не было, я дал ребятам в бонах червонцев десять. И еще раз попросил — довольно упавшим голосом — выручать из беды.

— Ладно, — твердо отвечали они и, шмыгая по коври ногам, а глазами по обстановке, ушли.

Вот каша заварилась! Не расхлебать мне ее никогда!..

II

БЕСЕДА НА СКВЕРЕ

Остаток испорченного вечера, ночь и весь следующий день были проведены мною под знаком наисквернейшего самочувствия.

Нужно ли говорить, что подготовка к лекции, как и сама лекция, ясное дело, не состоялась.

Нужно ли говорить, что я, словно маятник, колебался между двумя крайними побуждениями. То хотел плюнуть на все и отдаться покорно предопределенной мне свыше судьбе, то хватал шапку и намеревался бежать в милицию, «Угроз» и даже... страшно сказать, в то учреждение, которое с первого дня своего славного существования наименованием своим всегда приводило в сотрясение все фибры моей души, не говоря о теле... Я хотел бежать в Чеку...

Шел 7-ой час вечера. До сих пор под предлогом научных занятий я скрывался от пронизательных глаз жены в своем кабинете. Метался из угла в угол. Придумывал выходы — один другого фантастичней... Время текло с чудовищной быстротой! Прав Эйнштейн, говоря об относительности понятия времени...

На исходе 7-го часа томительная горячка ожидания настолько разрослась, что заставила меня покинуть тесное мое заключение. Я не мог идти к семье и вышел на улицу.

Механически двигались ноги... Прохладный вечер освежил меня; ясней стало представляться мне мое близкое будущее... Ясней и еще более ужасней!..

До сих пор я как-то не думал о семье!.. Что будет с ней, когда я неожиданно и загадочно исчезну? Хорошо. Материально она обеспечена, но как отнесутся соответствующие власти к моему исчезновению и как их отношение отразится на семье?..

Новая мысль, словно раскаленная булавка, вонзилась в мозг, задела в нем какие-то центры и... ноги мои неожиданно повернули меня за угол... к той улице, на которой стояло вышеназванное мною учреждение.

Я решил: если число телеграфных столбов от последнего угла до учреждения будет четным, зайду и объясню все. В противном случае, — пройду мимо и предоставлю себя неизбежному року...

Однако, судьба решила иначе.

Десяток шагов оставалось мне до названного места, когда я услышал за собой шаги и голос:

— Не оборачивайтесь, товарищ профессор; за вами следят... Если вы идете в Чеку, проходите мимо... В Ленинский сквер... Там поговорим...

Затем меня обогнала фигура в кожаной куртке, в наглухо застегнутом шлеме, — длинная и юркая, — и, конечно, при револьвере. По всей вероятности, фигура соблюдала строгое инкогнито, но белокурый вихор из-под шлема разоблачал ее с первого взгляда. Это был «вихрастый» гость. Один из тех юных друзей, что посетили меня вчера.

Нужно сказать, что я сразу почувствовал необыкновенное облегчение и на душе такую легкость, будто добрая тона оттуда вывалилась.

Конечно, теперь у меня и мысли не зародилось зайти, когда я проходил Чеку.

В сквере на лавочке сидел «вихрастый»; на меня даже не глянул. Я опустился рядом, тоже стараясь не глядеть на него. Очевидно, так было нужно.

Придушенный и измененный голос из-под шлема:

— Вы шли в Чеку?

— Да... но... (я отвечал таким же голосом).

— Совершенно напрасно. Неужели вы думаете, что мы не сделали всего, что требуется обстоятельствами?

— Да, но... семья...

— Вы могли испортить все дело. За вами следят с самого утра по поручению «цилиндров»... А по поручению нашему за вашим шпиком тоже следят... уже из Чеки...

«Вихрастый» тихо-довольно засмеялся и потер с удовольствием руки:

— Знатное дело будет! Знаете, ведь это не шантаж! Мы действительно легим. У них есть машина...

Это называется «успокоил». Я даже привскочил на месте.

— Никуда не хочу лететь... — почти простонал я.

«Вихрастый» презрительно рассмеялся:

— Вы интеллигентный супчик (так и сказал!) и, конечно, мягкотелый... Смотрите, на вас лица нет, так извелись вы за один день. Что же будет с нами, когда мы полетим на Луну?

— Не хочу на Луну!.. — снова простонал я.

А «вихрастый», развивая свою мысль, продолжал:

— Сознайтесь, что вы долго колебались, прежде чем решиться на Чеку?.. Ну, конечно!.. Вы, может быть (презрительно) даже гадали на картах или на кофейной гуще.. Ха-ха-ха!..

Подумать только: такой сморчок, а как знает жизнь! Отдаю ему должное уважение.

— Нет, — сконфузился я, — я только столбы считал, если четное...

— Ха-ха-ха!.. Я так и думал! Не на гуще, так на столбах!.. Впрочем, шутки в сторону. Вы приготовились к путешествию? Мы, наверное, сначала полетим в Америку...

— Не хочу и в Америку...

— Так нужно, — строго сказал «вихрастый». — Не хнычьте. И вам, и вашей семье ничего плохого не сделается. А вот скажите-ка лучше: на вас можно положиться? Вы не разболтаете?

Естественно, что я обиделся и поэтому демонстративно повернулся к собеседнику спиной. Тот, однако, ничуть не смутился, даже напротив:

— Очень хорошо, что вы отвернулись... Так вот — чтобы вы были в курсе дела — слушайте, что я сегодня узнал: в Америке, 7 месяцев тому назад, один ученый... забыл фамилию... изобрел машину... психо-машину... Пожалуйста, не обольщайтесь насчет ее идеи... Машина была построенная, когда вашего романа в печатном виде не существовало...

Мне уже надоело отказываться от этого злосчастного романа и объяснять его происхождение: я промолчал.

— ...были первые опыты. После них скоростижимо скончался ученый... Ах, вот его фамилия: Никандри! — и загадочно исчезла его машина. Надо думать, что тут приложили свою руку государственные американские деятели... И, надо думать, что на этой самой машине мы с вами и полетим...

— Послушайте, — резко повернулся я, осененный такой простой и такой счастливой идеей.

«Вихрастый» зашипел кошкой:

— Отвернитесь! Сейчас же отвернитесь!.. Вон ваш шпик...

Мы немного переждали; сердце мое колотилось буйно-радостно. Потом я выложил свою идею:

— А почему бы вам, милый человек, не завладеть сегодня же вечером этой машиной? На кой черт лететь куда-то?..

— Э... э... товарищ профессор, — убил меня собеседник, — завладеть машиной не штука, нужно еще завладеть их планами!.. Вот для этого-то мы и полетим с вами...

Он вдруг встал и на ходу уже бросил:

— Ну, пора. Ступайте домой. К 9-ти часам будьте готовы. Ничего не бойтесь. Мы погрузимся раньше вас...

Очень императивно произнесены были последние слова, и мне ничего не оставалось, как беспрекословно повиноваться... Может быть, устами этого юнца говорит моя судьба?

III

ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Ровно в 9 часов вечера прозвучал энергичный звонок. Так же энергично отозвалось на него мое сердце. Дверь пошел открывать сам. (Жену и детей я заблаговременно усладил в кино).

Четырехугольный. Он же Джек. Руки в карманах, взгляд заостренный, движения осторожные, недоверчивые... Настоящий «Джек Потрошитель»!..

Первые его слова:

— Вы были в Чеке?..

— Никак нет-с, — отвечаю скорбно-иронически.

Бормочет:

— Мне показалось, что за нами следят... На всякий случай будьте уверены, г-н профессор, что если внизу раздастся выстрел — это Джон, мой камрад, будет стрелять, он остался внизу, — я пристрелю вас...

Мило, черт возьми, при чем тут я?..

Приглашаю в кабинет.

Подозрительно озираясь по сторонам, из карманов не вынимая рук, следует за иной. И чисто по-американски (люблю за ухватку).

— Вот вам остальные деньги. Берите свой чемодан... А это что? Письмо?..

Увидел на столе записку, оставленную мной в последнюю минуту на имя жены.

— Не разрешается? — спрашиваю.

— Прочтите вслух...

— Идите вы!.. Что, в самом деле, за издевательство?!..

Прыжок в мою сторону и — холодная сталь револьвера у носа...

Замечательно ловко! Никак не ожидал такого проворства от такого монумента!..

Пришлось огласить вслух содержание письма. Остался доволен и даже посоветовал сделать приписку относительно новых денег: очень предусмотрительный господин!..

Окинув грустно взглядом (может быть, последним взглядом) свой рабочий кабинет, книги, уютное кресло, письменный стол, последовал я за «Потрошителем», как агнец, ведомый на заклание.

Внизу, у парадного входа, к нам присоединилась пуговка — весьма озабоченная и насупленная:

— Джек, я отпустил «нашего». Правда, он больше не нужен?..

— Кто знает? Кто знает? — раздумчиво отвечал Джек. — Ну, да мы сами справимся, если что...

Наконец, он вынул обе руки из карманов. В одной оказался уже знакомый мне маузер, в другой — ручная граната. У пуговики обнаружилось то же.

Григорий (он же «вихрастый») и Михаил («глазастый») с 8 часов засели в овраге против моего дома,

У них было условлено (с кем надо), что если почему-либо не удастся забраться в машину или если произойдет нечаянная стычка с ее пассажирами, в несколько секунд, по их сигналу, овраг должен быть окружен чекистами и машина должна быть отобрана у «цилиндров». Тогда, конечно, и путешествие не состоялось бы.

Запережу: ни того, ни другого, к моему несчастью, не случилось...

Комсомольцам пришлось ожидать долго. Лишь в 9 часов без семи минут свистнуло в воздухе что-то и в овраг опустилась странная металлическая «штука» (очень мало похожая на сигару).

Ее размеры — в длину не меньше 13-ти метров (больше 8 человеческих ростов), а в ширину — около 3½ метров (2 человеческих роста). Ничего себе махина!..

Она, казалось, не имела ни окон, ни дверей и минуту-другую пребывала в полной неподвижности и безжизненности. Впрочем, не совсем: наверху ее осторожно двигалась, наклонялась в разные стороны труба; очевидно, слушательная.

Наконец, щелкнул ключ в передней части машины и там же откинулась наружу створка. Через нее — с револьверами в руках — вылезли два «цилиндра»: четырехугольный и пуговка.

Из-за кустов жимолости ребята зорко следили за всеми манипуляциями прибывших. Четырехугольный сейчас же ушел вперед, напряженно всматриваясь в спустившиеся на землю сумерки и туман. Пуговка задержался. Створку он просто прихлопнул, взявшись справа от нее за винт, — последнее не ускользнуло от наблюдателей.

Медленными, крадущимися шагами последовал пуговка за товарищем. То и дело останавливался и прислушивался.

Вылез из оврага, постоял немного на краю его и тоже исчез.

Ребята не знали, что пуговка дежурил у парадного крыльца моей квартиры; думали, что он остался сторожить на краю оврага. И все-таки решили действовать, рассчитав,

что если даже оставшийся обладает зрением филина, то на таком расстоянии, в таких туманных сумерках он вряд ли что рассмотрит.

Змеям подобные, выползли они из жимолости и благополучно — животом по осенней грязи — доползли до машины. Боялись одного, как бы не загромоздилась створка. Но она не загромоздилась. Лишь только Григорий («вихрастый») прикоснулся к винту и нажал на него, створка, сдерживаемая руками Михаила, мягко (гораздо мягче, чем у «цилиндров») открылась.

Преблагополучно захлопнули ее за собой и очутились в теплом, накуренном воздухе и в совершенной тьме. В потолке что-то шелестело и капало. Догадались, что это в трубе — усилитель звуков повторяет шелест листьев и капанье мелкого осеннего дождя.

Засветили на секунду электрический фонарь. Бегло осмотрели помещение. Увидали в полу кольцо. К нему. Но оно никак не поддавалось. А «фомкой» действовать не было времени. Озарили фонарем углы помещения. Заднюю часть его — хвост машины — отгораживали драпри: они раздвигались с середины, как театральные занавесы, и скрывали за собой койку.

Вынув из кобур револьверы, ребята стали за драпри, по бокам его, каждый прижавшись к стене.

Вскоре усилитель в потолке доложил о приближающихся шагах и о сдержанном разговоре.

Затем открылась створка, передним пропустив пуговку, за ним меня и четырехугольного.

Щелкнул штепсель, и внутренность машины залил матовый, но сильный свет.

— Ну, будет история! — похолодел я, сразу же заметив из-под драпри высунувшийся сапог. Невольно сомкнулись мои глаза, ожидая немедленных выстрелов и крови.

— Садитесь, профессор, — вместо этого услышал я «хозяйский» радушный голос Джека.

Я не заставил себя просить второй раз, в ту же секунду опустился в кресло, стоявшее около драпри, а во вторую секунду толкнул ногой предательский сапог — он, поняв

намек, моментально убрался.

— Джон, займи профессора, а я... — Джек кивнул на стул со стеклянными ножками, находившийся в самом носу машины.

— Вот знакомьтесь, профессор, — с места в карьер зашебетал Джон, указывая на переднюю часть машины.

— Видите вы над стулом систему металлических труб, замыкающихся в кольцо, которое теперь мой приятель надевает себе на голову? Это проводники психо-энергии. Не правда ли, немного не похоже на то, что изобразили вы в своем романе? О, мы не взяли целиком вашу идею! У вас граммофоноподобный аппарат, у нас трубы. Мы усовершенствовали вашу идею. У нас лучше: проще и легче... Смотрите, вот Джек надевает кольцо. К кольцу с обеих сторон идут проводники от аккумуляторов, где хранится психо-энергия. Ее мы собираем, по вашему способу, психо-магнитом — здесь мы ничего не усовершенствовали. Теперь. От передней выпуклости кольца тянется ординарный проводник, он выходит из машины и там распадается на целую сеть более мелких — по диаметру — проводников; последние окутывают снаружи всю оболочку машины... Забудьте, у вас этого не было!..

Между тем, Джек устроился на стуле, принял сосредоточенный вид и... вся громадная машина вдруг поднялась в воздух.

Через драпри я почувствовал дружеский толчок в бок и — могу дать голову на отсечение! — услышал довольное, самое ребяческое хмыканье!..

Нет, каково? Тут черт знает что творится! Летим неизвестно куда, а он хмыкает?! Да ведь, милый человек, если бы я не заставил тебя убрать вовремя твой нелепый корявый сапог, ты, может быть, лежал бы теперь в лужах крови пристреленный!.. Я на твоём месте до сих пор стоял бы ни жив, ни мертв, а он толкается и хмыкает?! Удивительное хладнокровие, или... ну да уж ладно!..

А Джон продолжал:

— Теперь вы знакомы с незамысловатым механизмом нашей машины, а вот каково управление ею: Джек полу-

чает через кольцо непрерывный ток психо-энергии; проходя через его голову, она концентрируется им на мысли «подняться в воздух» и «лететь к такому-то-месту». Концентрированная таким образом энергия по переднему проводнику выходит из головы, распространяется через наружную сеть вокруг всей машины, и... машина поднимается и летит куда надо!.. Ха— ха-ха!.. Здорово?

Да. Мы летим. Это факт, против которого не попрешь. И я смирился бы... если бы с нами не летели эти глупые ребята!..

Там, у себя дома, меня, действительно, успокаивала мысль, что со мной длинное путешествие разделят верные и важные друзья. Здесь же, видя, как безрассудно и нелепо устроились они, я готов был отдать все, что угодно, лишь бы не иметь с собой милых друзей...

Джон открыл боковое — во всю стену — окно и потушил электричество. Внизу замелькали с сумасшедшей быстротой огоньки электрических фонарей и в то же время стало заметно рассветать...

— Мы летим с востока на запад, — сказал Джон, — следовательно, догоняем солнце. Скоро станет совсем светло.

— Какова же наша скорость? — спросил я, глубоко пораженный неожиданным рассветом.

— Пятьсот километров в минуту.

— О!..

— Да. Но это мало, очень мало, — сказал грустно мой собеседник, — вы в своем романе...

— ...Роман не мой...

— Ну, все равно. Вы там показываете скорость, превосходящую скорость света, т. е. больше 300.000 километров в секунду. Мы не знаем, как этого достичь. Да и достигим ли это? Ведь наука говорит, что быстрее света нет ничего... Но нам и не нужно такой скорости. Нам нужно совсем немного повысить свою скорость — до 654 километров в минуту...

— Ага, — догадался я, — вы, значит, все-таки имеете намерение лететь на Луну?..

Скажу в скобках: дело в том, что для того, чтобы справиться с силой тяготения Земли, желающим покинуть эту юдоль, необходимо иметь начальную скорость не меньше 10.900 метров в секунду, т. е. 654 километра в минуту, иначе их не отпустит тяготение.

— Да, мы должны быть на Луне во что бы то ни стало, — печально сказал Джон.

— Значит, в настоящее время вы не имеете возможности лететь туда? — воспрянув духом, спросил л.

— Не имеем, — согласился Джон, но прибавил загадочно, — все-таки мы будем ее иметь. Может быть, уже имеем...

От последних слов у меня по спине побежали мурашки... Что он хочет сказать?..

А тут еще мой сосед за драпри ведет себя самым неприличным образом: сопит, толкается, шевелится над моей головой — очевидно, вместе с нами желает наблюдать через щель драпри ночные виды... Экий неугомонный!..

Я нашел еще одно место, могущее быть уязвимым в нашей машине:

— Вы знаете, — сказал я, — что скорость в 654 километра требует особенно огнеупорной и даже совсем ненагревающейся оболочки, иначе, когда мы будем проходить через земную атмосферу, от трения с ней машина может вспыхнуть и сгореть, как это происходит с метеорами...

— О, на этот счет не беспокойтесь! Это совершенно новый сплав. — Джон потрогал рукой обшивку машины.

Окончательно рассвело, только не в моей душе. Показалось солнце и оно всходило с запада на восток (!)...

Внизу расстилалась широко водная поверхность.

— Атлантический океан, — пояснил мой собеседник.

— А берег?

— Америка... Вон Нью-Йорк, мы туда через 20 минут спустимся...

Я опять получил дружеский толчок через драпри и тогда догадался, что это не кто иной, как «вихрастый». Он был прав, этот юнец, говоря, что мы сначала посетим Америку.

Но цель, цель?..

IV

НЬЮ-ЙОРК

Я никогда не был в Америке и, надеюсь, никогда больше не буду.

Кто говорит, что Нью-Йорк — не город, а чудо? Чудо техники, чудо архитектуры, культуры и пр. и пр.? Кто это говорит? — Не верьте. Своими глазами видел: ничего подобного и ничего особенного!..

Когда находишься в воздухе на высоте двух тысяч метров, то Нью-Йорк прежде всего остров, вытянутый с запада на восток и занимающий в длину, без окрестностей, около 180 километров.

С высоты 500 метров он уже раздроблен на сотни островов и островков, — будто не отделился от общего материка, а упал с неба и при падении разлетелся на кусочки; — изрезан лентами рек и зигзагами заливов; оцеплен, опоясан, пересечен бесчисленными наземными и подземными железными дорогами; окутан клубами дыма и тумана, заполнен грохотом стали, железа, чугуна, воем гудков, сирен, звонков и людей.

Вот вам первое впечатление; самое беспристрастное и при том, как видите, самое невыгодное. Отмечу только, чтобы оставаться до конца беспристрастным, что меня немного поразило с упомянутой высоты в виде этого современного Вавилона, как его называют.

Реки его буквально кишат лодками, шлюпками, катерами и парусниками; заливы — яхтами, торговыми и пассажирскими судами, военными кораблями и даже дредноутами, этими гигантами из гигантов морского сообщения. В воздухе над городом то и дело носятся быстроходные самолеты и изредка дирижабли. Вот и все. Какое же тут «чудо» техники и архитектуры?.. А уж о пресловутой культуре и говорить не хочу.

С высоты 20-этажного дома, куда опустились мы после слишком часового пребывания в воздухе, я, к сожалению,

уже ничего больше не видел, кроме бесконечных фабричных труб, крыш небоскребов да рекламных объявлений (кому они здесь, на крышах нужны? разве птицам?) Зато стук, лязг, вой здесь превратились в сплошной стон, неприятно действовавший на нервы.

Мы опустились на крышу. Причем, еще будучи на порядочной высоте, наша машина внезапно приобрела крылья — это пуговка-Джон где-то нажал пружину.

Последнее приобретение нашего Пегаса носило явно бутафорский характер. Оно нам совершенно не оказывало никакой пользы, кроме разве одной: не привлекать странным видом «сигары» лишнего внимания. И этого мы достигли в полной степени: окрылившись, наш экипаж издавна мало чем отличался от простого аэроплана.

Четырехугольный Джек слез со своего управленского стула заметно истощенный и бледный.

— Ты очень ослаб? — встревожился Джон.

— О, нет, ничего, — проямлил Джек, слегка пошатываясь и проводя рукой по мокрому лбу. — Разве только спать сильно хочется.

— Этого нельзя! Этого нельзя!.. Ведь нам необходимо сию же минуту идти на собрание...

— Знаю, — недовольно пробурчал Джек. — Приму ванну, все пройдет...

Я внутренне содрогнулся. Подумать только: под управлением такого пилота мы должны будем лететь на Луну?! Ведь до Луны круглым счетом 380.000 километров — девять земных окружностей! А он и одной трети окружности этой не пролетел и уже никуда не годится! Нужен особо мощный интеллект и выдающееся умение концентрировать внимание, чтобы рискнуть на столь фантастический перелет!

Джек справился немного со своей слабостью:

— Вы тут побудете минут двадцать, — сказал он мне. — Не вздумайте удирать — пуля в лоб и никаких гвоздей...

Что ему ответить на столь наглое и циничное заявление? Я смолчал.

Пуговка опустил металлические шторы окна, — мы остались при электричестве, — и кинул острый взгляд на обесиленного Джека:

— Г-н профессор, — сказал он, — по всей вероятности, вы потребуетесь не так скоро, как предполагает мой камрад: ему нужно изрядно отдохнуть...

— Ну что там!.. — отозвался угрюмый Джек.

— Да-да, ты должен, я вижу, как следует отдохнуть. И вы используете это же время для отдыха. Вот здесь имеется койка...

Пуговка направился к драпри.

— Хорошо, хорошо, не беспокойтесь! — почти что закричал я.

Но ему очень хотелось показать мне койку и, продолжая приглашать меня, он вошел за драпри...

Джек мотался на ногах, пяля отяжелевшие веки и ничего не подозревая.

У меня руки и ноги отнялись от одной мысли, что должно сейчас произойти. Муть поднялась из живота и перед глазами запрыгали фиолетовые круги. Вот она, катастрофа!

Но... пуговка спокойно звал меня, и, пересиливая дурноту, я принужден был откликнуться на приглашение. Не смея глядеть по сторонам, чувствуя, как подгибаются ноги, я раздвинул драпри.

— Ого! — воскликнул Джон, и я готов был рухнуть на пол, думая, что он заметил ребят...

Нет, это восклицание относилось ко мне.

— Ого! Как вы ослабли! Вам непременно надо соснуть. Вот здесь в шкапу вы найдете чистое белье... Пожалуйста, ложитесь сейчас же...

Он непринужденно держал себя, вертелся от шкапа ко мне и обратно: не заметить присутствия незваных гостей он не мог... и я робко осмотрелся.

Ребят за драпри не было.

— Раздевайтесь и ложитесь, — увещевал меня Джон, видя мою остоленность и приписывая ее действию бессонницы. — Сейчас, сейчас идем, — повернулся он к нетерпеливому своему другу. — Ну, до скорого свидания, профес-

сор; пожалуйста, спите; восстанавливайте силы. Они нам скоро понадобятся.

— Не вздумайте улизнуть, — снова предупредил меня упрямый Джек, хотя язык его ворочался, как мешалка в тесте.

И приятели ушли.

Я машинально опустился на койку в абсолютной растерянности.

Усилитель звуков в потолке доложил об удаляющихся шагах и о мерной поступи вокруг машины: очевидно, ко мне приставили сторожа.

Итак, я один...

Неужели тот корявый сапог, который я так своевременно попросил убрать, неужели и толчки, и хмыканье, и движения за драпри, неужели все это было обманом слуха и зрения? Измышлением развращенных органов чувств?

Я не знал, что думать. Во всяком случае, я почувствовал себя сразу одиноким и несчастным, лишившись друзей. Если даже они были плодом моего больного воображения, пускай продолжалась бы эта иллюзия; она давала мне бодрость!..

Не знаю, сколько времени просидел я в состоянии полнейшей прострации и унылого окаменения до того момента, когда услышал вдруг мягкий храп непосредственно под собой.

«Новая галлюцинация», — подумал я безнадежно.

Но храп повторился, аккомпанируемый мелодичным присвистом.

Чтобы отогнать от себя соблазнительные, галлюцинаторные звуки, — только для этого! — я приподнял край одеяла и заглянул под кровать.

Силы небесные!

Мирно обнявшись, словно наигравшиеся котята, спали там мои верные спутники. Рядом с ними лежало и их оружие.

Вот что значит простая, здоровая натура! Вот что значит не иметь интеллигентской расхлябанности! Только теперь я понял, насколько жизнеспособен и крепок тот слой

общества, представителями которого являлись мои юные друзья!..

Должно быть, в избытке нахлынувших на меня чувств, я интенсивно задышал; может быть, даже запыхтел изрядно, едва справляясь с истерическим радостным спазмом глотки. Вихрастый Гришка проснулся, вытаращил глаза на мою склоненную голову и вдруг выкатился из-под кровати, не забыв, однако, зацепить с собой револьвер. С другой стороны тем же порядком выкатился его друг.

Они немедленно сунули носы за драпир и успокоились.

— Где мы?

Я сказал.

— Ушли цилиндры?

— Да.

Сладко потягиваясь, вихрастый резюмировал:

— Жрать сильно хочется. Здорово мы поспали; а вы?

И не дожидаясь ответа, а я совсем не мог говорить по причине душившего меня волнения, он полез в один шкаф, в другой и, наконец, нашел, что искал.

— Хотите? — мне предложили бутерброд.

Я и есть не мог; только головой замотал.

— Эка вы развинтились, — заметил вихрастый. — Ну, что нового узнали?.. Мы послушали, послушали, — ни черта по-ихнему не понимаем, да и решили окунуться под кровать, а то ноги здорово замозжили.

— Пускай он спать ляжет, — с набитым ртом произнес младший юнец, указывая на меня.

— И то. Ложитесь-ка вы, а мы покараулим... А хорошую штуку они смастерили (кивок на потолок). Около нас, значит, дежурство есть?.. Забыли, должно, привернуть, или как там?..

Вихрастый подставил стул и полез к трубе:

— Во, Мишк, послушай, как город гудит!..

Ребята до всех тонкостей обследовали машину. Потрогали, покрутили всюду, где можно было покрутить. Посидели по очереди на стуле со стеклянными ножками; поинтересовались: как управлять машиной?

Я удовлетворил их любознательность.

— А вы можете? — спросили они меня.

До сих пор мне как-то не думалось об этом. Теперь же, при их вопросе, я сорвался с койки с блеснувшей в голове отчаянно удачной мыслью, как мне казалось.

Но пришлось остыть.

Джек вынул самую необходимую часть психо-аккумуляторов, и машина не могла лететь.

— Пр-проклятие! — вместо меня прорычал вихрастый, догадавшись о моих разбитых планах и, посмеиваясь, присовокупил:

— Дрыхнули бы вы лучше, старина!..

V

ГЛУПЕЙШЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Я отлично успел выспаться задолго до прихода цилиндров. Выспаться, собраться с мыслями и обдумать ситуацию.

— Ситуация наша неопределенно-туманная, — сказали мои юные друзья, очень удачно выразив в этих словах наши действительно не весьма четкие перспективы.

Все-таки развинченность моя несколько умерилась; не настолько, впрочем, чтобы я, подобно ребятам, стал предаваться радужным мечтаниям.

А они так солидно освоились с новым положением, будто здесь родились и выросли. Никакие мои увещевания относительно полной непригодности данной обстановки для игры в чехарду, для громкого пения грузинских (и каких бы то ни было) песен, для борьбы и других милых развлечений, никакие мои увещевания на сей счет не действовали. Словно взбесились ребята!

Едва-едва успели они привести в порядок комнату: поставить на место разбросанные и опрокинутые стулья, на столе ликвидировать несколько хаос; едва успели занять свое убежище под кроватью, створка скрипнула и появил-

ся четырехугольный.

— А! Очень хорошо. Я вижу, вы уже отдохнули, профессор? Тогда идемте скорей...

— Разрешите узнать: куда? — поднялся я навстречу. На этот раз он был более корректен и сообщителен:

— Будет небольшое собрание. Мы обсудим вместе некоторые детали предстоящего путешествия. Ждут ваших ценных указаний.

— Надеюсь, — спросил я с иронией, — надеюсь, теперь никто не будет тыкать мне револьвером в нос?

— О, на этот счет будьте спокойны, — четырехугольный немного смутился. — Забудьте то, что было. В стране варваров мы действовали по-варварски, здесь же — культурное государство.

— Гм... Почему же вы не обошлись силами своего «культурного государства», а полезли к варварам? — пробормотал я.

— Мы не причисляем вас к варварам, г-н профессор, — поспешил заверить меня четырехугольный. — Вы исключение. Вам более приличествует жить и работать среди нас.

— Вы очень любезны, — отпарировал я. — Однако разрешите поблагодарить нас: свои варвары мне более по душе, чем чужие «культуроносители»...

...Вроде вас, хотел я добавить и еще кое-что, но счел лучшим воздержаться. И хорошо сделал: мало ли чего можно наговорить вредного для себя в приливе патриотических чувств?!

Мы вышли.

Крыша, куда опустилась наша машина, представляла собой хорошенький садик — с павильонами, беседками и фонтанами.

Стоял чудный прохладный вечер. После душного, насквозь про-куренного воздуха моей летучей темницы, грудь с наслаждением вдыхала свежесть вечера и аромат цветов.

На главной аллее садика нас встретил пуговка. Он мило раскланялся, но не пошел с нами, а направился к машине. Через минуту я услышал ее взлет.

— Скажите, — обратился я к Джеку, естественно обеспокоенный, — надеюсь, машина не навсегда улетает? Я ее увижу еще?

— Конечно, конечно, — успокоил меня Джек, удивленный проявленной мною привязанностью к летучей темнице.

Я объяснил:

— Там осталась моя записная книжка.. (Это правда, но, разумеется, мотивы к моему беспокойству крылись в другом).

— Будьте уверены, никто ее не тронет. Мой приятель повел машину в ангар... Нужно запастись провизией, заменить аппараты, регулирующие воздух, и поставить свежие аккумуляторы. Кроме того, нужна еще одна койка...

— Ой!..

— Что с вами?

— Ничего, ничего... В ногу кольнуло — проклятый ревматизм!.. Вы говорите, «койка»? Но где же ее поставить? Там тесно!

— Мы поставим ее рядом с прежней. В тесноте да не в обиде... Ха-ха-ха. Так, кажется, у вас говорят, профессор?

Так-то так, но постановка новой койки мне совершенно не нравилась. Станут передвигать старую и... Эх, ребята, ребята, сколько вы мне причиняете волнений!..

Лифт опустил нас на десятый этаж. Мы вошли в чью-то квартиру и, пройдя длинный ряд роскошно убранных комнат, попали, наконец, в небольшой зал, где заседали около 20 человек, — люди весьма почтенных лет; среди них преобладали лысины и носы с толстыми лупообразными очками.

При нашем появлении весь зал, как один человек, встал, храня величавое молчание. На меня устремилось пар сорок с лишним глаз.

— Это они вас приветствуют, — шепнул мне Джек.

Я раскланялся, немало смущенный столь торжественным и совершенно не по моим заслугам приемом, и остановился около кафедры в некоторой неловкости. Мне сейчас же поставили стул.

— Милостивые государи! — пышно возгласил председательствующий — длинный человек, похожий на цаплю по своему росту, по непомерно большому носу и единственному во всей голове клоку волос на затылке.

— Милостивые государи! Мы имеем необыкновенное счастье лицезреть, наконец, перед собой знаменитого мирового ученого (ого! перестарался. *В. З.*), величину первого разряда, высокочтимого профессора Зенеля, который милостиво изъявил свое любезное согласие (под револьвером! *В. З.*) следовать вместе с мистером Джексон и мистером Джонсоном (ах, вот их фамилии?! — знаю, знаю: знаменитые авантюристы. *В. З.*), следовать и руководить экспедицией на Луну. Я не буду распространяться о цели этого путешествия. Надеюсь, она всем вам хорошо известна...

— Позвольте, — пробормотал я, — но мне-то она мало известна. Я был бы вам отменно признателен, если бы получил небольшую на сей счет информацию.

Цаплеобразный председатель, подобно птице, на которую был похож, в недоумении склонил свой клюв в сторону мою и моего спутника:

— Разве мистер Джонсон и мистер Джексон не поведали вам о целях экспедиции?..

Мистер Джексон (четыреугольный) поперхнулся:

— Да, но...

Откуда-то выпорхнул пуговка и залепетал:

— Там, в России обстановка была такова, что мы боялись сколько-нибудь подробно говорить о целях. Со всех сторон мы были окружены большевистскими агентами — «чекистами», — если изволите знать. Мы даже не имели уверенности, что этих агентов не окажется в квартире досточтимого профессора. Вот как дело обстояло!.. Поэтому нам пришлось ограничиться одними намеками об экономической и политической стороне экспедиции.

Я широко раскрыл глаза: удивительно нагло лгал этот господин.

— Позвольте, — сказал я, — вы о политической стороне, насколько мне помнится, даже не заикнулись!

— Вот видите, видите, — горячо встрепенулся пуговка, будто я не изобличить его хотел, а поддержать. — Видите, как мы должны были быть осторожными. Мы «даже не заикнулись», — профессор прав, — мы «даже не заикнулись». О, очень неблагоприятная была обстановка...

Председательствующий склонил клюв к собранию, подумал и изрек:

— Тогда я сейчас, с разрешения присутствующих, информирую г-на профессора.

— Считаю необходимым, — пробасил кто-то с задних рядов, — считаю необходимым, чтобы уважаемый профессор поведал нам сначала свое политическое «кредо».

— А! — сказал председатель — очень дельно!.. Что думает на этот счет собрание?

Собрание заволновалось, загудело, как рой шмелей, но ничего определенного не выразило.

Я сидел, как на иголках.

Председательствующий проголосовал внесенное предложение. Большинством голосов оно было принято.

— Итак, профессор, присутствующие выразили желание познакомиться с вашим политическим «кредо».

Любезность этих лысых и очкастых черепов была бесподобна. Кто дал им право исповедывать меня?! Разумеется, я молчал, едва сдерживал готовый разразиться гнев.

Пуговка, скорчив умильную гримасу и (негодяй!) зная слабое место в моем положении, прошептал мне в самое ухо:

— Вы получили, профессор, 5000 фунтов. Вы куплены, помните это.

Собрание, обнаруживая необычайный интерес к предстоящей исповеди, ждало. Председатель, видимо, желая облегчить мне первые шаги, внес новое предложение:

— Я думаю, милостивые государи, мы могли бы задать уважаемому профессору только один вопрос: «Как относится он к большевистской заразе?»

Председатель тонко выразил мысль, которая была у большинства на языке, и получил за это шумное одобрение...

— Итак, — спросил он, сияя, — ваше вышеозначенное отношение, г-н профессор?

Вот положение!.. Что я им могу сказать?! Отчаянно щекотливое положение!

Лгать я не умел. И я поведал собранию о своей полной лояльности к существующей в бывшей России власти.

Конечно, это им не понравилось.

— Лояльность — слово весьма неопределенное, — буркнул один.

— Вообще, это не ответ, — разочарованно произнес другой.

— Увертка и больше ничего! — просмаковал третий.

— Мы не удовлетворены, — сказал четвертый за всех.

Председатель жадно впитывал все эти возгласы; потом восстановил тишину:

— Ол райт! — воскликнул он (значит: все хорошо!). Мы поведаем г-ну профессору, в таком случае, лишь об одной цели, а из второй сделаем ему сюрприз. Согласно ли собрание?..

Череп, конечно, шумно одобрили изворотливость своего председателя; о моем же согласии никто и не поинтересовался.

И вот мне сообщили, — что первая — «даже, пожалуй, главная» цель экспедиции на Луну, это перевезти оттуда «часть драгоценных камней и металлов, которые, по сведениям, имеющимся у собрания, в громадном изобилии разбросаны по поверхности Луны».

Наивно и необидительно! Словно детский лепет!..

«....Перевезенные драгоценности пойдут в государственную казну на усиление мощи Штатов».

Чистая ерунда! Но я не стал возражать: бесцельно. Я надеялся на своих юных друзей, которые, судя по мирному поведению пуговки, во время перестановки коек не были открыты. Я надеялся, что мы, если вторая цель (и единственная, надо думать) будет направлена против нашего отечества, — мы-то сумеем ее ликвидировать!..

Цаплеобразный председатель перевернулся на одной ноге в сторону одиноко сидевшего на окне человека и резко крикнул ему:

— Роберт, готово ли все для опытов?

— Да, сэр, — ответил человек на окне и, проворно вскочив, вышел из зала.

Через две-три минуты в зал внесли аппарат, подобный тому, которым управлялась психо-машина: стул на стеклянных ножках, имеющий над собой металлическое кольцо с двумя боковыми проводниками, оканчивающимися в двух психо-аккумуляторах, и одним передним, свободным.

— Мистер Джексон, прошу вас! — председатель движением руки указал на стул.

Джексон — он же Джек, он же четырехугольный, он же бродяга и авантюрист, сел на стул и сунул голову в кольцо. Перед ним, на уровне свободно оканчивающегося проводника, на треножник положили фунтовую гирию.

Председатель пояснил:

— М-р Джексон будет концентрировать свое внимание на подъеме этой гири при помощи чистой психо-энергии...

Председатель был похож на балаганного фокусника, собирающе-ся дурачить публику.

Джексон понатужился. И, — представьте себе: гирия легко снялась с подставки и взмыла в воздух!..

Джексон посредством стеклянной палочки стал поднимать передний проводник: за его движением следовала гирия.

Я удивился, но не выразил этого на своем лице. В конце концов, ведь управляем же мы аэропланами без пилотов! И управляем, невзирая на расстояния, при помощи чистой энергии, при помощи радио-волн!..

— Довольно, — сказал председатель.

Гирия опустилась на подставку.

— Давайте двухфунтовик...

И этот так же легко поднялся на воздух.

Джексон смог повторить то же самое и со следующими гириями — вплоть до десятифунтовика. На большее его не хватило, и он побледневший и потный, как загнанная лошадь, покинул стул.

— Просим профессора занять оставленное м-ром Джексон место! — возгласил председатель.

Я с большой готовностью, — хотя и не понимая, для чего все это, — исполнил просьбу. Чрезвычайно интересно проверить мощь своего интеллекта.

Мое ожидание, что со мной повторят те же опыты, т. е. начиная с фунтовика, не оправдалось. Мне с первого же раза предложили поднять десятифунтовик (!)...

— Это уже слишком! — подумал я, сомневаясь в своих силах и, все-таки, опустил на стул.

И что же? Стоило только появиться в моем сознании соответствующему желанию, гиля легко порхнула в воздух...

Собрание замерло, а сам я почувствовал необыкновенное удовольствие, почти экстаз, от удачно выполненного эксперимента.

— Следующую! — приказал председатель. На треножник поставили... полупудовик.

Что они: смеяться, что ли, вздумали надо мной?!

Впрочем, попробуем. Может, удастся натянуть им носы.

Я очень мало напрягся, и... тяжелая гиля с большой легкостью отделилась от подставки...

Очевидно, никто не ожидал от меня такой прыти. Я уверен, что у всех захватило дыхание: было слышно, как у кого-то в ноздре дрожала тонкая-претонкая нота, а у потолка жужжали мухи.

— Следующую!..

На треножнике появился пудовик.

Почти с той же легкостью я швырнул его в воздух. Удивительно приятно чувствовать свою психическую мощь!.. Да разразят меня громы небесные, если я знал раньше свои силы!..

— Следующую!..

Треножник убрали, он не выдержал бы тяжести двухпудовика, который теперь поставили передо мной на скамейке.

Я очень спокойно направил проводник на него, сконцентрировал внимание, и вот взрыв бурных аплодисментов, под топот ног, под неистовые крики: «Гип-гип! Ура!»

— двухпудовик взмыл к потолку, как водородом наполненный баллон...

В азарте я ждал, что появится новое приказание:

— Следующую!..

Но оно не появилось. Собрание удовлетворилось виденным. Нужно отметить, справедливости ради, что встал со стула не только не утомленный, но даже несколько возбужденный.

— Господин профессор, — торжественно, как никогда, начал цапля на кафедре, едва-едва утихомирив разошедшийся зал, — с этого момента управление машиной, должествующей совершить полет на Луну, вверяется вам.

Так вот для чего производились эти опыты!.. Делалось, так сказать, мне испытание, экзамен?! Ах я, честолобивая тряпка!.. Нужно было сообразить немедленно, к чему все клонилось! Нужно было провалиться, с треском провалиться на этом подлом экзамене!.. Они «не имели той быстроходности, которая позволила бы их машине оторваться от земли»... и теперь они ее имеют!... О, прохвосты!.. О, культурная св... — впрочем, не буду умалять своего достоинства.

Но откуда они узнали о мощи моего интеллекта, когда я сам ничего не знал о ней?! Вот авантюристы, вот пройдохи!..

А председатель продолжал напыщенно:

— Главная цель нашего приглашения вас именно в том и заключалась, чтобы вверить вам управление машиной. Мы были уверены, что вы оправдаете наши надежды, и вы их блестяще оправдали... Теперь нас не страшит тяготение земли, которое служило единственной препоной к путешествию. Теперь мы уверены — оно будет бито при помощи неизмеримо, колоссально, чудовищно сильной головы нашего друга, нашего прекраснейшего ученого, имя которого история занесет в свои скрижали... Господа! — цаплеобразный председатель тряхнул носом и по носу скатилась слеза умиления. — Господа, предлагаю в честь вновь избранного начальника экспедиции... экспедиции, в судьбах которой заинтересовано человечество, пропеть национальный гимн!..

И собрание единодушно, хотя и весьма разногласно, проревело, провыло что-то из ряда вон выходящее, потрясая в воздухе сучковатыми палками, громокая в такт ногами и от напряжения наливаясь кровью...

Мне оставалось только раскланиваться.

Боже, как просто одурачить человека!...

VI

ЦЕЛЬ ЛУННОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ОТКРЫТА

Первым моим побуждением, когда я снова очутился в машине и когда препровождавший меня Джексон вышел, было узнать об участи ребяташек.

Только что замерли шаги в усилителе звуков, я кинулся за драпри. Там теперь стояли две койки. Под одной из них благополучно пребывал вихрастый, под другой — глазастый. Они не спали и сейчас же выползли на верх.

— Здорово, — сказал Гришка-вихрастый. — Теперь мы по-барски: у каждого отдельная квартира, а то больно тесно приходилось раньше...

— Признаться, мы думали, что вы нас продали, — откровенно заявил Миха, — смотрим вдруг: полетели; ну, значит, тово...

Я привык к откровенности своих друзей; пропустил мимо замечание Мишки и поинтересовался: благодаря какому доброму гению их не заметили во время перестановки коек?

— Без гениев обошлось! — отрезал Гришка. — Всюду-то вы видите гениев, а на свои силы никогда не надеетесь...

Он был прав, этот вихрастый мальчуган: скверная привычка полагаться на гениев, на судьбу, на счастье, на случаи и т. п. Сильно это подрывает силы и препятствует проявлению активной деятельности. Но что поделаешь: таким меня сделали воспитание и среда...

— Мы, значит, сами вроде как бы гении, — продолжал Гришка, — вон, видите, в потолке другая труба; она подзорная: все кругом, как на ладошке. Мы через нее и увидали, что несут вторую койку; значит, будет перестановка. На это время мы и трахнули на чердак...

Чердака никакого в машине не было; ребята так называли отделение для багажа, какое бывает в спальных железнодорожных вагонах. Туда действительно можно было «трахнуть», т. е. поместиться, загородившись кладью.

Теперь юнцы чего-то хитро переглядывались, однако помалкивали. Не дождавшись конца их переглядывания, я рассказал о результатах собрания и о второй цели экспедиции, которая так и осталась мне неизвестной.

Слушатели восхитились выпавшей мне ролью и снова переглянулись.

— Мих, показать, что ли? — спросил старший.

— А ну! — поощрил его второй.

— Вот, товарищ профессор, — Гришка извлек из кармана вскрытый конверт. — Мы это тут нашли: пуговка его при нас спрятал зачем-то в секретный ящик, а мы вынули... Только ни черта не понимаем: не про нас писано; а должно, важнецкое что-то, — он прищелкнул языком и фамильярно подмигнул мне.

— Он был вскрыт? — строго спросил я, беря конверт.

— А то как же! — быстро, подозрительно быстро согласились ребята, моргая глазами, а Гришка немедленно добавил с ехидством:

— Только если бы он и не был вскрыт, мы б его вскрыли, потому там, может, государственная тайна и контр-революция... Ну-ка?...

Я хотел отказаться от перлюстрации не адресованного ко мне письма, но, взглянув на конверт, заметил штемпель правительственной канцелярии Штатов. Это меняло дело.

Юнцы не ошиблись: письмо, действительно, содержало в себе государственную тайну и... открывало главную цель лунной экспедиции.

Я долго колебался, прежде чем огласить ее, а потом, сообразив, что она может заставить ребят лететь обратно, ог-

ласил:

...Предлагалось м-ру Джексону и м-ру Джонсону во время их пребывания на Луне использовать тот аппарат, что остался от ученого Никандри...

— Они его ухлопали, — вставил Гришка.

Письмо подтвердило его вставку.

...Сообщалось, что аппарат заряжен мозгом вышеупомянутого ученого. А так как этот мозг имел направление мыслей, прямо противоположное всяким правительствам, кроме советского, то и действовать он (аппарат) будет избирательно (последнее слово было подчеркнуто в оригинале)...

Предлагалось еще: во избежание несчастного случая, пустить аппарат в действие только в тот момент, когда территория Советского Союза будет прямо противоположна Луне...

Была еще указана цифра гонорара, ожидающего на земле исполнителей зверского плана; она в десятки раз превосходила сумму, полученную мной.

Вот я все.

Ребята очень мало поняли. Поняли лишь, что «контр-революция здесь есть и контр-революция размаха чертовского». Поняли, что в правительственном предписании скрывается нечто страшное для их отчизны.

И я им объяснил — мне эта штука была давно знакома:

— Аппарат — это психо-магнит, т. е. магнит, притягивающий к себе мировую психо-энергию (ею, между прочим, заряжаются наши аккумуляторы) и в этом своем виде не причиняющий вреда человечеству. А когда его заряжают чьим-либо мозгом, он начинает притягивать только психо-энергию той группы людей, того класса, к которому принадлежал обладатель мозга, и притягивает уже не в слабом, безопасном темпе, а в темпе, умерщвляющем моментально эту группу, этот класс...

— Значит, Никандри был советским работником или даже большевиком, — раскусили ребята, — и значит, от этих мерзавцев гибель грозит всей нашей партии и всем сочувствующим ей...

— Значит, так, — согласился я, — и поэтому необходимо отобрать машину у цилиндров, чтобы лишить их возможности пустить смертоносный аппарат в действие. Очевидно, с поверхности земли он бессилен причинить вред; для этого требуется отлететь на некоторое расстояние от нее...

— Поэтому предлагаю, — закончил я не без торжества, — сейчас же лететь на этой машине обратно! Я могу ею управлять...

— Дудки! — сказал Миха, сделав выразительный жест тремя пальцами, — никуда мы не улетим; в машине не все части налицо. Четырехугольный уволок самые главные, мы смотрели..

— И потому мы не можем лететь, — добавил более обстоятельный Гришка, — что нам нужно сначала завладеть этим самым смертоносным аппаратом (а где он? его здесь нет...), а то такую же машину они могут построить и второй раз...

У ребят была хорошая логика, и я молчаливо снял свое предложение.

Гришка, подумав, сказал еще:

— Да и вообще сначала нужно сбалансировать всю эту гнусь; или хотя бы пуговку с квадратом пустить в расход...

— Ну, это ваше дело, — отвечал я, — на такую «двойную бухгалтерию» я не способен...

— Вы очень малокровны, сударь, — съязвил Гришка.

— Кишечки тоненькие; не соответствуют, — ласково проворковал Мишка.

Эх, юнцы! Если бы вы были на собрании, где я демонстрировал мощь своего интеллекта, и если бы вы видели те орации, которые устраивались мне, вы, наверное, не говорили бы теперь столь неуважительных вещей заслуженному профессору!..

VII

ВЫЛЕЗАЙТЕ, РЕБЯТКИ, ВЫЛЕЗАЙТЕ!!

Утром назначен был отлет. Цилиндры (теперь они носили кепки, но я их буду называть по-прежнему) ровно в семь часов бережно внесли в машину квадратный — с кубический метр — ящик; очевидно, это был знаменитый смертоносный аппарат в упакованном виде.

Джексон вставил в аккумуляторы унесенные им части и закрыл усилитель в потолке.

— Ну, профессор, будем готовы к путешествию, — сказал он мне. Его лицо было мрачно.

— А если я откажусь от управления?..

Джексон намеревался вспылить, но подошел пуговка:

— Ну-ну, не надо бунтовать, — проговорил он добродушно и открыл шторы окна.

Кругом машины собралась вся та компания, которая присутствовала на собрании, и опять ею предводительствовал цаплеобразный человек. Он о чем-то горячо толковал, размахивая длинными руками и жестикулируя носом. Что-то, по обыкновению, напыщенное и воодушевляющее. Последнее, без сомнения, адресовалось к нам, но толстые стекла окна и предусмотрительно прикрытый усилитель в потолке не пропускали в машину звуков, и мы — я и два цилиндра — не чувствовали ни малейшего воодушевления; наоборот, скорее были склонны к унынию...

Цаплеобразный человек взмахнул в последний раз руками, будто собирался вместо нас упорхнуть в небо, но не упорхнул, а только раскрыл широко свой клюв. То же проделала и вся компания.

Джексон решил, что напутствующий митинг закончен, и опустил шторы.

— Ну, профессор, летим, — угрюмо проронил он.

— В самом деле, надо лететь, — печальным эхом отзывался его друг.

Кажется им, этим авантюристам, не особенно улыбались перспективы покинуть верную родную землю, променять осязательную синицу на призрачного журавля в небе.

Я уверен, что из всех пассажиров одни ребята чувствовали себя сносно и даже, пожалуй, радостно.

И я уже собирался предложить, воспользовавшись всеобщим унынием, выгодную для обеих сторон сделку, как четырехугольный пройдоха извлек из кармана маузер:

— Ну, садитесь же, профессор, мы вас очень просим!..

О, ехидное существо! Как он был ненавистен мне в эту минуту!..

Джонсон предупредительно открыл в носу машины оконце, и я опустился на стул, имея перед собой бледнолицую Луну в качестве того проблематичного журавля, которого предлагалось поймать.

С правого бока от меня находился аппарат, отмечающий высоту подъема, с левого — регистрирующий скорость. Сзади стоял Джексон с револьвером и любезно объяснял, как надо пользоваться обоими аппаратами. Штука немудреная, в особенности если принять во внимание револьвер.

Еще сказал Джексон:

— Нужно, чтобы наша начальная скорость, хотя бы на расстоянии 200 километров от Земли, дошла до 10,9 километров в секунду, иначе нам ни за что не преодолеть тяготения земли...

Последнее мне было известно, во всяком случае, лучше, чем ему. Сюда он мог бы и не соваться. Я быстро высчитал, какое ускорение потребуется делать в каждую секунду. Чудовищное, нужно сказать, ускорение...

— Держитесь, — нарочно по-русски сказал я, чтобы мое предупреждение дошло до ушей подкочечных обитателей.

И хотя цилиндры уцепились за специально для того предназначенные скобы, их оторвало и отбросило в конец машины, — настолько резок был наш прыжок в направлении к бледнолицей планете.

Неизъяснимо громадное удовольствие доставляло мне управление машиной, хотя оно было значительно труднее,

чем эксперименты с гирями: здесь приходилось порядочно напрягаться.

На расстоянии 200 километров от Земли скорость наша равнялась не 10,9 кил. в 1 сек., а целым 15 километрам. Я превзошел задание. Это значило, что если бы я продолжал держаться в ускорении хода той же прогрессии, то мы достигли бы Луны через 2-3 часа.

Однако уже через полчаса, на расстоянии от Земли в 36.000 километров, я почувствовал боль в висках и решил не напрягаться; ведь Луна от нас никуда не уйдет. Кроме того, интенсивное внимание к управлению не позволяло мне следить за подозрительным поведением моих спутников. И я постепенно, незаметно для них, уменьшил скорость до 700 километров в минуту; таким образом, наш перелет должен был бы занять семь-восемь часов.

Луна определенно увеличивалась с сокращением расстояния. Великолепную картину представляла собой ее поверхность с кратерами, горами, морями и пустынями. К сожалению, я не мог ей уделить должного внимания, ибо «приятели» мои очень скоро подняли сзади меня весьма недвусмысленную возню.

Предоставив движение машины ее инерции, я перевернулся на стуле...

Мистер Джексон и мистер Джонсон, распаковав ящик, устанавливали граммофоновидный аппарат, рупором направив его в заднее оконце над койками, прямоком к Земле...

Они не хотели ожидать прибытия на Луну.

.

Авантюристы не скоро заметили мою застывшую в немом ужасе физиономию, а заметив, усмехнулись.

— Ол райт? — сказал Джексон, подходя ко мне и бесцеремонно поворачивая меня на стуле.

Я вдруг обрел дар слова, я запротестовал: мне необходимо видеть Землю для регулирования движения и направ-

ления полета; я должен сидеть именно так, как сел... я...

— Ол райт, — снова сказал Джексон и, скорчив пре-паршиво-ехидную физиономию, разрешил мне наблюдать за Землей...

Земля вращалась вокруг оси, и скоро должен был наступить тот момент, когда территория союзных республик покажется в заднем оконце.

— Подождите, голубчики! Я вас заставлю прозевать этот момент, — мысленно пригрозил я и незаметно прибавил ход машины.

Через несколько минут мы попали в мертвую полосу, где силы притяжения Земли и Луны взаимно уравновесивались. Все предметы, в том числе и мои остервеневшие мучители, отделились от пола и повисли между ним и потолком (койки были привинчены к полу).

— Годдэм! — выругался Джексон, беспомощно паря посреди машины. — Скоро это кончится?..

— Не раньше, чем через час, — с невинной физиономией отвечал я, а в душе злорадствовал: воспользовавшись бессилием цилиндров, я почти остановил движение машины.

Но Джексон по скобам на потолке добрался до меня, взглянул на аппарат, отмечающий скорость, и рассвирепел:

— Тысяча чертей и две тысячи ведьм! Вы смеяться над нами вздумали?! Сейчас же ускорьте полет!...

Его приказание сопровождалось выразительным жестом к карману, — я машинально повиновался.

— Быстрее! Быстрее!..

Я довел скорость до 700 километров в минуту и решительно отказался:

— Больше не могу. Устал.

Должно быть, мой вид соответствовал моим словам. Джексон глянул мне в лицо:

— Черт с вами, отдыхайте.

Машина очутилась в сфере притяжения Луны. Восстановилось нормальное положение всех предметов. Мы опу-скались на Луну.

Одно меня утешало: Земля исчезла из заднего оконца. Она была где-то над нами.

Если бы только этот проклятый «четыреугольник» не был так настойчив и так изворотлив!..

Ведь он нашел выход и из этого положения! Он заставил меня повернуть машину так, чтобы Земля глядела в боковое окно. И авантюристы снова принялись за установку психо-магнита.

Земля смотрела на нас своим азиатским материком, но еще немного, и покажется наш Союз...

Для меня время текло невероятно быстро. Авантюристам же, наоборот, оно казалось страшно замедленным.

— Профессор, отлетим немного вправо, — вдруг предложил пуговка. — Не правда ли, Джек, мы можем не ожидать этой медлительной старушки Земли, а сами возьмем ту дистанцию и угол, с которых нам удобнее будет действовать?..

Джексон одобрил блестящую мысль достойного своего друга и приказал мне взять вправо, т. е. почти выйти из сферы притяжения Луны.

Мой истощенный мозг еле справился с новой задачей, но сделал это я без всякого колебания: ибо я решил действовать...

Я вспомнил, что ребята пели грузинские песни, следовательно, этот язык они знают. Что касается меня, то я знал добрый десяток всяких языков. Грузинский язык послужит мне для информации моих друзей; а в какой форме это сделать, чтобы не возбудить подозрения цилиндров, я уже придумал. Но сначала нужно обезвредить противника: ведь у каждого из них имеется по револьверу, и они не замедлят пустить их в действие. Поразмыслив немного, я справился и с этой задачей.

Пока цилиндры ползали на четвереньках вокруг магнита, плохо разбираясь в его устройстве, я быстро привел в исполнение осевшую на меня мысль: согнул передний проводник кольца, надетого на моей голове, и направил его на тот карман мистера Джексона, который оттопыривался под тяжестью револьвера...

О, это была пустяковая задача! Гораздо более легкая, чем с гирями.. Револьвер ловко улизнул от своего хозяина и плавно опустился, движимый током психо-энергии, на мягкую койку. С одинаковым успехом я проделал то же самое в с карманом м-ра Джонсона. Они ничего не заметили: так дьявольски сложен был механизм психо-магнита (смеюсь, конечно: он устроен весьма просто).

Ко второй части своего плана я приступил не без колебания и не без тяжелой внутренней борьбы.

Предварительно я опустил машину с наивозможной скоростью, чтобы в случае неудачи действие смертоносного аппарата ослабилось хоть расстоянием.

И вот срывающимся и нервным голосом я запел на грузинском языке:

«Слушайте, ребята, слушайте...
Цилиндры приводят в действие свой аппарат...
Они...»

— В чем дело? — резко прервал меня Джексон, подходя ко мне и в упор глядя. Очевидно, он опасался за целостность моего рассудка.

— Пою, — отвечал я, — национальную песню... Так легче управлять машиной... Понимаете: механизация происходит...

Четырехугольный взглянул мне и самые зрачки:

— Ну, пойте, — усмехнулся он и отошел.

Я еще прибавил ходу и снова запел:

«Слушайте, ребята, слушайте...
Вылезайте-ка из-под кроватей...
Я их обезоружил...
Их маузеры у вас на койках...
Только вы не стреляйте,
А то продырявите машину,
И мы погибнем...»

Получилась весьма занятная песенка; нет нужды, что белыми стихами. Мотив был тоже мой и мотив, смею уверить, недурненький. Положительно, я только теперь познаю самого себя!...

Мистеры ничего не подозревали. Да и что они могли подозревать в своей небесной безопасности?... Поглядывая искоса на меня и усмехаясь, они продолжали делать гнусное дело.

Мне пришлось повторить песню еще раз. — Уж не заснули ли ребята? — мелькнула страшная догадка.

Нет... Драпри, наконец, зашевелилось; одновременно у меня засосало под ложечкой и в разных других местах.

— Руки вверх!!! — громом, упавшим с безоблачного неба, прогремело приказание.

Жуткая и отрадная картина: моя юные друзья стояли с наганами в руках!...

Мистеры схватились за карманы, затем разинули рты, вытаращили глаза и замерли в позе неизъяснимого недоумения... Они были ошеломлены, подавлены, убиты... Они были похожи на безобразных павианов, которым только что обрубili хвосты; и вместе с тем на человека, которому из озорства кто-то плюнул в ухо...

Глазастый Миха, заметив рупорный аппарат, ногой разнес его в щепы.

Вихрастый скомандовал.

— Мишк, найди веревок! Свяжем этих господ!..

Момент этот чуть было не погубил их:

Как только Миха уклонился немного в сторону, — бомбой сорвался пуговка и вышиб из его руки револьвер.

Григорий устремился на помощь и прозевал выпад четырехугольного. Его наган тоже покатился на пол.

Теперь силы были далеко не равными: Миха еще кое-как отбивался от насевшего на него пуговки, а Григорий, оступившись, сразу угодил под живот четырехугольного монумента.

Забыв об управлении, забыв обо всем, забыв о том, что мне вот уже как 25 лет совершенно не приходилось участвовать в физической борьбе, я, со своими слабыми и неук-

люжими кулаками, коршуном (наверное, очень потешным) налетел на четырехугольного и... в следующую секунду тем же самым коршуном (еще более нелепым) понесся в обратном направлении, получив от гиганта Джека чудовищный толчок в грудь. При падении я ударился о стул, о проводники; что-то переломал, что-то скорежил... После чего стал с большой медленностью приходить в себя.

Мое неудавшееся вмешательство все-таки принесло Григорию небольшую пользу: он успел выбраться из-под противника. Теперь по полу катались два колеса, две пары, хрипя, изрыгая брань — на английском, грузинском и на русском языках, — нанося друг другу такие удары, от которых у меня заочно трещали скулы, а из глаз сыпались искры.

У первой пары силы были приблизительно равными. Постреленок Мишка ловко увертывался от объятий пуговки, походя издеваясь над ним, но «положить гунявого на обе лопатки» — в чем он беспрерывно клялся, сопровождая клятву неудобосказуемыми словами насчет бога, веры и прочего, — ему все-таки не удавалось... Со второй парой дело обстояло скверно; слишком уж монументален был один из противников.

Я отдышался и пришел в себя в той фазе борьбы, когда Григорий снова попал на низ. Джек одной рукой держал его за горло, другой шарил у себя за поясом, конечно, искал нож...

Боги! Какой это был омерзительный момент! Я, человек интеллекта, 45 лет проживший, в чистоте сохраняя свое человеческое достоинство, вдруг проникся первобытной кровожадностью, звериной свирепостью к человеку же, правда, к авантюристу и негодяю первой марки, но все-таки...

Да посудите сами: не мог же я допустить, чтобы на моих глазах зарезали славного мальчугана, как режут обычно поросят или кого бы то ни было?..

Около моих ног валялся револьвер... Судорожным рывком я схватил его...

Отвратительный Джек уже нащупал нож, уже скривился в окончательно отвратительную гримасу, долженствующую означать победную улыбку и... и... в этот самый миг я,

закрыв глаза, стиснув челюсти, побледнев, похолодев, всю свою шестипудовую тяжестью обрушился на его голову, действуя револьвером, как молотом... У меня нет твердой уверенности в том, что я не ревел, подобно разъяренному быку, нанося эти удары...

Когда я открыл глаза, обстановка резко изменилась: Джек с расковырянной «под картошку» (словечко Гришкино) головой недвижимый лежал у моих ног, а вихрастый юноша колотил револьвером пуговкину голову...

Как низко может человек пасть, поддавшись аффекту!..

Тут только я вспомнил о полете...

В боковые окна не было видно ни одной планеты, в заднее и переднее — также. Следовательно, Земля и Луна находились или под нами или над нами.

В оконце ударил ослепительно-яркий солнечный свет... Мы пронесли мимо Луны и теперь падали на Солнце...

Я бросился в механизм управления. Он был не годен, — так я его отделал своими боками. Стрелка скорости показывала 10.000 километров в минуту. И с каждой новой минутой цифра эта возрастала и возрастала под влиянием притяжения Солнца.

Через несколько минут скорость достигла 15.000 километров...

Взяв себя в руки, я осмотрел подробней изломанный механизм.

О, счастье! Не хватало только одного проводника, сокрушенного моей головой; второй проводник и второй аккумулятор, хотя и сильно помятые, могли отвечать своему назначению. Но, как я ни напрягался, мне удалось лишь немного сократить быстроту падения — до первой цифры — в 10.000 килм. в мин.

— Вы что-то хотели сказать, профессор? — обратился ко мне Григорий, нарушая тягостное молчание, в которое мы невольно погрузились.

Я сказал, как обстояло дело.

— Там очень тепло? — спросил Миха.

— За шесть тысяч градусов можно смело ручаться...

— О-о! Это значит, мы вконец расплавимся...

И все таки они не унывали, эти юнцы. Перспектива неизбежного падения на Солнце им казалась очень занимательной, во всяком случае, достойной оживленного обсуждения пополам с ерундой и вздором... О, беспечная молодежь!..

— Подберите слезы, старина! — ударил меня по плечу старший. — Неужели вы все десять суток намерены проплакать?!..

Юнец шутил: я и не думал плакать, но... было очень, очень тяжело на душе...

VIII

ПЛАНЕТА ВЕНЕРА

К концу второго дня падения, солнечный диск загородило какое-то круглое тело.

Тело могло быть или Венерой или Меркурием. По скорости его движения, по диаметру, я признал в нем первую планету.

К тому времени ребята кое-как починили поломанный механизм, и я, не дожидая конца солнечного затмения, поместился на поправленном стуле, чтобы попытаться удержать машину в поле тяготения Венеры. Мы решили, что гораздо приятнее шлепнуться на что-нибудь твердое, чем на газообразно-раскаленный лик влекущего нас к себе светила. Наше сознание определялось бытием: из двух зол мы выбирали меньшее.

Мне легко удался этот маневр, хотя никто его не ожидал, — машина продолжала падение, стала следовать за бегом Венеры. Таким образом, мы лишились солнечного света и приобрели мрак; тем не менее, мрак этот — вопреки всем законам физики — озарял наши сердца ярким светом... надежды, возможно ведь, что поверхность Венеры покрыта глубокими морями, и тогда наше стремительное падение может закончиться без катастрофы.

Следя за вращением стрелки в аппарате, измеряющем скорость, я отметил одно обстоятельство, заставившее меня столь же интенсивно возрадоваться, столь интенсивно я скорбел до этого: мне удалось и удавалось дальше замедлять чудовищную быстроту нашего падения; одним словом, я снова мог управлять машиной...

— Радуйтесь, ребята, радуйтесь. Судьба нам покровительствует. Мы теперь безопасно опустимся на Венеру...

— Хм... Опять он про судьбу, — недовольный, заворчал Григорий. — А как бы наша «судьба» отнеслась к нам, если бы мы не починили аппарата... Прямо-таки обидно становится, что он во всем видит судьбу, а мы остаемся ни при чем...

Который уже раз мне приходится отмечать полную обоснованность и справедливость жизненных взглядов малышей!.. И опять они правы!.. Если бы я находился единственным в этой глупой машине, конечно, мне никогда бы не пришло в голову заняться починкой, и я, несомненно, покончил бы свои жизненные расчеты в пылающем аде Солнца. А ведь ребята с первого же дня нашего падения с изумительной кропотливостью принялись за приведение в порядок исковерканного механизма... Конечно, они правы: судьба тут ни при чем. Мне приходится на склоне лет из-за их упрямой (стальной, сказал бы я) философии ломать свои крепко установившиеся взгляды...

Я забыл сказать, что наши пленники разгуливали свободно в машине, правда, со связанными за спиной руками. И вот с последними словами «вихрастого» к нам подошел четырехугольный Джек.

— Из малышей толк будет, — сказал он. — Если ваши большевики все такие, то я не удивляюсь, почему их партия так крепка и жизненна...

— Подумаешь, комплиментчик нашелся, — усмехнулся «вихрастый». — Мишк, скрутим ему потуже руки: когда заклятый враг рассыпается в любезностях, значит, готовит очередную пакость...

У «вихрастого» определенно был государственный ум. Руки «любезного» Джека, действительно, оказались плохо

связанными: он растянул узлы...

Еще часов десять пронеслись мы в направлении к «тучной планете» — так называл Венеру по причине ее облачности глазастый парнишка. В последние два часа я каждые десять минут умерял быстроту падения машины, и когда мы подходили к облачному покрову, наша скорость равнялась скорости быстроходного аэроплана, т. е. всего 6-7 километрам в минуту.

— Ну, друзья, настал решительный момент! — насколько возможно бодрей воскликнул я.

Ребята усмехнулись, заметив, что на самом деле я уже не так бодр, как хочу казаться.

Откровенно-то говоря, я и не чувствовал особой жизнерадостности: черт ее знает, эту Венеру! — Можно ли на нее положиться? Пригодна ли ее температура и атмосфера для пребывания на ней существа, подобного человеку?

Машина стала рвать тучные облака. Я управлял, ребята зорко следили в нижнее оконце, прикрыв, «чтоб не мешали», своих пленников к койкам.

Я сумел воочию убедиться в том, что знал раньше из книг: атмосфера Венеры больше чем в два раза превышала земную, хотя объему обе планеты почти равны. Это значило, что Венера значительно моложе Земли и находится в менее остывшем состоянии.

Я прорвал последний облачный покров. Через окно заструился слабый дневной свет.

— Вода! Вода! — завопили мои приятели.

Остановить стремительный бег машины мне не удалось.

— Много воды? — спросил я, не отрываясь от управления.

— Хватит! Целый океан!..

— Ну, держитесь крепче. Я направляю машину носом в воду...

Минут через пять мы носились по бурному морю, которое, казалось, не имело границ. Из черного неба сеял частый крупный дождь, барабания по верху машины...

Словами нельзя передать беспредельной радости, охватившей все мое существо, и я ее не передаю. Скажу одно: удивительно устроен человек — посади его в «пещь огненную», скажи ему, что он будет жить, и он станет радоваться своему существованию... Приблизительно в таком же положении могли находиться и мы: возможно ведь, что море представляло собой сплошной кипяток...

Ребята открыли все шторы и, сломя голову, перекидывались от одного окна к другому. Они скоро рассеяли мое мрачное предположение своими восклицаниями:

— Смотри, каракатица!

— А вон осьминог!

— А вот это — уже черти что, даже назвать не сумею!..

В кипятке, насколько я знал, не могли водиться выше-названные животные, даже включая сюда «черти что»...

Убедившись, что машине не грозит опасности от столкновения, я присоединился к ребятам.

Над поверхностью взволнованных вод было не особенно светло, — так, как бывает у нас в пасмурную погоду. Несмотря на свою близость к Солнцу (на 40 миллионов километров с лишком ближе, чем Земля), Венера мало получала солнечного света: его плохо пропускали объемистые, густые облака.

По характеру животных форм, по морской растительности, я с первого взгляда установил, в каком периоде развития находилась Венера. Придерживаясь земной терминологии, ее жизнь можно отнести к палеозойской эре развития Земли. Эта эра на Земле существовала, по одним авторам, 20 миллионов лет тому назад; по другим — 100 миллионов и больше.

Итак, мы окунулись в прошлое. Сколько возможностей из области разгадок до сих пор неразгаданного открылось предо мной. Мой страх перед неизвестным будущим, всякие опасения и предчувствия, все это отошло на задний план. Я с такой жадностью прильнул лицом к толстому стеклу, что вызвал на свою голову град насмешек от друзей.

— Стекло продавите, — сказал «вихрастый».

— Или нос расплющите, — поправил «глазастый».

И посыпали, и посыпали...

— Ладно, ладно, смейтесь! Смейтесь, юнцы! Вам не дано понять тех возвышенных чувств, которые буквально распирают теперь грудь и мозг ученого...

— Ха-ха-ха... Хо-хо-хо...

Ах, пострелята!..

Не могу удержаться, чтобы не сказать заранее, что наше увлечение новым миром кончилось весьма плачевно. Но об этом после, в порядке событий.

Первобытная жизнь, окружавшая нас, не была особенно многообразна и сложна, зато — весьма многочисленна.

Воды кишели гигантскими, с доброе колесо от телеги раковинами — аммонитами и наутилусами; морскими лилиями и ежами; похожими на спрутов белемнитами (каракатицами); разнообразными животными, которые у нас получили название трилобитов; простейшими хрящевыми (без костей) рыбами и, наконец, рыбами, сплошь покрытыми костяной броней, так называемыми панцирными.

Были еще животные, которых мне довелось увидеть в первый раз; возможно, что они существовали и у нас в палеозойскую эру развития Земли, но почему-либо их остатки не сохранились в земляных пластах.

В общем же, вся морская жизнь отличалась крайней простотой организации своих представителей.

Каждый раз при появлении нового животного я сообщал своим друзьям его название, и вот дождался, наконец, ехидного вопроса:

— Скажите, уважаемый, когда в последний раз вы покинули эти взбаламученные моря, что разливаются на планете, именуемой вами Венерой...

Ребята, должно быть, сомневались не только в том, что мы находились на Венере, но и оставляли под сомнением те названия, которые я им сообщал, предполагая, очевидно, что последние являются плодом моего расстроенного воображения.

Ведь вот отъявленные скептики. Всегда им надо солидных подтверждений, чтобы принять к сведению тот или другой факт...

Я объяснил, что совсем не обязательно быть на той или другой планете, достаточно знать степень ее эволюции, ну, скажем, степень раскаленности (что определяется через миллионы верст астрономическими трубами), чтобы сделать научное предположение о природе населяющих ее организмов. И наука давно установила, что Венера находится в этой эре своего развития, которая для Земли была несколько десятков миллионов лет тому назад. По аналогии, так как в нашем солнечном мире условия развития должны быть одинаковы для всех планет, — всегда можно предположить, что и состояние животного царства Венеры соответствует тому, которое некогда было на Земле. И, как видите, эти предположения блестяще подтвердились.

Вот откуда я беру свои названия (из истории Земли я их беру) для тех животных, которыми вы сейчас любуетесь. Они — не измышление моего воображения, а термины, принятые наукой.

— Ну-ну, — удовлетворенно произнес старший юнец, — кройте дальше...

— Товарищ Григорий, — вдруг раздалось из драпри, — извольте и нам присоединиться к интересному зрелищу...

При слове «товарищ» ребята скривились, а к дальнейшему просвещению и без того «просвещенных» цилиндров они не выразили желания.

— Лежите себе, полеживайте, — пробурчал Григорий, — пока мы вас не отправили для изучения морских чудес в самое море...

И вот тут произошло нечто ужасное...

IX

НЕЧТО УЖАСНОЕ

Никто не мог ожидать такого оборота дела...

— Вверх руки, сопляки!!!

С дьявольскими усмешками на зверских своих рожах из-за драпри выпрыгнули совершенно развязанные «цилин-

дры» и... с револьверами в руках...

Как мне выругать себя и своих друзей за нашу общую непростительную оплошность?! Ну, разве можно было полагаться на этих трижды проклятых авантюристов?! Разве мыслимо оставлять свободное оружие вблизи этих злодеев, хотя и связанных, но прошедших огонь и воду и медные трубы!!

Миха протянул было руку к кобуре и она у него упала плетью, простреленная.

Григорий, хмурый, как небо над нами, без сопротивления поднял обе руки. О моей особе нечего и говорить: я чуть было не потерял сознания при внезапном появлении освободившихся мерзавцев.

Через несколько минут мы все трое лежали на полу, перекрученные теми же самыми веревками, почти спеленутые ими... О, «культурные» американцы знали, как надо связывать!..

Теперь злодеи совещались:

— Я знал, что мы легко освободимся от этих молоко-сосов, — прогнусавил безносый.

— Не было в том никакого сомнения, — подтвердил квадратный обрубок.

— А ведь мы немного перестарались, — сказал первый, — большевистского-то профессора нам придется развязать.

— Да. Нам трудно без него обойтись, — опять подтвердил второй.

Между ними царило полное согласие. Видимо, уже они давно подвизались совместно на преступной арене.

— Но мы должны будем сделать предупреждение, что немедленно прострелим его высокоталанливую голову, как только заметим за ним какую-нибудь шалость...

— Да, да, конечно. Я вот вставил как раз новый патрон; это — для него...

— А что нам сделать с малышами?

— Пустим их к рыбам изучать морское дно.

— Сейчас?

— Сначала уважаемый профессор выведет нас на сушу, — ведь должна же здесь быть суша, — а то, как видишь,

нельзя открыть двери, она в воде...

«Цилиндры» распеленали меня, но руки все-таки скрутили назад.

— Ну, доблестный ученый, подайте машину к земле; только не вздумайте выкидывать трюков...

— За трюки он лишится жизни, — прогнусавил пуговка.

Хотел бы я спросить этого пройдоху: из-за какого трюка он лишился своего носа?

Но я безмолвно повиновался, подавленный трагическими событиями.

Земли мне не пришлось долго искать, — а как бы я хотел, чтобы ее совсем не было. Она выросла тотчас же в виде небольшого острова, как только я пустил машину по волнам.

— К берегу, профессор, к берегу! — поощряли меня авантюристы.

Я подвел машину к острову.

— Теперь на берег!..

И вот в гуще первобытных деревьев-хвощей, сигилляриев, лепидо-дендронов, каламитов и пальмообразных папоротников высадились злодеи, чтобы совершить свое очередное преступление.

Предварительно револьверными пулями они разогнали немногочисленных обитателей острова — гигантских лягушек и змей: антракозавров и долихозов; затем вытащили из машины пленников.

Я, бледный, еле держась на ногах, попросил злодеев, чтобы они не делали меня свидетелем своего гнусного поступка; чтобы они позволили мне уйти в машину. Я боялся слез и криков своих несчастных юных друзей.

«Цилиндры», злорадно усмехаясь, приказали мне остаться на месте.

— Это послужит вам наукой... У вас пропадет скверная привычка колотить револьвером по чужим башкам...

Моя боязнь относительно поведения малышей, к счастью, не сбылась. Ни одного стога, ни одной жалобы, ни одной просьбы... Они даже ни разу не пикнули, эти муже-

ственные ребята, когда изверги волокли их по острым камням к воде (а ведь у Муха — раненая рука).

Я не говорю, конечно, о тех ужаснейших ругательствах, которые непрерывным потоком извергались из уст моих ребятишек на головы злодеев.

Я собирался закрыть глаза, когда... вдруг заметил упавшую на остров тень.

Птица? Птица не могла быть в палеозойской эре развития жизни...

Нет никакого сомнения: то была «сигара», похожая на нашу, и она стремглав падала к нам...

Злодеи приостановились, выжидая, немного смущенные.

«Сигара» опустилась подле нашей машины... Открылась дверка и через нее вышел человек.

Клянусь богом! Клянусь прахом моих предков! Я его узнал сразу, хотя никогда в жизни не видал...

Статная красивая фигура, обнаруживающая необыкновенную силу; юное, мужественное, с открытым большим лбом лицо; энергические движения; смелый пронизывающий взгляд цвета стали глаз...

Юноша — казалось, несколько не удивленный — твердой, спокойной поступью приблизился к нам; глянул на связанных ребят и только одного слово:

— Ком-са? — спросил он.

Ребятам это слово оказалось удивительно знакомым; они так и встрепенулись...

Но авантюристам оно не понравилось.

— Молодой человек, — вежливо сказал Джек, направляя на бесстрашного юношу револьвер, — будьте добреньки — ручки кверху...

Тот беспрекословно повиновался.

— Джек, свяжи его. Потом разберемся, — сказал «четыреугольный», не опуская револьвер.

Вот что произошло затем:

Джон с приготовленной веревкой подошел к юноше. Последний, храня неподобающе равнодушное выражение лица, во мгновение ока опустил руки и стиснул в своих, надо думать, исполинских объятиях ничего не ожидавшего аван-

тюриста; я видел, как от этих объятий у того вылезли глаза на лоб...

— Бросьте шутки, молодой человек! — гаркнул взбесившийся Джек. — Я очень метко стреляю...

— Стреляйте, — сказал юноша, загоразиваясь, как щитом, задохнувшимся пуговкой...

Я стоял сзади авантюриста. Я дрожал за отважного смельчака.

Джек нажал курок. В ту же секунду... Три события протекли в ту же секунду!..

Первое: моя нога независимо от моей воли вдруг поднялась и пнула Джека в мягкие части. Второе: Джек выстрелил и промахнулся. Третье: юноша, как из пращи, метнул безжизненное тело пуговицы в направлении выстрела и — это уже в следующую секунду — Джек грохнулся, глухо екнув, сраженный тяжестью своего закадычного друга...

Юноша улыбнулся и расцвел, как утренняя заря; подошел ко мне:

— Вы молодец, — сказал он и пожал мне руку.

О! Я до сих пор горжусь этой похвалой и этим пожатием!.. Пусть-ка осмелится кто сказать мне, что я совершил некультурный поступок! Пусть мне скажут, что недостойно интеллигентного человека употреблять ногу для нанесения побоев человеку же! Пусть что им заблагорассудится скажут! Черт побери, какое мне дело!..

Этот удивительный юноша, которого я узнал с первого взгляда, хотя ни разу в жизни не видал; этот солнцу подобный человек сказал мне:

— Вы молодец, — и... больше ничего. Точка.

Затем он подошел с той же улыбкой к ребятам.

— Так значит, Ком-са? — снова спросил он и стал освобождать их от пут.

Юнцы возбужденно застрекотали.

Я пришел в себя, я забеспокоился, я выказал необыкновенную предусмотрительность: как бы авантюристы не встали, как бы ни выкинули новой штуки. Нужно хотя бы отобрать у них револьверы; нужно...

— Не беспокойтесь, — мягко прервал меня юноша, продолжая распутывать моих друзей, — они теперь не встанут; я знаю, что делаю, и всегда отвечаю за свои поступки... Не так ли, «Ком-са»...?

Что это за магическое слово? Почему он так часто упоминает его?

И как это одной только «Ком-сой» он вмиг вылепил всю обстановку, с первого взгляда сообразил, что нужно делать?.. А теперь смотрите, теперь: он в три счета вошел в доверие ребят; заколдовал, зачаровал их «Ком-сой». Сделал их сразу настолько интимно-близкими себе, что я недоумевал: да полно, старина, не надувают ли тебя? Они просто знакомы друг с другом еще с тех пор, когда вместе под стол пешком хаживали...

Х

РАССКАЗ АНДРЕЯ

— Я знал, что вы прибыли, — говорил Андрей (это был он, знаменитый путешественник по Вселенной), — но я ожидал других — вернее, другого...

Мы сидели в избушке, сложенной из сигиллярий и ка-ламитов и скрепленной морскими лианами; весело трещал очаг, что было совсем не лишнее, так как мы изрядно вымокли под проливным дождем негостеприимной планеты.

— Безотрадное явление, — сказал по этому поводу хозяин избушки, бросив взгляд через окно. — Атмосфера Венеры так набухла водой, что небо постоянно плачет. За все время, сколько я здесь живу, не было ни одного сухого дня: дождь, дождь и дождь... Он, правда, не опасен — простудиться трудно, — сами видели, что на Венере все равно, как в хорошей бане, но надоедает сильно... Я изрыскал всю планету вдоль и поперек в поисках недождливой местности и нашел такую только на полюсах и около них; но там вместо дождя — бесперывный снег. Нанесло сугробища в

несколько километров высотой. И там уже совсем безотрадно: ни зверя, ни деревца, одна белая смерть... Я изредка для разнообразия навещаю и те местности, но не выживаю в них долго... Здесь хоть у меня есть друзья, с которыми я коротаю дождливые дни...

Он высунул голову в окно и резко свистнул.

Послышался грузный по лужам бег с тяжелой одышкой. Кто-то зацарапал в дверь. Андрей толкнул ее и впустил двух бесподобно милых зверенышей, от которых мы мгновенно забрались с ногами на скамейки-пни.

Это были два ящероподобных животных, каждый длиною с метр. Они имели непомерно большие изумрудные глаза, широкие головы с рядом мелких острых зубов на челюстях и туловище с двумя парами когтистых ног, постепенно суживающееся от головы до хвоста.

Андрей безбоязненно взял одного звереныша на руки; тот оскалил зубы, забил хвостом и стал гудеть-подвывать, выражая тем свое большое удовольствие. Второй оперся на хвост и на задние лапы; а передними зацарапал по его коленям.

— Здешние цари природы, — представил нам их Андрей.

— Это — бранхиозавры, — отозвался я, все еще не спуская ног, хотя ребята уже зацарапали второго звереныша и принялись, по своему обыкновению, дурачиться с ним. — Самые примитивные четвероногие. Они, очевидно, земноводные?

— Да, — согласился Андрей, — они одинаково любят и землю и воду. Детство же свое они целиком проводят в воде в виде головастики...

Вихрастый Гришка доигрался. Ему очень хотелось научить бранхиозавра стоять на голове (сам-то он постоянно даже ходит на ней); бранхиозавр никак не понимал, чего от него требуют, и в конце концов куснул дресировщика за палец.

— А, черт! — крикнул Гришка, обсасывая кровоточащий палец, — удивительно невоспитанное животное! Чем ты его кормишь, Ком-са?..

(Они уже теперь и друг друга почему-то величали «Ком-сами»).

Андрей поставил с полки два куска чрезвычайно белого мяса, кинул его своим воспитанникам и выпроводил их за дверь.

Вот что он нам рассказал затем по поводу своего чудесного пребывания на Венере.

— Возвращаясь из далекого путешествия, с Земли № 4, от славных «сосиалей», я должен был неоднократно опускаться на встречаемых планетах, чтобы заряжать психо-аккумуляторы. На иных планетах я встречал высоко организованную жизнь мыслящих животных, и там мне легко удавалось пополнить в машине запас психо-энергии. На других, вроде настоящей, жизнь заключалась в простых первобытных формах, и тут уже не взыщите — брать было нечего: я кое-как добирался до следующей планеты с мыслящими организмами, заряжал аккумуляторы, отдыхал и продолжал дальнейший путь.

Мне оставалось сделать всего лишь одну-другую сотню миллионов километров, чтобы попасть на родную Землю, но я не рассчитал заряда — машина разрядилась вчистую, и я принужден был опуститься здесь, где вы меня видите. Тщетно искал я на этой планете высших форм жизни. Мои четвероногие друзья и их порода стояли во главе этой жизни, венчали, так сказать, ее творческие достижения. Но от них была такая небольшая польза, что — я высчитал — мне понадобилось бы два с половиной года для достаточного наполнения аккумуляторов их психо-энергией... Однако полеты в пределах Венеры стали для меня возможны уже через месяц.

По прошествии этого срока я попытался силою изучения своего мозга известить Никодима, моего товарища по Луне, о печальном положении вещей. Это мне удалось. Мои психо-волны дошли до него, и он меня известил в свою очередь, что он находится в Америке, занятый какими-то научными изысканиями...

— В Америке?! — вырвалось у всех нас троих, но мы не стали прерывать рассказ.

— Да, в Америке... Он, по причине тех же самых изысканий, не мог сейчас же прибыть за мной; я его и не торопил, отдавшись изучению здешней природы и жизни. Мы ежедневно сносились друг с другом посредством психо-радиации; между прочим, тогда я и передал ему описание последнего своего путешествия по Вселенной...

Потом он почему-то вдруг замолк, и вот с тех пор прошло уже около семи месяцев...

— Семь месяцев!? — воистину ужаснулся я. — И вы не удавились, не застрелились, не наложили рук на себя, находясь столько времени один-одинешенек на этой безлюдной и угрюмой планете?!..

— Нет, ничего такого не было, — засмеялся Андрей, — было только чертовски досадно, что приходится сидеть здесь, сложа руки, коптить и без того прокопченное небо, когда мои силы нужны революции...

Вот так воля у этого юноши. Вот так дисциплинка нервов!.. Ему было лишь «чертовски досадно?!» Да я за эти семь месяцев сотню раз успел бы повеситься, утопиться, зарезаться или еще что... А ему только «досадно!..» Нет, уже тут форменная «Ком-са», белая и черная магия и больше ничего!..

— Семь месяцев прошло с тех пор, и я больше не получал от Никодима ни одной весточки. Я предполагал: или он пустился отыскивать меня и погиб в беспредельности Вселенной, сбившись с пути, или он остался в Америке и... тоже погиб...

— Это сволочи цилиндры! — не удержался «вихрастый» и вскочил в возбуждении со скамьи. — Это они его ухлопали... Скажи, Ком-са, твой друг Никодим не назывался ли еще Никандрием?..

— Да. Он мне сообщал, что принял такую фамилию в Америке...

— Это они! Это они! — «вихрастый» готов был бежать на берег моря, где остались бездыханные «цилиндры», что-бы... не знаю, что он хотел с ними делать; мы его удержали...

— Я догадывался, что в нашу радиацию кто-то проник, — сказал Андрей, — кто-то перехватывал наши мысли, — но мне не хотелось верить смерти друга... Итак, он умер...

Андрей тяжело задумался, облокотившись на колено: лицо омрачилось, глаза потухли... Впрочем, это продолжалось всего лишь одну минуту.

Он тряхнул головой и снова принял гордый, независимый ни от каких печалей, почти дерзкий вид. Его глаза обрели новые стальные блики, и в них напружилась такая огромная жажда мести, что мне стало жутко за того, на кого она выльется...

— Эх, Ком-са, не горюй! — вдруг вскочил он, слегка ударив «вихрастого» по плечу, от чего тот скривился и присел. — Летим на землю! Мы еще покажем им — цилиндрам и всякой сволочи — кузькину мать...

Кажется, меня они не относят к последней категории, а то, должно быть, эта «кузькина мать» — что-то в высшей степени неприятное, иначе незачем ее показывать...

ХІ

ПОСЛЕДНИЙ РЕЙС

В нескольких словах о нашем последнем межпланетном рейсе. Неудачно выдался он.

Мы перенесли аккумуляторы из «сигары» Андрея в свою машину, увеличив таким образом запас психо-энергии. «Сигару» пришлось оставить на Венере. Можно было бы ее взять с собой, если бы кто-нибудь из нас согласился ею управлять, но такого не нашлось: никому не хотелось разбивать компании.

К управлению сел Андрей (я, значит, получил отставку). И он с первой же минуты развил такую бешеную скорость, что мы в три часа покрыли расстояние от Венеры к Земле, расстояние свыше 50.000.000 километров...

Ну и мозжище у этого юноши... Нужно заметить, что, ведя машину, он и не думал отдаваться целиком ее управлению, как, скажем, это делал я. Нет, он все время балагурил, острил, смешил ребят и меня, словом, полет да еще на таком чудовищном ходу для него являлся шуткой... Вероятно, он, подобно Юлию Цезарю, умеет совмещать одновременно: и чтение, и письмо, и диктовку, и еще что-нибудь...

Три часа промчались незаметно и без всяких приключений.

Мы (я и ребята) были поражены, завидев так скоро воздушную оболочку родной планеты.

Андрей посмеивался:

— Видели бы вы, каким чертом я носился от одной комбинации Вселенной к другой... Там я уже не шутил и не смеялся, а до самой последней клеточки своего организма отдавался машине...

В несколько минут прошли земную атмосферу. Задержали ход, опознали территорию своего Союза и к нему.

Но... пролетая около западных берегов Черного моря, потерпели аварию.

Ну разве это не ирония судьбы?.. Всюду из самых невероятных положений — выходить сухими, а здесь, вблизи своей родины, намокнуть вдребезги и, кроме того, потерять машину!! Тут уже мне не докажут ребята, что мы сами виноваты! Это — рок, рок и больше ничего...

Какому-то эфиопу вздумалось выпалить в нас с берега из пушки (а машина шла тихо). И что обидно: из самой первобытной пушки. Из такой, какими стреляли в середине века... Ядро — представьте себе — каменное ядро, задело нос машины, сорвало передний проводник, чуть не убив Андрея, и испортило всю наружную сеть...

Машина стала падать...

Андрей, собрав все свои необъятные силы (вот где ему пришлось-таки показать себя), при помощи одной своей психо-энергии удержал машину от падения в воду, где она, наверное, захлебнулась бы, потопив и нас. Он думал достичь так советских берегов.

Мы неслись к Крыму, видневшемуся в виде тонкой полоски вдали. Ветер заходил в пробойну машины, ревел и сильно ослаблял быстроту нашего хода.

Всему бывает предел: Андрей, наконец, выдохся и крикнул:

— Ком-са! (я тоже, стало быть, Ком-са)... Сейчас шлепнемся в воду... Больше не могу... Откройте дверку... Вон я вижу пароход. Если моих сил не хватит доставить вас до него, прыгайте в воду, как только машина станет опускаться...

Спорить с ним не приходилось. Он всех нас одним решительным взглядом выпроводил к двери, а сам остался у поломанного механизма управления.

— Не беспокойтесь, — сказал он, — я не останусь в машине; мне еще не надоела жизнь... Выпрыгну вслед за вами...

До парохода он нас не довел, и мы, уподобившись взволнованным лягушкам, с трехсаженной высоты один за другим — Андрей последним — попрыгали в воду.

Продырявленная машина упала, пустила пузыри и пошла ко дну...

Ребята, не говоря уже об Андрее, выказали себя отличными пловцами, одним словом, — «ком-са»... Ну, а я... — да уже что там говорить — главный «ком-са» все время волок меня на своей широкой спине.

Через пять минут нас подобрал пароход «Ильич».

ХП

К СВЕДЕНИЮ НЕДОУМЕВАЮЩИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

Должно быть, слово «ком-са» взято с китайского языка. Я веду сейчас соответствующие изыскания. Это какая-то тайная организация, вроде ордена иезуитов, к примеру сказать, куда подбираются люди только необыкновенной силы: и физической, и нравственной и, конечно, органи-

зация чисто классовая. Вот что мне удалось пока узнать.

Я, собственно, не знаю, имею ли я право разбалтывать об этом во всеуслышание. Кажется, что в «ком-се» замешаны государственные интересы... Впрочем, — редакция гораздо легче, чем я, разберется в этом сложном вопросе.

Конец.

Примечания

Вторая часть романа «Межпланетный путешественник» публиковалась под загл. «Ком-са: Повесть» в журн. *Красные восходы* (Тифлис), 1924, №№ 2-3, 4-5, 6-7. Целиком роман впервые вышел в свет в изд-ве «Молодая гвардия» (М.-Л., 1924) тиражом в 7000 экз. В СССР не переиздавался. Переизд.: Витебск, без указ. изд., 2010; Екатеринбург: Тардис, 2011; М.: Книжный клуб Книгобек, СПб.: Северо-Запад, 2014 (в составе кн. «Психо-машина»).

Текст публикуется по первому изданию с исправлением ряда очевидных опечаток и некоторых устаревших особенностей орфографии и пунктуации.

Роман распадается на две разительно отличающиеся друг от друга части. Вторая («Ком-са»), выполненная в духе «красного Пинкертона», вероятно, была написана раньше первой – не исключено, таким образом, что предполагалось иное развитие сюжета с более прозаическим объяснением присутствия комсомольского вожака Андрея на Венере.

В первой части («Комбинации Вселенной»), как и в «Психо-машине», Гончаров вновь использует внушительный арсенал НФ-идей. Наряду с уже знакомыми читателю «психо-энергией» и психотранспортом, это – достаточно оригинальная по тем временам идея существования «копий» Земли, позволяющих совершать путешествия во времени, космическая инженерия, негуманоидные «капиталистические» цивилизации, биологическая эволюция человечества (в любовной линии романа и смелых описаниях половой жизни коммунистического мира «сосиалей» проскальзывают и гомосексуальные нотки), небывалые формы искусства будущего и т.д.

Некоторые из этих идей, безусловно, так или иначе развивают мотивы «Машины времени» Г. Уэллса (1895). Отчетливей выявляются и другие источники, как-то бульварная сыщицкая и «окультиная» литература, которые здесь же пародируются.

Отметим, что к концу романа автор приходит к полной идеализации комсомольцев: Андрей изображен в финале буквально полубогом, и даже рядовые представители «ком-сы» смекалкой, рассудительностью и храбростью намного превосходят почтенного профессора Зэнэля. Вместе с тем, и эта идеализация у Гончарова пародийно переосмысливается.

Оглавление

ЧАСТЬ I. КОМБИНАЦИИ ВСЕЛЕННОЙ

Глава I. Тайна веза Айрани	9
Глава II. На пороге неизвестного	21
Глава III. На Земле № 2	28
Глава IV. На Земле № 3	41
Глава V. В плену у бывших капиталистов	59
Глава VI. Первые шаги среди «сосиалей»	71
Глава VII. Жизнь на Земле через 500.000 лет	87
Глава VIII.	106

II. КОМ-СА (ЗАПИСКИ ПРОФЕССОРА ЗЭНЭЛЯ)

I. Два необыкновенных визита	119
II. Беседа на сквере	128
III. Первое путешествие	132
IV. Нью-Йорк	139
V. Глупейшее положение	144
VI. Цель лунной экспедиции открыта	153

VII. Вылезайте, ребята, вылезайте!!	157
VIII. Планета Венера	166
IX. Нечто ужасное	171
X. Рассказ Андрея	176
XI. Последний рейс	180
XII. К сведению недоумевающих читателей	182
П р и м е ч а н и я	184

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.